

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY
OF ECONOMICS AND MANAGEMENT

VESTNIK NSUEM

2023

№ 1

Novosibirsk
2023

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ «НИНХ»

ВЕСТНИК НГУЭУ

2023
№ 1

Новосибирск
2023

Журнал основан в 2008 г.

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

Глинский Владимир Васильевич, докт. экон. наук, профессор, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ» (Новосибирск, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:

Бобров Леонид Куприянович, докт. техн. наук, доцент, профессор, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ» (Новосибирск, Российская Федерация)

Смирнов Сергей Алевтинович, докт. филос. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация)

Ильиных Светлана Анатольевна, докт. социол. наук, профессор, заведующий кафедрой, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ» (Новосибирск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь

Серга Людмила Константиновна, канд. экон. наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ» (Новосибирск, Российская Федерация)

Редакционный совет:

Кулешов Валерий Владимирович, академик РАН, докт. экон. наук, профессор, научный руководитель, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация)

Шокин Юрий Иванович, академик РАН, докт. физ.-мат. наук, профессор, научный руководитель, Институт вычислительных технологий СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация)

Суслов Виктор Иванович, член-корреспондент РАН, докт. экон. наук, профессор, заведующий лабораторией, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация)

Аэров Андрей Петрович, канд. экон. наук, доцент, профессор, Казахский экономический университет им. Т. Рыскулова (Алматы, Казахстан)

Аджич София, доктор экономики, профессор, Нови-Садский университет, Факультет в Суботице (Суботица, Сербия)

Афанасьев Владимир Николаевич, докт. экон. наук, профессор, заведующий кафедрой, Оренбургский государственный университет (Оренбург, Российская Федерация)

Воронов Юрий Петрович, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация)

Герхард Эдуард, доктор, профессор, Университет прикладных наук (Кобург, Германия)

Гретченко Анатолий Иванович, докт. экон. наук, профессор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Москва, Российская Федерация)

Гусев Юрий Васильевич, докт. экон. наук, профессор, научный консультант, Всероссийский научно-исследовательский институт «Центр» (Москва, Российская Федерация)

Гусева Анна Ивановна, докт. техн. наук, профессор, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (Москва, Российская Федерация)

Донских Олег Альбертович, докт. филос. наук, профессор, заведующий кафедрой, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ» (Новосибирск, Российская Федерация)

Давар Эзра, докт. экон. наук, профессор, независимый исследователь (Нетания, Израиль)

Каленов Николай Евгеньевич, докт. техн. наук, профессор, ФНЦ Научно-исследовательский институт системных исследований РАН, главный научный сотрудник, Межведомственный суперкомпьютерный центр РАН (Москва, Российская Федерация)

Камински Ханс, PhD, профессор (Ольденбург, Германия)

Кисельников Александр Андреевич, докт. экон. наук, профессор, ведущий эксперт, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области (Новосибирск, Российская Федерация)

Кулапов Михаил Николаевич, докт. экон. наук, профессор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Москва, Российская Федерация)

Минаков Владимир Федорович, докт. техн. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Ниворожкина Людмила Ивановна, докт. экон. наук, профессор, заведующий кафедрой, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Одегов Юрий Геннадьевич, докт. экон. наук, профессор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Москва, Российская Федерация)

Самаруха Виктор Иванович, докт. экон. наук, профессор, Байкальский государственный университет экономики и права (Иркутск, Российская Федерация)

Селиверстов Вячеслав Евгеньевич, докт. экон. наук, профессор, заведующий Центром стратегического анализа и планирования, Институт экономики и промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация)

Тургун Ибрагим, доктор, профессор, декан, Синьцзянский университет информатики и инжиниринга (Урумчи, Китай)

Чеботарев Геннадий Николаевич, докт. юр. наук, профессор, президент, Тюменский государственный университет (Тюмень, Российская Федерация)

Щербаков Владимир Васильевич, докт. экон. наук, профессор, заведующий кафедрой, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Цингула Мариан, профессор, факультет экономики и бизнеса, Загребский университет (Загреб, Хорватия)

Редактор

Погудина Светлана Максимовна

Переводчик

Сухов Сергей Павлович

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-84774 от 17.02.2023 г.

The journal was founded in 2008.

The journal appears 4 times a year

Editor-in-Chief

Vladimir V. Glinskiy, Doctor of Economics, Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation)

Editorial Board:

Leonid K. Bobrov, Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation)

Sergey A. Smirnov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

Svetlana A. Ilyinykh, Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Department, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

Lyudmila K. Serga, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation)

Editorial Board:

Valery V. Kuleshov, Academician of the RAS, Doctor of Economics, Professor, Scientific Supervisor, Institute of Economics and Industrial Engineering of SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

Yuri I. Shokin, Academician of the RAS, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Scientific Supervisor, Institute of Computational Technologies SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

Victor I. Suslov, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory, Institute of Economics and Industrial Engineering of SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

Andrey P. Avrov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Ryskulov Kazakh Economic University (Almaty, Kazakhstan)

Sophia Adzhich, Doctor of Economics, Professor, University of Novi Sad, Faculty in Subotica (Subotica, Serbia)

Vladimir N. Afanasyev, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department, Orenburg State University (Orenburg, Russian Federation)

Yuri P. Voronov, Candidate of Economic Sciences, Senior Research Fellow, Institute of Economics and Industrial Engineering of SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

Eduard Gerhard, Doctor, Professor, University of Applied Sciences (Coburg, Germany)

Anatoly A. Gretchenko, Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation)

Yuri V. Gusev, Doctor of Economics, Professor, Scientific Advisor, All-Russian Scientific Research Institute “Tsentr” (Moscow, Russian Federation)

Anna I. Guseva, Doctor of Technical Sciences, Professor, National Research Nuclear University “MEPhI” (Moscow, Russian Federation)

Oleg A. Donskikh, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation)

Ezra Davar, Doctor of Economics, Professor, Independent Researcher (Netanya, Israel)

Nikolai E. Kalenov, Doctor of Technical Sciences, Professor, Federal Research Center for System Research RAS, Principal Researcher, Interdepartmental Supercomputer Center RAS (Moscow, Russian Federation)

Hans Kaminski, PhD, Professor (Oldenburg, Germany)

Alexander A. Kiselnikov, Doctor of Economics, Professor, Leading Expert, Territorial body of the Federal State Statistics Service in Novosibirsk region (Novosibirsk, Russian Federation)

Mikhail N. Kulapov, Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation)

Vladimir F. Minakov, Doctor of Technical Sciences, Professor, Saint-Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Lyudmila I. Nivorozhkina, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department, Rostov State Economic University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Yuri G. Odegov, Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation)

Viktor I. Samarukha, Doctor of Economics, Professor, Baikal State University of Economics and Law (Irkutsk, Russian Federation)

Vyacheslav E. Seliverstov, Doctor of Economics, Professor, Head of Strategic Analysis and Planning Center, Institute of Economics and Industrial Engineering of SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

Ibragim Turgun, Doctor, Professor, Dean, Xinjiang University of Information Science and Engineering (Urumqi, China)

Gennady N. Chebotaryov, Doctor of law, Professor, President, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation)

Vladimir V. Shcherbakov, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department, Saint-Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Marian Cingula, Professor, University of Zagreb (Zagreb, Croatia)

Editor

Svetlana M. Pogudina

Translator

Sergey P. Sukhov

CONTENT

SOCIETY AND ECONOMY: PROBLEMS OF DEVELOPMENT

<i>Burmatova O.P.</i> Trends in environmental requirements in Russia under sanctions	10
<i>Smirnov S.A.</i> Humanitarian expertise as a method of socio-humanitarian engineering (introduction to the ontology of humanitarian design)	30
<i>Kirillova A.D., Popov A.V.</i> Problems and prospects of youth employment in the digitalization of the Russian economy	47
<i>Ruban D.A.</i> Self-positioning of the book publishing leaders in Russia	60

FINANCE, ACCOUNTING AND ANALYSIS

<i>Balikoiev V.Z.</i> The evolution of finance as an economic category	76
<i>Voskanian R.O.</i> Principles of using multi-voting shares in corporate control	91
<i>Berdichevskaya V.O.</i> Cloud technologies in accounting of organizations: scopes, advantages and problems of use	99

FACTS, APPRAISALS, PERSPECTIVES

<i>Borisov V.N., Plotnikova D.A.</i> Railway engineering and production of electric trains in the context of import substitution	108
<i>Medzhidov Z.U.</i> The role of the Far Eastern macroregion in keeping the economic potential of Russia with the countries of the Asian region	129
<i>Svistunov A.V., Torchin I.A.</i> Customer-oriented approach to competitive apartment building management services	140
<i>Sachenok L.I.</i> Assessment of the economic efficiency of companies' activities as a factor of sustainable development of the region in conditions of instability of the socio-economic environment and restrictive measures	158

STATISTICS AND ECONOMIC DIMENSION

<i>Galushin P.V., Galushina E.N.</i> Cluster analysis of socially significant diseases in the Russian Federation	169
<i>Alekseev M.A., Freydina E.V., Serga L.K.</i> Typology of adaptation of complexity socio-economic systems in terms of organismic approach	184

THEORETICAL SEARCH AND OFFERS

<i>Ermakov A.S.</i> Digital warfare: concept, genesis, problems of defense of national interests of states	206
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

<i>Бурматова О.П.</i> Тенденции изменения экологических требований в России в условиях санкций	10
<i>Смирнов С.А.</i> Гуманитарная экспертиза как метод социогуманитарной инженерии (введение в онтологию гуманитарного проектирования)	30
<i>Кириллова А.Д., Попов А.В.</i> Проблемы и перспективы молодежной занятости в условиях цифровизации российской экономики	47
<i>Рубан Д.А.</i> Самопозиционирование лидеров книгоиздания России	60

ФИНАНСЫ, БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ И АНАЛИЗ

<i>Баликоев В.З.</i> Эволюция финансов как экономической категории	76
<i>Восканян Р.О.</i> Принципы использования мультиголосующих акций в корпоративном контроле	91
<i>Бердичевская В.О.</i> Облачные технологии в бухгалтерском учете организаций: области применения, преимущества и проблемы использования	99

ФАКТЫ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Борисов В.Н., Плотникова Д.А.</i> Железнодорожное машиностроение и производство электропоездов в условиях импортозамещения	108
<i>Меджидов З.У.</i> Роль Дальневосточного макрорегиона в сохранении экономического потенциала России со странами Азиатского региона	129
<i>Свиштунов А.В., Торчин И.А.</i> Клиентоориентированный подход к обеспечению конкурентоспособного обслуживания многоквартирных домов	140
<i>Саченок Л.И.</i> Оценка экономической эффективности деятельности компаний как фактора устойчивого развития региона в условиях нестабильности социально-экономической среды и ограничительных мер	158

СТАТИСТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

<i>Галушин П.В., Галушина Е.Н.</i> Кластерный анализ социально значимых заболеваний в Российской Федерации	169
<i>Алексеев М.А., Фрейдина Е.В., Серга Л.К.</i> Типология адаптации сложных социально-экономических систем в ракурсе организменного подхода	184

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

<i>Ермаков А.С.</i> Цифровая война: понятие, генезис, проблемы защиты национальных интересов государств	206
---	-----

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

SOCIETY AND ECONOMY: PROBLEMS OF DEVELOPMENT

Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 10–29

Vestnik NSUEM. 2023. No. 1. P. 10–29

Научная статья

УДК 502.17(1/9)

DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-010-029

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Бурматова Ольга Петровна

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

burmatova@ngs.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу современной ситуации в области экологического регулирования в России в условиях антироссийских санкций и возникающих новых вызовов, связанных с обеспечением экологической безопасности развития экономики и устойчивого развития. Показано, что основной вклад в решение целей на пути движения к устойчивому развитию отводится зеленой экономике, которая призвана не только обеспечить экономический рост без создания дополнительной нагрузки на окружающую среду, но и сопровождаться минимизацией связанных с ним экологических и социальных издержек. Однако в последнее время из-за усложнившихся экономических и политических условий многие страны вынуждены пересмотреть свои подходы к решению экологических проблем, в том числе в сфере внедрения зеленых технологий и поиска альтернативных путей решения возникающих проблем (особенно в области энергетики) по крайней мере в кратко- и среднесрочной перспективе. В соответствии с этим автор фокусирует внимание прежде всего на мерах, обусловленных влиянием санкций на государственную экологическую политику, и возможной реакции на них с точки зрения перспектив социально-экономического развития и соответствующей трансформации инструментов экологического управления. Показано, что в России в последние годы наметились пути адаптации экономики к зеленому переходу, активизировалась деятельность государства в области усиления значимости экологической политики и расширения конкретных мер, нацеленных на обеспечение экологической безопасности. Данные меры, несмотря на те или иные их недоработки, свидетельствуют о заметном сдвиге в сторону осознания важности экологической проблематики. Вместе с тем объявленные России с конца февраля 2022 г.

© Бурматова О.П., 2023

санкции, с одной стороны, усилили мотивацию российского бизнеса к самодостаточности (прежде всего технологической, что сократит и экологические риски), а с другой – позволили компаниям использовать их как аргумент для освобождения от части экологических обязательств. В статье проанализированы изменения целого ряда экологических требований в условиях санкций и дана оценка их возможных последствий с точки зрения средней и долгосрочной перспективы.

Ключевые слова: зеленая экономика, наилучшие доступные технологии, декарбонизация экономики, санкции и экология, экологические вызовы, стратегическое управление

Финансирование. Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Региональное и муниципальное стратегическое планирование и управление в контексте модернизации государственной региональной политики и развития цифровой экономики» – Проект 5.6.3.2. (0260-2021-0006) – № 121040100283-2.

Для цитирования: Бурматова О.П. Тенденции изменения экологических требований в России в условиях санкций // Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 10–29. DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-010-029.

Original article

TRENDS IN ENVIRONMENTAL REQUIREMENTS IN RUSSIA UNDER SANCTIONS

Burmatova Olga P.

*Institute of the Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences*

burmatova@ngs.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the current situation in the field of environmental regulation in Russia in the context of anti-Russian sanctions and emerging new challenges related to ensuring environmental safety of economic development and sustainable development. It is shown that the main contribution to the solution of goals on the path to sustainable development is given to the green economy, which is designed not only to ensure economic growth without creating an additional burden on the environment, but also to be accompanied by minimization of the environmental and social costs associated with it. However in recent years, due to the complicated economic and political conditions, many countries have been forced to reconsider their approaches to solving environmental problems, including in the field of introducing green technologies and finding alternative ways to solve emerging problems (especially in the field of energy). at least in the short and medium term. In accordance with this, the author focuses primarily on the measures caused by the impact of sanctions on the state environmental policy, and the possible response to them from the point of view of the prospects for socio-economic development and the corresponding transformation of environmental management tools. It is shown that in Russia in recent years there have been ways to adapt the economy to the green transition, the state has intensified its activities in the field of strengthening the importance of environmental policy and expanding specific measures aimed at ensuring environmental safety. These measures, despite some of their shortcomings, testify to a noticeable shift towards awareness of the importance of environmental issues. At the same time, the sanctions announced to Russia since the end of February 2022, on the one hand, increased the motivation of Russian business for self-sufficiency (primarily technological, which will also reduce environmental risks), and on the other hand, allowed companies to use them as

an argument for exemption from part of the environmental obligations. The article analyzes changes in a number of environmental requirements in the context of sanctions and assesses their possible consequences from the point of view of the medium and long term.

Keywords: green economy, best available technologies, decarbonization of the economy, sanctions and ecology, environmental challenges, strategic management

Financing. The article was prepared according to the research plan of the IEIE SB RAS, the project “Regional and municipal strategic planning and management in the context of modernizing the state regional policy and developing the digital economy” – Project 5.6.3.2. (0260-2021-0006) – No. 121040100283-2.

For citation: Burmatova O.P. Trends in environmental requirements in Russia under sanctions. *Vestnik NSUEM*. 2023; (1): 10–29. (In Russ.). DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-010-029.

Введение

В последние годы значимость экологической проблематики заметно усиливается как в мире, так и в России. Это во многом обусловлено обострением многих глобальных экологических проблем и связанных с ними рисков в среднесрочной и, особенно, в долгосрочной перспективе. К наиболее серьезным экологическим проблемам относятся усиливающееся загрязнение атмосферного воздуха, сопровождающееся в том числе изменением климата; ухудшение качества воды (особенно питьевой); деградация сельскохозяйственных угодий и снижение плодородия почв; рост объемов отходов производства и потребления, а также захоронения ядерных отходов; вырубка и сокращение площади лесов, в том числе из-за пожаров; истощение запасов многих видов полезных ископаемых; сокращение биоразнообразия и др. [4, 8, 9, 11, 13, 23, 28].

Поиск эффективных путей решения данных проблем выдвигает на первый план важнейший вызов современности, обусловленный необходимостью развития зеленой экономики и внедрения зеленых технологий в контексте обеспечения устойчивого развития во взаимосвязи решения экономических, экологических и социальных проблем. Зеленая экономика при этом трактуется как «такая экономика, которая приводит к улучшению благосостояния человека и социальной справедливости, значительно сокращая экологические риски и дефицит экологических благ» [14, 15].

В мировой практике постоянно идет поиск эффективных мер по снижению антропогенного давления на окружающую среду и следует признать, что в этом отношении достигнуты достаточно убедительные успехи, о чем свидетельствуют имеющиеся примеры лучших мировых практик в области экологизации производства. В частности, можно назвать разработку и внедрение малоотходных, энергоэффективных и ресурсосберегающих технологий; экологически результативных технологий переработки твердых коммунальных отходов; био- и нанотехнологии, информационно-коммуникационные технологии; экологически чистые виды транспорта и другие, которые получили собирательное название «зеленые технологии» [10].

Концепция, в соответствии с которой одним из путей достижения устойчивого развития является переход к зеленой экономике, получила распространение в мире начиная с 2009 г. Затем в 2012 г. на саммите по

окружающей среде в Рио-де-Жанейро было общепризнано, что движение в направлении устойчивого развития возможно лишь при переходе к зеленой экономике, которая нацелена на решение двуединой проблемы – роста качества жизни людей и сохранение экологических и ресурсных возможностей планеты [23, 28, 30].

Основной целью статьи является анализ предлагаемых ответов государственных структур на возникшие новые экологические проблемы в связи с санкциями. В соответствии с этим решаемые задачи предусматривают, во-первых, краткий анализ возможных путей по адаптации экономики страны к зеленому переходу, в рамках которого автор предлагает требуемый комплекс системных мер по институциональной и технологической трансформации российской экономики. Во-вторых, основное внимание сконцентрировано на происходящих в стране изменениях целого ряда экологических требований в условиях санкций и оценке их возможных последствий с точки зрения средней и долгосрочной перспективы социально-экономического развития. Результаты исследования могут быть использованы при формировании предложений по актуальным направлениям современной экологической политики.

Адаптация российской экономики к зеленому переходу

В России в 2021 г. принята «Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года», в которой поставлена довольно скромная цель – увеличить долю возобновляемых источников энергии с 1 % в 2020 г. до 10 % к 2040 г. Стратегия определяет меры по обеспечению к 2030 г. «сокращения выбросов парниковых газов до 70 % относительно уровня 1990 г. с учетом максимально возможной поглощающей способности лесов и иных экосистем...» [27]. В Стратегии предусмотрены меры, позволяющие снизить выбросы парниковых газов к 2050 г. на 14 % от текущего уровня (до 1830 т в CO_2 -эквиваленте). С учетом поглощения парниковых газов экосистемами их выбросы могут сократиться на 60 % (до 630 т в CO_2 -эквиваленте). Такие скромные результаты связаны с тем, что в России активная работа по зеленой повестке началась по существу только с принятием в декабре 2018 г. национального проекта «Экология». В других странах эти процессы начались значительно раньше: в США основные документы в этой области приняты еще в 1993 г., в ЕС «зеленый разворот» начался в 2005 г., в Китае – в 2015 г.

Перспективы перехода России к зеленой экономике большинством российских и зарубежных экспертов [31] оцениваются достаточно скептически прежде всего из-за сохраняющейся зависимости экономики страны от сырьевых ресурсов, а также технологической отсталости промышленности, отсутствия или неготовности технологий для зеленой экономики, в том числе энергетики. Представляется, на наш взгляд, что в сложившихся условиях следует особое внимание концентрировать на проблемах поиска и выбора необходимых инструментов управления для реального движения к зеленой экономике в контексте конкретных регионов, в которых имеются

необходимые предпосылки и заделы для формирования технологической базы создания различных секторов зеленой экономики.

Серьезный вызов для российских компаний в глобальном контексте реализации мер по снижению выбросов парниковых газов может быть обусловлен угрозой возможности их присутствия на европейских и других развитых рынках в связи с предполагаемым внедрением Европейским союзом трансграничного углеродного регулирования и введению углеродного налога для компаний-импортеров, претендующих на рынки стран-членов ЕС. По некоторым оценкам, потери российских компаний от введения углеродного налога могут составить до 7,6 млрд евро в год [16]. Это совершенно несопоставимо с установленными в России платежами и штрафами за нарушение экологических требований и создает серьезные риски для российских компаний, которые могут оказаться одними из наиболее уязвимых перед лицом экологических мер, принимающих реальное денежное выражение. Очевидно, что сокращение платежей по углеродному налогу потребует от России активизации мер по декарбонизации экономики.

Ужесточение условий доступа на европейские рынки за счет введения углеродного налога аргументируется ЕС тем, что многие европейские страны вложили колоссальные средства в развитие зеленой экономики и достигли заметных положительных результатов на пути движения к углеродной нейтральности. По сравнению с компаниями других стран, которые пока не вписались в зеленые тренды, европейские компании могут оказаться перед лицом высоких рисков снижения их конкурентоспособности. Для компенсации этого риска, якобы, и вводится углеродный налог. Нетрудно догадаться, что данная мера предполагается быть направленной в основном на российские компании (и, возможно, в определенной степени на китайские). В результате это грозит российским компаниям возможной потерей ряда позиций на европейском рынке.

Ожидавшие подобной меры со стороны ЕС российские компании, имеющие выход на рынки европейских стран, приняли активное участие в обсуждении проекта закона «Об ограничении выбросов парниковых газов». Закон был принят 2 июля 2021 г. [18]. В развитие данного закона № 296-ФЗ были также приняты поправки в ряд федеральных законов [19].

В рамках углеродного регулирования предполагалось проведение эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов на Сахалине с 1 марта 2022 г., однако начало эксперимента сдвинули на полгода. На примере Сахалина намечалось отработать механизм инвентаризации выбросов и поглощений парниковых газов и введения квот для крупных эмитентов. При этом достижение углеродной нейтральности на территории острова планировалось к концу 2025 г. Сдвиг начала эксперимента объясняется неподготовленностью ряда подзаконных актов, отсутствием методики по расчету объемов квот и правил взимания платы за их превышение.

К сожалению, принятый закон о выбросах № 296-ФЗ от 2 июля 2021 г. в результате мощного лоббирования интересов крупных компаний и поддержки их со стороны Правительства РФ не внес принципиальных изменений в сложившуюся ситуацию [16] и ясно продемонстрировал условно-правовую подготовку российского бизнеса к введению запланированного

Евросоюзом в ближайшие годы углеродного налога¹ и, соответственно, предотвращение возможных потерь в результате штрафов. В законе отсутствуют конкретные предложения по ограничению выбросов, предполагается лишь поэтапное введение системы отчетности крупных эмитентов об объемах выбросов ими парниковых газов при отсутствии ориентации на какие-либо количественные параметры, недостаточна детализация мер по достижению поставленных целей и их прогнозируемого влияния на выбросы. Отсутствуют в Законе также предложения по способам принуждения эмитентов к соблюдению квот на выбросы. Единственное пока требование к эмитентам – это указание на начало введения системы отчетности по выбросам к 2023 г.

Цель по возобновляемым источникам энергии также скромная – предполагается достичь в лучшем случае 4,5 % генерации от ВИЭ в энергобалансе страны к 2024 г. (при условии, если будет построено к этому сроку около 6 ГВт ВИЭ, что в сложившихся реалиях вряд ли достижимо). Столь же ограниченными остаются цели в области строительства и транспорта [31].

Просматривается также стремление российских компаний подменить реальные действия по достижению углеродной нейтральности менее эффективной деятельностью (но более простой и менее затратной), а именно лесоклиматическими проектами, нацеленными на сохранение и воспроизводство лесов [27]. Такие проекты, безусловно, важны, но они должны не заменять, а дополнять программы компаний по реализации технических и технологических возможностей снижения выбросов парниковых газов и следовать либо параллельно, либо после исчерпания таких возможностей.

В целом для превращения зеленой экономики в драйвер социо-эколого-экономического развития России требуется, на наш взгляд, осуществление комплекса системных мер по институциональной и технологической трансформации российской экономики к зеленому переходу, включая:

- стимулирование импортозамещения и экологизация производства в направлении его технической и технологической модернизации;
- создание новых отечественных предприятий по выпуску оборудования для альтернативной энергетики и других отраслей зеленой экономики (прежде всего специализированного машиностроения),
- активизацию использования среди инструментов экологической политики подхода, предусматривающего внедрение принципа наилучших доступных технологий;
- развитие экодевелопмента, формирование внутреннего рынка экологичной продукции и потребителей «зеленых» услуг;
- внедрение различных форм государственной поддержки «зеленых» проектов, в том числе увеличение вложений в ресурсосбережение и энергоэффективность российской экономики;

¹ ЕС предполагает введение трансграничного углеродного регулирования и достижение углеродной нейтральности к 2050 г. В рамках данного курса намечено взимание пошлин на импортируемые товары, производство которых сопровождалось эмиссией углекислого газа. Предполагается, что в тестовом режиме трансграничное углеродное регулирование заработает с 2023 г., а деньги (так называемые «зеленые сертификаты») с импортеров начнут взимать с 2026 г.

- переориентацию финансового сектора на эколого-социальное направление; формирование рыночных инструментов «зеленого» финансирования, создание фондов для финансирования целевым образом строительства объектов ВИЭ и других «зеленых» проектов;

- обеспечение большей открытости и учета факторов экологического и климатического следа и др.

Подобные преобразования будут возможны лишь при использовании системного подхода к разработке и реализации стратегий и программ в сфере зеленого перехода, методов «зеленого» управления и инновационной модернизации экономики.

Ослабление экологических требований в условиях санкций

Последние несколько лет (особенно с 2014 г.) отличались активизацией государства в области усиления значимости экологической политики и расширения конкретных мер, нацеленных на осуществление природоохранной деятельности. В частности, был принят целый ряд новых экологических законов и внесены поправки в закон «Об охране окружающей среды в Российской Федерации» (об экологической информации, о квотах на выбросы загрязняющих веществ и др.). С конца 2018 г. запущен национальный проект «Экология». С 2019 г. началась реализация мер по внедрению принципа наилучших доступных технологий, который был объявлен в качестве ключевого направления государственной экологической политики. В 2021 г. разработана и утверждена «Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года». Произошел реальный сдвиг в отношении к зеленой повестке, что сопровождалось поиском необходимых инструментов управления для реального движения к формированию зеленой экономики. Все эти меры, несмотря на те или иные их недоработки, свидетельствовали о заметном сдвиге в сторону осознания важности экологической проблематики.

Вместе с тем следует признать, что в настоящее время в России наступили не лучшие времена для решения экологических проблем. Санкционный пресс, под которым оказалась Россия с конца февраля 2022 г., с одной стороны, мотивирует ее к усилению самодостаточности (прежде всего путем импортозамещения), тем самым сокращая всевозможные риски и угрозы, включая экологические. С другой стороны, в очередной раз (после экономического кризиса в 1998 г. и финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг.) ради помощи крупному отечественному бизнесу и освобождения его от дополнительной нагрузки власти выбрали путь, когда приходится жертвовать экологической безопасностью по различным направлениям.

Это проявляется, в частности, в следующих мерах и действиях [1, 2, 7, 17, 24, 26, 28, 30].

1. Ослабление многих экологических требований, перенос их соблюдения на несколько лет. Это касается в первую очередь принятого и законодательно закреплённого перехода на принцип наилучших доступных технологий (НДТ), первый подготовительный этап которого в значительной степени уже пройден. Так, принят целый ряд подзаконных актов, подго-

товлены и опубликованы справочники НДТ; началась постановка предприятий на государственный учет. Второй этап (2019–2022 гг.) предусматривал выдачу комплексных экологических разрешений (КЭР) для новых производственных объектов, а также для 300 специально отобранных действующих крупнейших предприятий-загрязнителей, имеющих утвержденные программы повышения экологической эффективности [3]. Данный этап, едва начавшись, сдвинут на 2 года (с 31.12.2022 на 31.12.2024 г.), соответственно переносятся и сроки направления заявок на получение КЭР для экологически наиболее опасных предприятий, включенных в специальный перечень.

Кроме того, на два года откладывается реализация мер по созданию автоматизированных систем экологического мониторинга на предприятиях-загрязнителях, получивших КЭР до 15 марта 2022 г. На наш взгляд, без создания оперативной системы экологического мониторинга на объектах-загрязнителях в принципе невозможно иметь достоверную и своевременную информацию о вкладе различных предприятий в загрязнение окружающей среды в конкретных регионах и принимать необходимые оперативные и адекватные управленческие решения.

Проблема внедрения автоматизированных систем экологического мониторинга на объектах-загрязнителях существенно усложняется тем, что в стране такие системы до сих пор не являлись обязательными и, соответственно, как правило, отсутствовали за ненадобностью, за исключением ряда крупных компаний, выходящих на мировые рынки. Для предприятий, работающих преимущественно на внутренний рынок, пока не имеется прецедентов их налаживания и успешного функционирования. Это означает, что всю работу придется начинать с нуля и выстраивать систему автоматического контроля преимущественно за счет средств предприятий. Серьезным тормозом в этом отношении является вопрос о возможности обеспечения таких систем дистанционными методами сбора информации, необходимыми измерительными и другими приборами отечественного производства, которое пока не налажено в требуемых объемах и ассортименте [3].

Практически все системы автоматического контроля состояния атмосферного воздуха полностью или в значительной степени (до 75 %) работают на импортной (преимущественно европейской) элементной базе, а производство аналогов внутри страны может потребовать годы [6].

В результате названных послабляющих решений достижение целей, которые преследовались при переходе на принцип НДТ, отодвигается, на наш взгляд, на неопределенный срок и ставит под вопрос ожидаемую активизацию деятельности предприятий в части модернизации и реконструкции производства и стимулирования импортозамещения как в области основных производственных, так и природоохранных технологий. Следствием принятых мер будет рост риска дальнейшего ухудшения экологической ситуации в городах и регионах России, особенно в ее Азиатской части, где экологические нагрузки на окружающую среду в пределах территорий повышенной концентрации экологически опасных производств и без того значительно превышают установленные нормы.

2. Введение моратория на экологический контроль, замораживание плановых проверок предприятий органами надзора Минприроды России. В 2022 г. все плановые проверки предприятий Росприроднадзором приостановлены, также на год заморожены плановые надзорные мероприятия в лесной отрасли. В условиях отсутствия контроля сомнительно ожидать от предприятий экологически ответственного поведения, которым и до санкций они особо не отличались. Результатом может стать рост загрязнения и ухудшение экологической ситуации во многих регионах страны. Сохранившиеся внеплановые проверки вряд ли позволят изменить ситуацию к лучшему.

3. Сдвиг реализации целого ряда разработанных и реализуемых экологических программ, в том числе в области развития зеленой энергетики и в целом зеленой экономики. В частности, сворачивание ряда энергетических программ частично обусловлено введением Евросоюзом запрета на новые инвестиции в энергетический сектор в России, особенно в проекты создания ВИЭ-генерации (за исключением гражданской ядерной энергетики и транспортировки определенных энергетических продуктов в ЕС). Под вопросом могут оказаться и проекты развития водородной энергетики, реализация которых продолжится, но сроки потребуют корректировки из-за потери основных зарубежных партнеров и инвесторов.

Многие меры объясняются в первую очередь серьезными и нерешенными до сих пор проблемами импортозамещения и поиска новых поставщиков оборудования, производство которого в России пока не налажено. Требуется создание новой отрасли – экологического машиностроения, в том числе создание новой возобновляемой генерации, которое следует начинать с локализации производства оборудования для нее. Если и дальше двигаться в этом направлении «ни шатко ни валко», как это было до сих пор, то наши потери в долгосрочной перспективе могут быть значительными.

4. Приостановка или перенос на годы вперед исполнения принятых в последние годы экологических законов. Это относится, в частности, к ФЗ № 195 [21]. Так, предлагается перенести на два года срок завершения эксперимента (который был начат 01.01.2020 г.) по квотированию загрязняющих веществ (с 31.12.2024 до 31.12.2026 г.), а также отложить на год (с 01.09.2022 до 01.09.2023 г.) срок расширения перечня территорий-участников эксперимента. Пока в эксперименте участвуют 12 городов, из которых 6 расположены в Азиатской части страны (Братск, Красноярск, Новокузнецк, Норильск, Омск и Чита).

Представляется важным отметить и перенос на год (с 01.09.2022 на 01.09.2023 г.) исполнения так называемого «Усольского закона»², в соответствии с которым собственники предприятий обязаны ликвидировать последствия негативного воздействия на окружающую среду в случае вывода из эксплуатации экологически опасных объектов [20]. Причем за 5 лет до

² Название закона связано с печальным опытом экологической катастрофы на комбинате «Усольехимпром», которое работало в г. Усолье-Сибирское (Иркутская область) с 1936 г. Его производственная деятельность была прекращена в 2010 г., предприятие обанкротилось и не выполнило свои обязательства по ликвидации накопленного вреда, бросив на территории промышленной площадки емкости с токсичными отходами, в том числе ртутью.

такого вывода собственник должен разработать план мероприятий (и иметь его финансовое обеспечение) по ликвидации накопленного вреда окружающей среде и получить по нему положительное заключение государственной экологической экспертизы. Аналогичное требование распространяется также на угольные шахты. Данным Законом вводится и требование недопущения нецелевого использования экологических платежей³.

5. Приостановление выполнения ряда федеральных экологических проектов. В частности, в рамках национального проекта «Экология» сдвинуты сроки завершения проекта «Чистый воздух» с 2024 на 2026 г. и Федерального проекта «Внедрение наилучших доступных технологий». Отложены сроки и по другим проектам нацпроекта «Экология» из-за введенных санкций, проблем с импортозамещением, поиска новых поставщиков оборудования, проблем с организацией систем экологического мониторинга на предприятиях и т.д. Так, в сложившихся новых условиях вызывают сомнения возможности реализации в запланированные сроки и таких Федеральных проектов нацпроекта «Экология», как «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами» (особенно проекты по утилизации ТКО и строительству мусороперерабатывающих заводов), «Инфраструктура для обращения с отходами I–II классов опасности», «Чистая вода», «Оздоровление Волги», «Сохранение озера Байкал» и др.

6. Снижение допустимых норм сброса загрязненных сточных вод, отводимых в озеро Байкал. Минприроды России внесло поправки к приказу, контролирующему состояние озера Байкал, в соответствии с которыми предусматривается снижение требований к сточным водам, отводимым в озеро и впадающим в него рекам. Так, предлагается ослабить нормативы по содержанию взвешенных веществ в 1,6 раза, железа – в 10 раз, хрома – в 1,3 раза, ртути – в 13 раз, анионных синтетических поверхностно-активных веществ (АСПАВ) – в 2 раза, адсорбированного органического хлора (АОХ) – в 200 раз. Аргументом служит утверждение, что действующие требования либо невозможно точно измерить и, соответственно, соблюдать, либо имеющиеся технологии не позволяют добиться нужного качества очистки. Кроме того, поправки допускают увеличение концентрации веществ, сбрасываемых в воду в центральной и буферной экологических зонах Байкала: по АОХ – в 3 раза, по АСПАВ – в 1,5 раза [1].

Специалисты справедливо опасаются, что такие послабления создадут серьезные угрозы экосистеме Байкала и по существу означают отказ от контроля за содержанием хлорорганических соединений, которые содержатся в отходах Байкальского ЦБК, подлежащих ликвидации после его закрытия в 2013 г. Следует заметить, что существующие «требования по определению показателя АОХ для сброса сточных вод нормированы на очень низком уровне определения» [25], т.е. нормативы были и так занижены. Дальнейшее ослабление нормативов сброса загрязняющих веществ и отсутствие контроля за стоками приведут к их сбросу в реки, по которым

³ Плата за негативное воздействие на окружающую среду, штрафы за административные правонарушения в области охраны окружающей среды и платежи по искам о возмещении нанесенного вреда.

токсичные вещества будут попадать в Байкал. На наш взгляд, вместо манипуляций с нормативами требуется ввести прямой запрет на сброс сточных вод непосредственно в озеро.

7. Ослабление требований к экологическим стандартам, регулирующим содержание вредных веществ в выхлопных газах автомобилей (данное послабление следует из проекта Постановления Правительства РФ о «Правилах оценки соответствия колесных транспортных средств, выпускаемых в особый период»).

В России с 01.01.2016 г. действует стандарт Евро-5, однако на фоне обсуждения проблемы дефицита комплектующих для автомобилестроения высказываются предложения снизить существующие требования вплоть до стандарта Евро-0⁴. Заметим, что с 01.06.2016 г. в России запрещено производство бензина экологическим классом ниже К5 (или Евро-5). К этому можно добавить, что с 2016 г. плата за негативное воздействие на окружающую среду с передвижных источников не взимается. Отказ от стандарта Евро-5 аргументируется нарушением цепочек поставок электронных блоков управления, которое привело к дефициту данных блоков, поступавших из-за рубежа. Новые правила коснутся только крупных российских концернов (с численностью сотрудников более 5 тыс. человек), а также производителей электробусов, полуприцепов и компаний, попавших под санкции [5].

В настоящее время 99 % автомобилей в России работают на ископаемом топливе (на бензине и газе). На долю автотранспорта приходится от 30 до 70 % суммарных выбросов в атмосферный воздух (в крупных городах – больше, например, в Москве – до 90 %, в Новосибирске – до 73–75 % и т.д.). Поэтому решение проблемы перехода транспорта на более чистый источник энергии стоит довольно остро. Ослабление же требований для автомобильного транспорта будет означать и снижение требований к качеству двигателей автомобилей и производимого бензина, что может повлечь резкий рост загрязнения атмосферного воздуха прежде всего в городах страны.

8. Снижение в пять раз коэффициентов, применяемых к расчету платежей за вредные выбросы в атмосферу сверх допустимых норм (предложения Комиссии Государственного совета РФ по направлению «Экология и природные ресурсы» от 29.03.2022 г.)⁵.

В настоящее время законодательством установлено увеличение коэффициентов платы за временно разрешенное воздействие в размере $K = 25$ и за воздействие, превышающее разрешенное, $K = 100$ (с 01.01.2020 г.). Введение подобных коэффициентов предусматривалось как инструмент экономического стимулирования природоохранных мероприятий (прежде

⁴ Евро-0 был введен на большей части Европы в 1988 г. и в дальнейшем заменен на стандарты Евро-1 в 1992 г., Евро-2 – в 1995, Евро-3 – в 1999, Евро-4 – в 2005, Евро-5 – в 2009, Евро-6 – в 2015 г.

⁵ Трубное решение: в РФ могут снизить плату за промышленные выбросы. URL: <https://nangs.org/news/ecology/trubnoe-reshenie-v-rf-mogut-snizit-platu-za-promyshlennyye-vybrosy> (дата обращения: 17.08.2022).

всего достижения соответствия НДТ), поскольку предполагало рост платежей за НВОС до размеров, сопоставимых с затратами на очистку (в случае несоблюдения технологических нормативов).

Предложение о снижении коэффициентов соответственно до 5 и 25, на наш взгляд, не только вредное, но и бессмысленное, поскольку, во-первых, нарушает основополагающий принцип экологической политики – «загрязнитель платит», предусматривающего обязательную компенсацию виновником загрязнения наносимого ущерба здоровью человека и природе. Во-вторых, используемый сторонниками данной меры аргумент, в соответствии с которым средства, высвобождаемые в результате сокращения платежей за загрязнение, будут направлены на переориентацию на производство российского природоохранного оборудования и материалов, не выдерживает критики. Это связано с тем, что российские предприятия в своем большинстве (кроме, возможно, отдельных предприятий-лидеров) не закупали за рубежом такое оборудование, а в России его производство необходимо налаживать по многим позициям с нуля. Кроме того, суммарные платежи за НВОС в России составляют мизерные величины, недостаточные для инвестирования в серьезные мероприятия. Так, в 2019 г. они равнялись 19 млрд руб., в 2020 г. – 17,6 млрд руб.⁶ (в расчете на отдельное предприятие-загрязнитель – это смехотворные суммы⁷).

9. Перенос на неопределенный срок реализации программы декарбонизации российской экономики. В частности, намечено увеличение добычи угля и сохранение его экспортного потенциала, что приведет к увеличению выбросов. Далее, Минэнерго предлагает продлить на два года (до 2028 г.) сроки модернизации НПЗ по заключенным соглашениям с нефтекомпаниями, которые могут столкнуться с задержками по срокам окончания работ из-за санкций [7].

Доля ВИЭ в настоящее время составляет всего 0,6 % от общей энерговыработки и в ближайшей перспективе его быстрого роста не ожидается. По данным Минэнерго, к 2030 г. она может увеличиться не более, чем до 2 % [28, 29]. Замедление создания ВИЭ-генерации объясняется прежде всего техническими и технологическими проблемами развития возобновляемой энергетики в РФ, отсутствием четких сценариев развития сектора ВИЭ в новых условиях. Имеют значение и потери из-за санкций внешнего рынка для производимой электроэнергии с использованием альтернативных источников и ухода из страны крупных источников зарубежных инвестиций. Особенно ощутимый удар нанесен ветроэнергетике, которая зависит от европейских комплектующих. Выход здесь видится в создании отечественных зеленых технологий; внутреннего рынка потребителей «зеленых» услуг, привлечения китайских, индийских и других азиатских инвесторов.

⁶ Там же.

⁷ В 2020 г. в России число предприятий, загрязняющих воздух вредными выбросами, составило только официально около 30 тыс. объектов [Число предприятий-загрязнителей воздуха выросло за год на 21 %]. URL: <https://newizv.ru/news/society/16-06-2021/chislo-predpriyatiy-zagryazniteley-vozduha-vyroslo-za-god-na-21> (дата обращения: 15.08.2021).

Заключение

Возможное влияние санкций на экологическую политику государства в целом и регионов в частности, на наш взгляд, несколько преувеличено. И до санкций государственная экологическая политика была далека от результативной, а деятельность многих предприятий в области охраны окружающей среды не представляется возможным оценивать как экологически состоятельную. Это касается и экологического законодательства, и слабости экономической базы экологических законов и в целом экономического механизма экологического регулирования, и экологического мониторинга и особенно экологического контроля, и отставания в сфере внедрения экологически ориентированных технологий, и постоянного ослабления института экологической экспертизы, и чисто символического значения экологического менеджмента и экологического аудита и других направлений экологической политики [4]. Об этом, в частности, свидетельствует ухудшающаяся в динамике экологическая ситуация во многих городах и регионах России [22].

Все решения, по которым экологические меры сдвигаются во времени вперед, отменяются или ограничиваются, касаются, как правило, таких аспектов экологического регулирования, которые и до санкций в той или иной мере заметно пробуксовывали и имели все шансы быть не реализованными. Поэтому санкции и последовавшие за ними послабления методов и рычагов экологического регулирования, с одной стороны, в значительной мере облегчат жизнь предприятий-загрязнителей, которые под предлогом санкций получили возможность ничего принципиально не менять в своей экологической деятельности, а с другой – создают риск увеличения негативного воздействия на окружающую природную среду прежде всего из-за ослабления экологического контроля и снижения экологических требований.

Ожидать, что компании в новых условиях будут использовать предоставляемую им экологическую паузу для активизации инвестиций в импортозамещение, в том числе в производство современного природоохранного оборудования, экологически ориентированных производственных технологий, оборудования для организации экологического мониторинга и т.п., совершенно не приходится. В результате из кризиса страна может выйти с еще более сложной экологической ситуацией со всеми вытекающими из этого негативными последствиями. Если даже предположить, что предоставленные бизнесу экологические послабления действительно подвигнут его на принципиально важные шаги в направлении создания производств по выпуску современного природоохранного оборудования, то на это потребуются серьезные инвестиции и годы (по экспертным оценкам с учетом разработки отечественных технологий – от 5 до 10 лет⁸).

Реально ощутимая нагрузка на экономику России может быть связана с глобальной политикой перехода к углеродной нейтральности. И здесь не

⁸ Какие технологические санкции ввели против России из-за вторжения на Украину – и какие грозят еще. URL: <https://tjournal.ru/tech/541988-kakie-tehnologicheskie-sankcii-vveli-protiv-rossii-iz-za-vtorzheniya-na-ukrainu-i-kakie-grozyat-eshche> (дата обращения: 13.06.2022).

обойтись без активизации декарбонизации экономики и внедрения зеленых технологий как в энергетику, так и в промышленность, транспорт и сельское хозяйство. Правительство РФ оценивает ежегодные расходы на меры по снижению углеродного следа от 1 до 2 % ВВП до 2050 г. [12]. Существенными могут быть и потери для российских компаний в связи с введением Европейским союзом уже в ближайшее время (в 2023–2025 гг.) углеродного налога.

В целом сложившаяся в России система государственного управления в сфере охраны окружающей среды, технологическое состояние экономики, экологическое право и другие аспекты институциональной среды требуют, на наш взгляд, серьезной трансформации для обеспечения эффективной реализации стоящих в экологической сфере задач. Предстоит колоссальная работа государственных органов и бизнес-сообщества по формированию необходимых технологических, законодательных, организационных, информационно-аналитических и других условий такой трансформации. Первостепенными задачами являются импортозамещение, реальное внедрение стратегических методов планирования и управления, поиск новых источников поставок и рынков сбыта, реструктурирование логистических цепочек, декарбонизация экспортоориентированных отраслей промышленности, реализация отечественного природного потенциала поглощения парниковых газов и многие другие.

Поскольку введенные против России санкции направлены прежде всего на ограничение возможностей технологического развития экономики, то они с высокой вероятностью могут отразиться и на снижении масштабов экологизации производства.

В то же время санкции против России будут иметь и негативные глобальные экологические последствия, связанные с усугублением катаклизмов, вызванных изменением климата, а также с последствиями экономического характера. С одной стороны, намеченная цель удержать рост среднемировой температуры в пределах необходимых 1,5 °C оценивается как труднодостижимая. С другой стороны, антироссийские санкции «фактически ставят крест на мировых экологических достижениях и отбрасывают их на десятилетия назад. Западные ограничения срывают глобальный энергопереход и ставят человечество на грань выживания» [26].

Отказ от использования российской нефти и газа вынудил многие страны возвращать угольную генерацию, что неизбежно отразится на росте выбросов парниковых газов. Усложняются условия создания и функционирования энергетики на ВИЭ, для которой необходимы различные цветные металлы (особенно медь, никель, кобальт, литий, хром, цинк, алюминий), платиноиды и редкоземельные металлы, поставщиком многих из них является Россия. В 2021 г. Россия занимала существенные доли в добыче палладия (38 %), платины (11 %), никеля (9 %), алюминия (5,6 %), меди (4 %) и кобальта (4 %). Из-за санкций поставки сокращаются, цены быстро растут, что создает препятствия для развития ВИЭ-генерации в развитых странах и делает энергопереход еще более дорогостоящим [17]. Аналогичная картина характерна и для производства электромобилей и аккумуляторов.

Еще один глобальный фактор роста парниковых эмиссий связан с изменением авиамаршрутов и увеличения времени полетов. Длительность авиарейсов по всему миру увеличилась от 30 мин до 5 ч (из-за закрытия для российских самолетов пространства Евросоюза и аналогичных мер над Россией для примерно 400 иностранных рейсов), а каждый дополнительный час полета увеличивает выбросы CO₂ на 7,5 т. «При этом сокращение количества перелетов над Россией не может привести к сокращению количества выбросов и улучшению экологической ситуации. Поскольку углекислый газ равномерно распределяется в атмосфере, и при этом не важно, в какой части планеты выбросы увеличились, а в какой – уменьшились. Рост парниковых эмиссий одинаково влияет на климатическую ситуацию в целом»⁹. Для нейтрализации дополнительных объемов выбросов при прочих равных условиях необходимо увеличивать источники его поглощения, прежде всего воспроизводство лесов. В России сохранение данной ситуации потребует многократного (в разы) роста масштабов лесовосстановления, в чем особого прогресса у нас последние 30 лет пока не наблюдалось.

Под влиянием всех названных факторов антироссийские санкции могут поставить под удар международные соглашения по декарбонизации, в частности, меры по ограничению строительства угольных электростанций, темпов роста отраслей зеленой энергетики и др. Свой вклад в сворачивание зеленой активности и сдвиг вперед зеленого перехода внесет и экономический кризис.

Возвращение к решению многих экологических проблем, отложенных из-за специальной военной операции на Украине, потребует не только трудно прогнозируемого времени, необходимого для завершения соответствующей операции, но и значительного времени и колоссальных средств для налаживания в дальнейшем производства отечественного оборудования, различных технических и технологических систем, дистанционных систем мониторинга взамен зарубежных, в том числе из числа зеленых технологий. Все это, безусловно, создает серьезные угрозы перспективам перехода страны на рельсы зеленого развития. Есть основания предполагать, что Россия имеет довольно высокие шансы выйти из кризиса еще более «коричневой», тогда как многие развитые страны в результате многолетнего активного перехода на более экологичные виды топлива, сокращения выбросов парниковых газов и дальнейшего успешного внедрения малоотходных и ресурсосберегающих технологий станут еще более «зелеными».

Список источников

1. Байкал все стерпит // Коммерсантъ. 16 мая 2022.
2. Бизнес просит правительство смягчить экологические требования из-за санкций // Ведомости. 03 апреля 2022.
3. Бурматова О.П. Формирование институциональной среды природоохранной деятельности (на примере внедрения принципа НДТ) // Мир экономики и управления. 2020. Т. 20, № 3. С. 148–165. DOI: 10.25205/2542-0429-2020-20-3-148-165

⁹ Выбросы самолетов увеличились на 25 % из-за санкций (2022). URL: <https://ecosphere.press/2022/05/30/vybrosy-samoletov-uvelichilis-na-25-iz-za-sankcij> (дата обращения: 05.06.2022).

4. Бурматова О.П. Экологические вызовы в регионе: анализ, пути предотвращения рисков и снижения угроз // Экономика региона. 2021. Т. 17. Вып. 1. С. 249–261. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-19>
5. В России снимают требования к экологическому классу автомобильных двигателей // Коммерсантъ. 19 апреля 2022.
6. Закондырин А. Импортозамещение: в поисках эффективной модели экологической политики в условиях санкций // Ведомости. 21 апреля 2022.
7. Минэнерго разработало план поддержки энергокомплекса в условиях санкций // Ведомости. 17 марта 2022.
8. Порфирьев Б., Широков А., Колтаков А. Климат для людей, а не люди для климата // Эксперт. 2020. № 31–34. С. 44–47.
9. Порфирьев Б.Н. «Зеленый» фактор инновационной модернизации экономики: вызов для России // Вестник Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2016. № 3. С. 3–14.
10. Приоритетные направления внедрения технологий умного города в российских городах. Экспертно-аналитический доклад / Центр стратегических разработок «Северо-Запад». М., 2018. 178 с.
11. Современные тренды экологически устойчивого развития. Международная научная конференция, посвященная памяти академика Т.С. Хачатурова: сборник тезисов / под ред. С.Н. Бобылева, И.Ю. Ховакко. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2018. 202 с.
12. Углеродный переход может обойтись России в 1–2 % ВВП в год // Коммерсантъ. 13 января 2022.
13. Achieving Net Zero Heavy Industries in G7 Members, IEA, 2022. URL: <https://www.iea.org/events/achieving-net-zero-heavy-industries-in-g7-members> (дата обращения: 07.09.2022).
14. Framework for industry's net-zero transition. Developing financing solutions in emerging and developing economies. OECD environment policy paper. No. 32. September 2022. 62 p.
15. UNEP's Green Economy Initiative (GEI, 2019). URL: <https://www.unep.org/greenconomy> (дата обращения: 22.05.2022).
16. Как будет работать новый закон о выбросах парниковых газов? URL: <https://ecosphere.press/2021/07/28/kak-budet-rabotat-novyy-zakon-o-vybrosah-parnikovyyh-gazov> (дата обращения: 12.09.2021).
17. Куда ведет зеленый переход: будущее ВИЭ в новых условиях. URL: <https://ecosphere.press/2022/08/23/kuda-vedet-zelenyj-perehod-budushhee-vie-v-novyh-usloviyah> (дата обращения: 21.09.2022).
18. Об ограничении выбросов парниковых газов: Федеральный закон № 296-ФЗ от 2 июля 2021 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388992 (дата обращения: 15.07.2021).
19. О внесении изменений в главу XVI Федерального закона «Об охране окружающей среды» и статьи 1 и 4 Федерального закона «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха». 2 июля 2021 года. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/66109> (дата обращения: 15.08.2021).
20. О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: ФЗ от 30.12.2021 № 446-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112300043> (дата обращения: 15.04.2022).
21. О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха: Федеральный закон от 26.07.2019 № 195-ФЗ (дата обращения: 15.08.2021).

22. Оценка эколого-медицинской ситуации в городах Сибири на основе открытых данных // Наука в Сибири. 20.09.2021. URL: <https://www.sbras.info/articles/opinion/otsenka-ekologo-meditsinskoi-situatsii-v-gorodakh-sibiri-na-osnove-otkrytykh-dannykh> (дата обращения: 21.09.2021).
23. Пискулова Н. Вызовы для экологической перестройки мировой экономики. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vyzovy-dlya-ekologicheskoy-perestroyki-mirovoy-ekonomiki> (дата обращения: 24.06.2021).
24. Природа под санкциями: как экологию приносят в жертву экономике. URL: <https://plus-one.ru/ecology/2022/05/18/priroda-pod-sankciyami> (дата обращения: 24.06.2022).
25. Самбурский Г.А., Погорелый А.М. (2022) Аспекты нормирования хлорсодержащих веществ, сбрасываемых со сточными водами в озеро Байкал. DOI: <https://doi.org/10.18412/1816-0395-2018-7-16-19>. URL: https://www.ecology-kalvis.ru/jour/article/view/1083?locale=ru_RU (дата обращения: 24.04.2022).
26. Сопутствующие потери. Как санкции против России уничтожают природу и угрожают миллиардам людей? URL: <https://lenta.ru/articles/2022/05/24/udarnayavolnaeco> (дата обращения: 07.06.2022).
27. Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fWO32e2yA0BhtlpyzWfHaiUa.pdf> (дата обращения: 05.11.2021).
28. Стратегия успеха: как зеленая экономика спасет мир. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2021/02/17/13482584.shtml?ysclid=l2hoplhv3y&updated> (дата обращения: 24.04.2021).
29. Трудный переход. Что ждет возобновляемую энергетику в России? URL: <https://ecosphere.press/2022/05/30/trudnyj-perehod-chto-zhdet-vozobnovlyemuyu-energetiku-v-rossii> (дата обращения: 14.06.2022).
30. Экономика vs экология: ради спасения бизнеса в России отменяют экологический контроль и сворачивают экопроекты. URL: <https://ecosphere.press/2022/04/13/ekonomika-vs-ekologiya-radi-spaseniya-biznesa-v-rossii-otmenyayut-ekologicheskij-kontrol-i-svorachivayut-ekoproekty> (дата обращения: 24.04.2022).
31. Эксперты оценили российскую стратегию низкоуглеродного развития как «неудовлетворительную». URL: <https://ecosphere.press/2022/02/11/eksperty-ocenili-rossijskuyu-strategiyu-nizkouglerodnogo-razvitiya-kak-neudovletvoritelnuyu> (дата обращения: 12.04.2022).

References

1. Bajkal vse sterpit [Baikal endures everything], *Kommersant* [Kommersant], 16 may, 2022.
2. Biznes prosit pravitel'stvo smjagchit' jekologicheskie trebovanija iz-za sankcij [Business asks the government to soften environmental requirements due to sanctions], *Vedomosti* [Vedomosti], 03 april, 2022.
3. Burmatova O.P. Formirovanie institucional'noj sredy prirodohrannoj dejatel'nosti (na primere vnedrenija principa NDT) [Formation of the institutional environment for environmental protection (on the example of the implementation of the BAT principle)], *Mir jekonomiki i upravlenija* [World of Economics and Management], 2020, vol. 20, no. 3, pp. 148–165. DOI: 10.25205/2542-0429-2020-20-3-148-165
4. Burmatova O.P. Jekologicheskie vyzovy v regione: analiz, puti predotvrashhenija riskov i snizhenija ugroz [Ecological challenges in the region: analysis, ways to prevent risks and reduce threats], *Jekonomika regiona* [Economics of the region], 2021, vol. 17, iss. 1, pp. 249–261. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-19>

5. V Rossii snimajut trebovanija k jekologicheskomu klassu avtomobil'nyh dvigatelej [In Russia, they remove the requirements for the environmental class of car engines], *Kommersant*# [Kommersant], 19 april, 2022.
6. Zakondyrin A. Importozameshhenie: v poiskah jeffektivnoj modeli jekologicheskoy politiki v uslovijah sankcij [Import substitution: in search of an effective model of environmental policy under sanctions], *Vedomosti* [Vedomosti], 21 april, 2022.
7. Minjenergo razrabotalo plan podderzhki jenergokompleksa v uslovijah sankcij [The Ministry of Energy has developed a plan to support the energy complex in the face of sanctions], *Vedomosti* [Vedomosti], 17 march, 2022.
8. Porfir'ev B., Shirov A., Kolpakov A. Klimat dlja ljudej, a ne ljudi dlja klimata [Climate for people, not people for climate], *Jekspert* [Expert], 2020, no. 31-34, pp. 44–47.
9. Porfir'ev B.N. «Zelenyj» faktor innovacionnoj modernizacii jekonomiki: vyzov dlja Rossii [“Green” factor of innovative modernization of the economy: a challenge for Russia], *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 6. Jekonomika* [Vestnik Moscow University. Ser. 6. Economy], 2016, no. 3, pp. 3–14.
10. Prioritetnye napravlenija vnedrenija tehnologij umnogo goroda v rossijskih gorodah. Jekspertno-analiticheskij doklad [Priority directions for the implementation of smart city technologies in Russian cities. Expert-analytical report]. Centr strategicheskikh razrabotok «Severo-Zapad». Moscow, 2018. 178 p.
11. Sovremennye trendy jekologicheskij ustojchivogo razvitija [Modern trends in environmentally sustainable development]. Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija, posvjashhennaja pamjati akademika T.S. Hachaturova: Sbornik tezisov. Pod red. S.N. Bobyleva, I.Ju. Hovavko. Moscow, MGU im. M.V. Lomonosova, 2018. 202 p.
12. Uglerodnyj perehod mozhet obojtit' Rossii v 1–2 % VVP v god [Carbon transition may cost Russia 1–2 % of GDP per year], *Kommersant*# [Kommersant], 13 january, 2022.
13. Achieving Net Zero Heavy Industries in G7 Members, IEA, 2022. Available at: <https://www.iea.org/events/achieving-net-zero-heavy-industries-in-g7-members> (accessed: 07.09.2022).
14. Framework for industry's net-zero transition. Developing financing solutions in emerging and developing economies. OECD environment policy paper. No. 32. September 2022. 62 p.
15. UNEP's Green Economy Initiative (GEI, 2019). Available at: <https://www.unep.org/greeneconomy> (accessed: 22.05.2022).
16. Kak budet rabotat' novyj zakon o vybrosah parnikovyh gazov? [How will the new greenhouse gas law work?]. Available at: <https://ecosphere.press/2021/07/28/kak-budet-rabotat-novyj-zakon-o-vybrosah-parnikovyh-gazov> (accessed: 12.09.2021).
17. Kuda vedet zelenyj perehod: budushhee VIJe v novyh uslovijah [Where does the green transition lead: the future of renewable energy in the new conditions]. Available at: <https://ecosphere.press/2022/08/23/kuda-vedet-zelenyj-perehod-budushhee-vie-v-novyh-uslovijah> (accessed: 21.09.2022).
18. Ob ogranichenii vybrosov parnikovyh gazov: Federal'nyj zakon № 296-FZ ot 2 ijulja 2021 goda [On limiting greenhouse gas emissions: Federal Law No. 296-FZ of July 2, 2021]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388992 (accessed: 15.07.2021).
19. O vnesenii izmenenij v glavu XVI Federal'nogo zakona «Ob ohrane okruzhajushhej sredy» i stat'i 1 i 4 Federal'nogo zakona «O provedenii jeksperimenta po kvotirovaniju vybrosov zagrjaznjajushhih veshhestv i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti snizhenija zagrjaznenija atmosfernogo vozduha» [On Amendments to Chapter XVI of the Federal Law “On Environmental Protection” and Articles 1 and 4 of the Federal Law “On Conducting an Experiment on Pollutant Emission Quotas and Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation in

- Reducing Air Pollution”. July 2, 2021]. 2 ijulja 2021 goda. Available at: <http://kremlin.ru/acts/news/66109> (accessed: 15.08.2021).
20. O vnesenii izmenenij v Federal’nyj zakon «Ob ohrane okruzhajushhej sredy» i otdel’nye zakonodatel’nye akty Rossijskoj Federacii: FZ ot 30.12.2021 № 446-FZ [On Amendments to the Federal Law “On Environmental Protection” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 446-FZ dated December 30, 2021]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112300043> (accessed: 15.04.2022).
 21. O provedenii jeksperimenta po kvotirovaniju vybrosov zagriznjajushhih veshhestv i vnesenii izmenenij v otdel’nye zakonodatel’nye akty Rossijskoj Federacii v chasti snizhenija zagriznenija atmosfernogo vozduha: Federal’nyj zakon ot 26.07.2019 № 195-FZ [On conducting an experiment on quotas for pollutant emissions and amending certain legislative acts of the Russian Federation in terms of reducing air pollution: Federal Law No. 195-FZ of July 26, 2019] (accessed: 15.08.2021).
 22. Ocenka jekologo-medicinskoj situacii v gorodah Sibiri na osnove otkrytyh dannyh [Assessment of the environmental and medical situation in Siberian cities based on open data], *Nauka v Sibiri* [Science in Siberia]. 20.09.2021. Available at: <https://www.sbras.info/articles/opinion/otsenka-ekologo-meditinskoi-situatsii-v-gorodakh-sibiri-na-osnove-otkrytykh-dannyh> (accessed: 21.09.2021).
 23. Piskulova N. Vyzovy dlja jekologicheskoy perestrojki mirovoj jekonomiki [Challenges for the ecological restructuring of the world economy]. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vyzovy-dlya-ekologicheskoy-perestrojki-mirovoy-ekonomiki> (accessed: 24.06.2021).
 24. Priroda pod sankcijami: kak jekologiju prinoshat v zhertvu jekonomike [Nature under sanctions: how the environment is sacrificed to the economy]. Available at: <https://plus-one.ru/ecology/2022/05/18/priroda-pod-sankciyami> (accessed: 24.06.2022).
 25. Camburskij G.A., Pogorelyj A.M. (2022) Aspekty normirovaniya hlorsoderzhashhih veshhestv, sbrasyvaemyh so stochnymi vodami v ozero Bajkal [Aspects of rationing of chlorine-containing substances discharged with wastewater into Lake Baikal]. DOI: <https://doi.org/10.18412/1816-0395-2018-7-16-19>. Available at: https://www.ecology-kalvis.ru/jour/article/view/1083?locale=ru_RU (accessed: 24.04.2022).
 26. Sopotstvujushhie poteri. Kak sankcii protiv Rossii unichtozhajut prirodu i ugrozhajut milliardam ljudej? [Associated losses. How do sanctions against Russia destroy nature and threaten billions of people?]. Available at: <https://lenta.ru/articles/2022/05/24/udarnayavolnaeco> (accessed: 07.06.2022).
 27. Strategija social’no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii s nizkim urovnem vybrosov parnikovyh gazov do 2050 goda [Strategy for the socio-economic development of the Russian Federation with a low level of greenhouse gas emissions until 2050]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fWO32e2yA0BhtIpyzWfHaiUa.pdf> (accessed: 15.08.2021).
 28. Strategija uspeha: kak zelenaja jekonomika spaset mir [Strategy for success: how a green economy will save the world]. Available at: <https://www.gazeta.ru/business/2021/02/17/13482584.shtml?ysclid=12hoplhv3y&updated> (accessed: 24.04.2021).
 29. Trudnyj perehod. Chto zhdet vozobnovljaemuju jenergetiku v Rossii? [Difficult transition. What awaits renewable energy in Russia?]. Available at: <https://ecosphere.press/2022/05/30/trudnyj-perehod-chto-zhdet-vozobnovlyaemuyu-energetiku-v-rossii> (accessed: 14.06.2022).
 30. Jekonomika vs jekologija: radi spasenija biznesa v Rossii otmenjajut jekologicheskij kontrol’ i svorachivajut jekoproekty [Economy vs ecology: in order to save business in Russia, environmental control is canceled and eco-projects are curtailed]. Available at: <https://ecosphere.press/2022/04/13/ekonomika-vs-ekologiya-radi-spaseniya-biznesa-v-rossii-otmenyayut-ekologicheskij-kontrol-i-svorachivayut-ekoproekty> (accessed: 24.04.2022).

31. Jeksperty ocenili rossijskuju strategiju nizkouglerodnogo razvitija kak «neudovletvoritel'nuju» [Experts rated the Russian low-carbon development strategy as “unsatisfactory”]. Available at: <https://ecosphere.press/2022/02/11/eksperty-ocenili-rossijskuyu-strategiyu-nizkouglerodnogo-razvitiya-kak-neudovletvoritelnuyu> (accessed: 12.04.2022).

Сведения об авторе:

О.П. Бурматова – доктор экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация.

Information about the author:

O.P. Burmatova – Doctor of Economics, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering of SB RAN, Novosibirsk, Russian Federation.

<i>Статья поступила в редакцию</i>	<i>27.09.2022</i>	<i>The article was submitted</i>	<i>27.09.2022</i>
<i>Одобрена после рецензирования</i>	<i>07.10.2022</i>	<i>Approved after reviewing</i>	<i>07.10.2022</i>
<i>Принята к публикации</i>	<i>02.11.2022</i>	<i>Accepted for publication</i>	<i>02.11.2022</i>

Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 30–46

Vestnik NSUEM. 2023. No. 1. P. 30–46

Научная статья

УДК 303.09

DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-030-046

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК МЕТОД СОЦИОГУМАНИТАРНОЙ ИНЖЕНЕРИИ (ВВЕДЕНИЕ В ОНТОЛОГИЮ ГУМАНИТАРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ)

Смирнов Сергей Алевтинович

Институт философии и права Сибирского отделения

Российской академии наук

smirnoff1955@yandex.ru

Аннотация. В работе представлено понимание практики гуманитарной экспертизы как метода. Обосновывается, что в так называемой постнеклассической ситуации допускается сосуществование разных онтологий и онтологических установок. Полагается, что эти онтологии проектны и человекотворны. На место привычных подходов объектного познания мира и овладения миром необходимым образом приходит подход, соразмеряющий, с одной стороны, постоянную трансформацию миров, с другой – метаморфоз и самих авторов проектов, переживающих также вместе с рукотворными мирами собственный процесс изменений. В статье представлен метод гуманитарной экспертизы, понимаемый как метод социогуманитарной инженерии, предполагающей конструирование и изменение социальных миров и управление метаморфозом этих изменений. Автор показывает, что переход к неклассической ситуации самоопределения связан с тем, что принцип человекоразмерности мира, принципы объективности, разумности и познаваемости мира замещаются иными установками: что мир не объективен, не соразмерен человеку, не разумен и не целесообразен. Он разный – в зависимости от установок проектирующего. В статье представлена принципиальная схема этого метода. Описана ситуация запуска и инициации проекта, ставящего в качестве своей цели не только создание новых миров, но и управление метаморфозом изменений авторов этих изменений. Этим отличается гуманитарное проектирование и социальная инженерия от известных и ранее описанных опытов и практик применения проектного подхода, в которых сами авторы проектов не выступали предметом рефлексивного самопроектирования.

Ключевые слова: гуманитарная экспертиза, социогуманитарная инженерия, метод экспертизы, человекоразмерность, проект, проектирование

Финансирование. Работа написана в рамках грантового проекта «Человек и новый технологический уклад. Антропологический форсайт» при поддержке Российского научного фонда (проект № 21-18-00103).

Для цитирования: Смирнов С.А. Гуманитарная экспертиза как метод социогуманитарной инженерии (введение в онтологию гуманитарного проектирования) // Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 30–46. DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-030-046.

Original article

HUMANITARIAN EXPERTISE AS A METHOD OF SOCIO-HUMANITARIAN ENGINEERING (INTRODUCTION TO THE ONTOLOGY OF HUMANITARIAN DESIGN)

Smirnov Sergey A.

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences*

smirnoff1955@yandex.ru

Abstract. The paper presents the conception of humanitarian expertise practice as a method. It is justified that the so-called post-non-classical situation allows coexistence of various ontologies and ontological patterns. It is presumed that these ontologies are project and human-created. The accustomed approaches of learning the world through objects and mastering the world in a necessary way are being replaced with an approach which measures, on the one hand, the constant transformation of the worlds, on the other – the metamorphoses and authors of the projects that go through their own process of changes together with human-created worlds. The article presents the method of humanitarian expertise understood as the method of socio-humanistic engineering which implies construction and alteration of social worlds and management of metamorphosis of these changes. The author demonstrates that the transition to non-classical situation of self-determination is related to the replacement of the principle of human-sizedness of the world and the principles of objectivity, rationality and cognizability of the world with other patterns: that the world is not objective, not human-scaled, not sensible or rational. It is diverse – depending on the patterns of the designer. The article presents the principle scheme of this method. It describes the situation of launch and initiation of the project aimed not only at creation of new worlds but management of the metamorphosis of the changes in the authors of these changes. It is the unique feature of humanitarian projection and social engineering that differs from previously described experience and practice of the application of the project approach, where the authors of the projects were not the subject of reflexive self-projection.

Keywords: humanitarian expertise, socio-humanistic engineering, method of expertise, human-sizedness, project, projection

Financing. The study was financially supported by the Russian Science Foundation. Project No. 21-18-00103 (“Man and a new technological order. Anthropological Foresight”).

For citation: Smirnov S.A. Humanitarian expertise as a method of socio-humanitarian engineering (introduction to the ontology of humanitarian design). *Vestnik NSUEM*. 2023; (1): 30–46. (In Russ.). DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-030-046.

Постановка задачи

В работе представлено понимание практики гуманитарной экспертизы (далее – ГЭ) как метода социогуманитарной инженерии. Хотелось бы сделать акцент прежде всего на этот инженерный аспект, вынося за скобки собственно аспект этический и гуманитарный, которые уже отмечались в предыдущих работах, посвященных специфике гуманитарной и этической экспертиз [7, 8]. Здесь же покажем *принципиальную схему* устройства ГЭ как *метода*, разворачивающегося по мере реализации разных проектов, за-

трагирующих основы той или иной сферы жизнедеятельности, имеющей гуманитарные последствия. Используя эту схему как *объяснительный и регулирующий принцип*, можно далее организовывать и выстраивать практику проведения ГЭ¹.

В этой связи важно помнить, что в схеме удерживается не столько объект ГЭ (что оценивается, т.е. проект), не столько результат реализации проекта, сколько процесс метаморфоз, переживаемый авторами проекта и его партнерами, включенными в процесс реализации проекта, испытывающими неизбежные социокультурные и гуманитарные изменения.

Парадигмальный сдвиг

Согласно классической рационалистической парадигме развития науки, доминирующей до XX в., научное сообщество полагало, что есть один мир, доступный познанию. А познающий его человек должен быть ему соразмерен. Относительно этого мира строилась та или иная онтология. Допускалось, что в силу единственности мира существует истина, скрытая сущность мира, к которой выстраивается долгий путь познания. Добываемым на этом пути знаниям о мире приписывалась истинность, достоверность и поэтому исследователи спорили относительно того, кто ближе и точнее к истинному, правильному пониманию мира сущего.

В рамках такой парадигмы допускается базовый постулат: мир объективен, разумно устроен, упорядочен, познаваем, доступен познанию отдельно взятым индивидом, становящимся в своем развитии познающим субъектом, осваивающим средства и конструкты познания. На этих допущениях базировался классический тип рациональности². Человек, познающий этот разумный мир, соразмерен ему. Фактически в основании познавательной классической парадигмы закладывался и принцип человекообразности мира и его познания [2, 3].

Неклассическая ситуация начинается тогда, когда именно этот принцип человекообразности перестает работать. Допускается, что в мире есть вещи, недоступные познанию, неразумные, необъективные и непредсказуемые. А познавательная деятельность перестает быть доминирующей в отношении человека и мира. Ей на смену приходит инженерная деятельность и соответственно этому – инженерная парадигма, в дополнение к научной.

В такой ситуации были поставлены под вопрос базовые постулаты о разумности и познаваемости мира и, соответственно, о его соразмерности человеку. Сама парадигма классической рациональности базируется на допущении, что в мире необходимо присутствие разумного существа, т.е. человека. Все представления о разумности, целостности, связности, всеобщности мира получают свою легитимность лишь потому, что в мире

¹ Опыт понимания и описания в целом практик проведения методологически организованной экспертизы как метода инициации общественных изменений, фактически как метод социальной инженерии, представлен в ряде работ отечественных авторов [1, 5, 6]. В нашей работе будем отталкиваться от идей, высказанных этими авторами, а также опираться на свой опыт, понимая специфику как языка, так и фактуры собственно гуманитарной экспертизы.

² См. также предыдущую работу [9, с. 20–23].

присутствует смысловая опора мира, разумный человек, соразмерный этому миру [2, 3, 9].

XX в. открыл человеку то, что было реальным откровением: мир не просто познаваем, он конструируется. Такое допущение стало возможным в связи с осуществленным онтологическим переходом, согласно которому допускается иная природа сущего: мир есть не только мир процессов, объективных и независимых от человека, а мир есть мир поступков, актов мышления, действия людей, мир нравственных выборов и ответственных действий, выступающих основанием для всех остальных сфер жизнедеятельности, включая познание, преобразование, конструирование, проектирование. И от того, как человек мыслит, действует и поступает, зависит и само понимание мира. Как человек помыслит, так он и будет жить.

В этой связи знаниевые и понятийные конструкты, ранее проверявшиеся на истинность, точность, достоверность, теперь должны проверяться также на осмысленность, целесообразность, человекоориентированность. Знания не отражают объекты, а наука, как выражался Р. Рорти, не является «зеркалом природы». Знания собираются, конструируются и строятся под конкретные проекты конкретными людьми и потому имеют деятельностьную природу. Они собираются и разбираются, строятся и пересобираются, их хранят в библиотеках культуры. Еще точнее – у знаний и понятий есть имя и фамилия, есть авторство. Они рождаются в конкретной деятельности, у которой есть авторы. Знания мозаичны, они постоянно пересобираются под проектные задачи и программы. В таком случае актуальной становится задача сбора и хранения разных массивов данных. Из них уже авторы проектов и программ собирают те или иные знаниевые конструкты, конструкторские проектные модели, состоящие из этих данных³.

В такой ситуации понятия, строящиеся ранее в классической модели науки и игравшие роль каркасных лесов, несущих конструкций, крепящих человеческий опыт, выполнявших функцию опор и ориентиров, перестают быть таковыми в силу снятия с эпистемологического опыта критерия объективности и достоверности, в силу того, что в мире не может быть единой и единственной онтологии, одной картины мира, нет потому и единых понятийных каркасов. Нет поэтому единого языка. Наступает «понятийная катастрофа» [5, с. 49].

Это приводит к угрозе дезориентации человека в принципе и к смене всей стратегии мышледействия – к отказу от выстраивания доктринальных концептов и теорий, которым приписывается объективность сущего, – в пользу выстраивания поисковых и навигационных стратегий, предполагающих разработку авторских проектных и программных схем и маршрутов действий. Забегая вперед, заметим, что практики гуманитарных экспертиз и форсайтов выступают как раз такими практиками навигации и выстраивания антропологии будущего.

³ Если в классической парадигме знаниям приписывалось онтологическое значение, за знаниями предполагалось некое сущее, теперь же за знаниями прикрепляются инженерные задачи, знания все менее отражают некое объективное сущее, они все более становятся средством для собирания конструкторов, строящихся под проектные задачи [5, с. 48].

Тем самым переходим от собственно привычной научной онтологии и картины мира (гомогенной, претендующей на истинность и достоверность) – к инженерным практикам мышления и действия множества субъектов, акторов, носителей воли, целей и полаганий. Именно конструирование и проектирование, сборка и разборка конструкторов из массивов данных, собирание разнородного материала под задачу есть сугубо инженерный тип действия. В эти сборочные конструкторы входят разные составляющие – собственно знания о процессах, социальные связи и коммуникации, управленческие функции и работы, технические задачи, позиции, цели и полагания акторов⁴.

По этой же инженерной логике сборки и разборки конструкторских схем действия стали выстраиваться и собственно социальные и гуманитарные проекты. Сама идея инженерии была распространена и на социальную и гуманитарную сферы.

В таком случае в инженерной парадигме необходима и соответствующая стратегия – соположения и сопричастия разных онтологий, картин мира, целей и оснований действий людей. Необходима организация разных онтологических картин и построение онтологических конфигураторов, имеющих не знаниевую природу, а целеполагающую, деятельностьную. Люди, носители конструкторов опыта, вынуждены договариваться о смыслах и целях своих действий, сопологать их друг другу, а не спорить о понятиях, о точности и правильности своих представлений, о том, что должно быть на самом деле.

Но согласование разных онтологических картин и выстраивание конфигураторов невозможно в привычном проектном залоге. Осуществление социально-культурного инженерного действия в человеческом общежитии, где пребывают разные носители отдельных воли и устремлений, невозможно в привычном проектном залоге – залоге выработки отдельно взятым субъектом своего проекта и его реализации. Так было ранее, в эпоху недавнего увлечения и массового внедрения проектного подхода, носители которого полагали, что любая идея, касаемая особенно социального и гуманитарного развития, если она правильно упакована в проект, должна быть реализуема. Это порождало и порождает разного рода очередные социальные утопии, реформации и конфликты.

Согласование многих воли невозможно лишь в проектном действии. Многообразие целей и устремлений и их постоянные изменения не могут быть спрогнозированы и спроектированы, равно как не могут быть пред-

⁴ Другие исследователи называют вышеназванный переход от классической к неклассической ситуации переходом от века науки к веку технаук, предметом которых выступает не столько познание мира, сколько его преобразование, в рамках которого и сам человек становится таким предметом биотехнологического преобразования [10, с. 10]. Более того, мир технаук имеет дело с неустойчивыми границами между миром человека и миром вещей или миром техники. Собственно, поэтому суть биоэтики, полагает П.Д. Тищенко, и заключается в том, чтобы путем экспертных дискуссий и согласований каждый раз заново формировать границы между миром людей и миром вещей, тем самым всякий раз возвращаясь вновь к ответу на вопрос – «что такое человек?», всякий раз восстанавливая демаркационную линию между миром человека и миром вещей. Эта граница в технауках становится предметом технологического конструирования [10, с. 11].

ставлены в единой гомогенной онтологии. Онтология в инженерной парадигме гетерогенна и гетерохронна. Идеи рождаются из разных источников, имеют разных носителей и не могут быть представлены в едином и единственном шаге развития и упакованы под один проект. Здесь много авторов, траекторий и схем представленности.

В силу снятия критерия объективности смещается и сам акцент понимания смысла действия. С объекта и всего дискурса о правильности и достоверности акцент переносится на проблему осмысленности действия и выработки адекватного *метода* этого действия. Акторы, носители действий, нуждаются в том, чтобы вырабатывать не столько знания о мире, сколько адекватные методы действия, способы построения работ, связанных с выстраиванием своего полагания в мире, где другой носитель действия также рассчитывает на свое осмысленное действие. А поэтому метод действия не обязан быть соответствующим некоему объекту (как в классической картине мира), он должен соплагаться целям и задачам авторов проектов, носителей идей развития. Метод должен соответствовать самому действию и учитывать последствия, связанные с тем или иным действием.

В силу этого растет фактор непредсказуемости в мире сосуществования множества воли и устремлений. Особенно растет непредсказуемость и непрогнозируемость гуманитарных последствий (в силу сложности их формализации) и увеличения сложности проектов и преобразований.

Поэтому важнейшим становится построение *метода действия* как способа преобразований посредством *управления гуманитарным сдвигом* в собственной ситуации человека, автора проектного действия, и учета ответных действий других контрагентов.

Сказанное предполагает представление метода действия не как исследования внешних, вне положенных автору проекта, объектов, а как метода навигации и поиска, по ходу которого происходит метаморфоз и самого автора проекта, носителя идеи. Но коль скоро этот метаморфоз предсказать и предзадать нельзя, то необходимо вырабатывать дорожные карты движения, маршруты изменений.

Эта дорожная карта показывает не внешние мировые тренды (роста цен, понижения спроса на автомобили определенной марки или новые стили в одежде, что обычно представлено в практике различных форсайтов), а *карты изменений носителя идеи, автора проекта, карты его гуманитарного метаморфоза*. Ведь его проект – это видение образа будущего его самого, его места, видение преобразований его предметной деятельности, куда он включен как живой ее носитель. Поэтому проект есть проект изменения самого субъекта, носителя проекта. Это карта его личностного и профессионального роста⁵.

⁵ С учетом вышесказанного проект прежде всего предполагает трансформацию мышления автора проекта, посредством чего происходит и трансформация ситуации. В этом плане не надо ломать людей, заставлять их меняться, давить на них извне. Прежде всего автор проекта переживает метаморфоз своего способа мысли и начинает видеть ситуацию по-другому: «Проект – это трансформация ситуации, ориентированная таким образом, чтобы при минимальных изменениях было достижение всех целевых пунктов. Надо сохранять внешнюю структуру, миссию, назначение, цели. А изменения и перестройки вообще должны быть минимальными. Перестройки надо производить в мыслях и психологических состояниях» [11, с. 118].

Для полагания своего проектного действия автор представляет перед собой схему позиций и коммуникаций, целей и задач, своих и других. Автор преобразований должен видеть самого себя в своей схеме и другого, и глазами схемы он начинает видеть собственно и сам мир. Без представленности мира в схеме мысли и действия он слеп. В схеме осмысливается и цикл жизни этого мира.

Мышление о порождении мира посредством проектов и их гуманитарных последствиях есть мышление авторское. Оно не исследует готовый внешний объект, не преобразует готовые объекты внешней среды, не конструирует машину вне человека. Это авторское произведение, точнее, даже автопортрет, видение собственно метаморфоза своей формы жизни. Автор организует собственный шаг развития мира в ситуации постоянного дефицита знаний о нем.

В схеме проектного действия тем самым необходимо удерживать:

1. Позиции, включая позицию автора проекта и позиции ближайших соседей, контрагентов или партнеров по предметной деятельности.

2. Карту полигона предполагаемых проектных действий, которые автор предполагает совершить в мире предметной деятельности.

3. Систему, наличность всех связей и коммуникаций в предметной деятельности.

4. Включенность автора в некое целое, большее, чем он сам. Например, проект посвящен преобразованию учебной деятельности в университете. Без видения университета как целого и встроенности в него автор проекта будет обладать дефицитом видения.

5. Возможности и моменты непредсказуемости действий других акторов для автора преобразований («джокеры», «дикие карты»).

6. Правила, нормы взаимодействия на полигоне изменений.

7. Видение места проекта в сфере предметной деятельности, которая будет переживать изменения.

Автор проекта, субъект действия, выступает «мыслящей инстанцией», носителем этой схемы изменений, которая, как и сама мысль, больше отдельно взятого индивида. Автор проекта, хотя исходно и выступающий индивидом, в ходе проекта *достраивает* себя до субъекта действия и до мыслящей инстанции, стремясь удерживать все целое преобразований, всю ситуацию изменений, которая при вбрасывании проекта всегда будет больше отдельно взятых индивидов.

Только субъект изменений как мыслящая инстанция (большая, чем индивид) может быть соразмерной масштабу изменений и должен быть способным меняться по мере изменения ситуации.

Последнее необходимо и возможно при выполнении ряда условий (см. также [5, с. 60]):

- жизненная включенность автора проекта в ситуацию изменений; он проектирует не еще один инструмент, он порождает новую форму жизни, меняя мир и самого себя;

- готовность автора проекта достраивать себя до масштаба ситуации изменений;

- готовность и способность выстраивать коммуникацию с другими агентами изменений;
- готовность и способность работать с непредсказуемыми ответными действиями, выступающими в качестве джокеров для новых проектов.

Гуманитарная экспертиза как метод. Принципиальная схема

Итак, в инженерной парадигме человек сам встроен в мир и сам порождает его изменения. Поэтому природа таких изменений событийна и рукотворна, а не объектно-процессная.

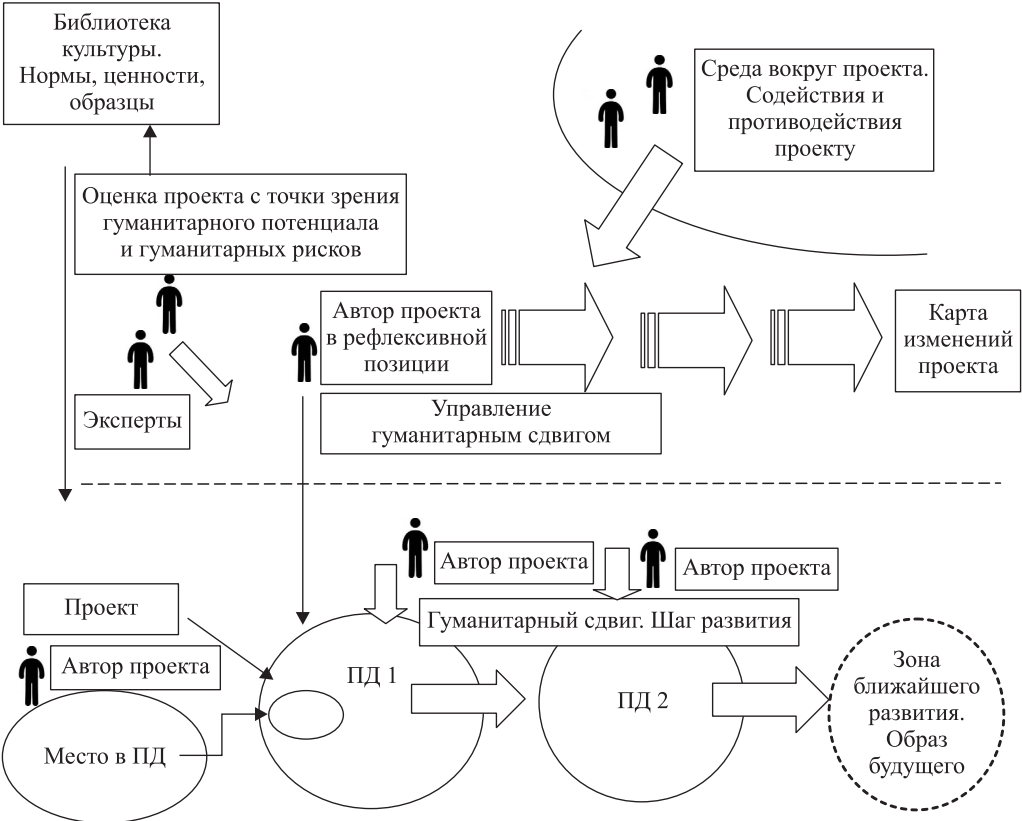
В этой рамке и рождается собственно гуманитарная экспертиза (далее – ГЭ) как институт и практика установления места человека через его проектное действие, становясь событием этого установления. Поэтому ГЭ есть метод социогуманитарной инженерии, а не акт познания.

Практики конструирования привели к переходу от кантовского вопроса «Что такое человек?» (и связанного с этим стремления выверять и проверять знания о человеке на предмет их истинности и объективности) к вопросу о том, «Где есть человек?», ответ на который событиен: человек есть тот, каким он совершается в мире, что он делает с самим собой, человек есть поступающее мышление и действие, посредством чего он, человек, и находит, обретает свое место, которое также событийно. Оно всякий раз переустанавливается в момент события мышления и действия. Поэтому и границы этого места человека прозрачны и пульсирующие⁶.

Если границы места человека пульсируют, то он потому всякий раз их и восстанавливает. Предмет ГЭ и есть восстановление места человека, его границ, тем самым собственно его *нормы быть*. Она, ГЭ, есть метод установления, восстановления этого места. Поэтому она выступает не познавательным действием относительно того, что такое человек, а конструированием этого места, выстраиванием его места, его нормы быть, поскольку эта норма не субстанциальна, она событийна (норма быть есть усилие быть).

В таком случае в основании устройства ГЭ как социогуманитарного инженерного действия должна быть положена представленная в нашем мышлении и выраженная в знаковой форме принципиальная схема ее устройства, имеющая не познавательный смысл, а проектно-событийный. Эта схема существует сугубо в нашем мышлении как объяснительный принцип, с помощью которого показывается регулятивный механизм действия ГЭ (рисунок).

⁶ Ср. у Х. Плеснера: границы человека виртуальны, ментальны. Например, линии на рисунке не обладают никаким реальным сущим. Они могут быть проведены, затем стерты, затем вновь проведены. Так и границы человека и его тела [4, с. 104–108]. Граница места человека не существует сама по себе, она полагается как место соприкосновения одного, меня, с иным мне. Это соприкосновение пульсирует. Граница представляет собой в таком случае некий пульсирующий контур.

Гуманитарная экспертиза. Принципиальная схема.
ПД – предметная деятельность
Humanitarian expertise. Schematic diagram.
PD – subject activity

На схеме фигура обозначает автора проекта в различных позициях (в ситуации инициации проекта, хода проекта, управления проектом, в рефлексивной позиции).

Этот знак обозначает позицию экспертов в верхней левой части схемы, а также позицию сторонников и противников проекта в верхней правой части.

В нижней половине схемы показан путь проекта, его развертывание. Над этой частью показано рефлексивное отслеживание проекта и управление гуманитарным сдвигом. Эта часть самая важная. От степени и масштаба изменений и понимания авторами проекта собственного метаморфоза зависит и ход самого проекта.

Собственно содержанием изменений является изменение сферы самой предметной деятельности (ПД), которая «сидит» на ее носителях и переживает пошаговые изменения (ПД 1, ПД 2 и т.д.).

Повторим, что гуманитарная экспертиза понимается нами как метод социогуманитарной инженерии, т.е. способ организации и управления социальными и гуманитарными изменениями, происходящими не вне людей, а на самих людях, связанными с реализацией проектов, содержанием кото-

рых является внедрение так называемых умных технологий в различные сферы жизнедеятельности человека.

Лишь в узком, привычном, смысле ГЭ можно понимать как оценку гуманитарных рисков и негативных, деструктивных последствий внедрения умных технологий в жизнедеятельность человека, наблюдаемых в силу этого внедрения, и этических проблем, с этим связанных. Об этом в литературе много написано [7, 8].

Мы полагаем, что именно поэтому имеет смысл понимать и выстраивать ГЭ как метод инициации и управления процессом гуманитарных изменений, происходящих на людях в связи с внедрением технологий, меняющих привычный уклад жизни, привычное устройство базовых деятельности людей.

В состав этого метода входят следующие виды работ.

1. Инициация, генезис проектов, порождающих гуманитарный сдвиг, имеющих гуманитарные последствия.

2. Организация работ по реализации этих проектов.

3. Оценка проектов с точки зрения возможных гуманитарных последствий, связанных с реализацией проектов. Проведение процедуры оценки гуманитарных рисков и гуманитарного потенциала проекта в рамках защиты и обоснования проекта.

4. Мониторинг процесса реализации проекта, организация сопровождения проектов.

5. Выработка норм и правил человеческого общежития, необходимых в ситуации гуманитарных изменений.

6. Выработка и составление дорожных карт маршрутов реализации проектов, в которых фиксируются моменты и треки гуманитарных изменений и сдвигов. В силу сложности и тонкости, проблематичности наблюдения за ними они ведутся в виде дневников наблюдений, протоколов, бортовых журналов, в которых отмечается корректировка действий по маршруту и сопровождению проекта, гуманитарные изменения и метаморфоз участников проекта.

7. Рефлексивное описание гуманитарных последствий, гуманитарного сдвига на материале конкретной фактуры проекта, его носителей. Инвентаризация гуманитарных рисков и гуманитарного потенциала проекта в точках движения, важных для корректировки управления навигацией проекта.

8. Осуществление приращения проекта, достраивание проекта в его гуманитарной составляющей. Выстраивание антропологии проекта.

9. Оценка шага развития при внедрении проекта. Понимание сдвига от ПД 1 к ПД 2 (см. рисунок).

10. Сопровождение проекта при его внедрении, запуске и реализации. Мониторинг жизни проекта.

11. Выстраивание при внедрении и жизни проекта новых социальных связей, новых правил игры, принципов и кодексов. Управление процессом социальных изменений через сдвиг в ПД, т.е. собственно социальная инженерия.

Фактически сказанное предполагает представление образа желаемого будущего, который выкладывает перед собой автор проекта – как представление о себе в будущем, его фактический автопортрет в будущем, после прохождения шагов по реализации проекта. В этом заключается и главная трудность – выкладывать свой образ будущего. Обычно авторы проектов себя не видят в проекте или видят в карикатурном, идеологическом виде, представляя себя глазами чужого сознания, или вытаскивают привычные представления о себе в прошлом, тиражируя себя в будущее.

Необходимо помнить, что, строго говоря, образ будущего, помышляемый автором проекта, существует в его мышлении. Этот образ ничего не отражает, за ним не лежит никакая объективная картина мира. Он не соответствует никакой внешней реальности. Его реальность – мышление самого автора проекта. Поэтому фактически реализация проекта предполагает проведение сложно организованных процедур переноса/перехода из реальности проекта в реальность социокультурную. Тем самым автор проекта «строит реальный мир соответственно своим идеальным схемам» [12, с. 191].

Образ будущего необходимо представить не в виде некоей абстрактной идеи или абстрактного образа будущего, не в виде проекта, как это привычно делать при нормах проектирования, а в виде связки исходного состояния, толкавшего автора проекта на инициацию проекта (исток проекта, толкающий на самоопределение автора проекта) через шаги по навигации проекта, с предельным горизонтом образа будущего. Стяжка между истоком и горизонтом задает энергию для хода всего проекта. Если этой связки нет, то проект быстро закончится, исчерпав свою энергию. Эти изгибы и торосы, связанные с реализацией проекта и его навигацией, разворачиваются на самом авторе проекта и его партнерах, на их пошаговом изменении в этой навигации, воплощаясь в личностном и профессиональном метаморфозе, и фиксируются в дневнике наблюдений, бортовом журнале.

Инициация проекта

Важно понять, что сама инициация проекта не связана напрямую и непосредственно с теоретической работой, не является результатом предварительных исследований каких-то глубинных процессов, также не является частью организационной работы автора проекта на его рабочем месте. Инициация проекта – это результат и факт его личной и профессиональной биографии, его личностного и профессионального самоопределения, и рождается на стыке его личностного истока и предельного горизонта.

Поэтому по большому счету таких проектов, несущих в себе гуманитарные последствия, не может быть много. Большинство проектов, как правило, обычно посвящено отдельно взятым аспектам профессиональной деятельности, они касаются инструментария работ, ассортимента средств в рамках привычной, существующей социальной и профессиональной среды, устоявшихся норм и привычек, в условиях функционирования в рамках неизменной предметной деятельности.

Проекты, подлежащие ГЭ, предполагают изменения самой предметной деятельности, изменения среды обитания, самих способов реализации и осуществления, построения базовой предметной деятельности (далее – ПД) (например, образовательной, научной, культурной, медицинской, управленческой), изменения норм и правил построения ПД. И потому они затрагивают ценностные, смысловые и нормативные опоры этой ПД, в силу чего они имеют гуманитарные последствия. А поэтому и становятся предметом ГЭ.

Ситуация неопределенности и непредсказуемости порождает заказ на ГЭ как на метод социогуманитарной инженерии, имеющей своим предметом управление и сопровождение проектов, имеющих непрогнозируемые гуманитарные последствия и риски. Поэтому возникает нужда в ГЭ как в институции, а не как в отдельно взятых процедурах. В рамках этой институции исследование и проектирование выступают подчиненными, включенными в более рамочную работу – собственно работу по инженерии гуманитарных изменений⁷.

Автор проекта (преобразователь, инициатор гуманитарного сдвига) в таком случае выступает не просто автором проекта в привычном смысле. Он – *носитель и инициатор гуманитарного сдвига*. Стало быть, в его проекте должно быть удержано главное – содержание и смысл этого сдвига, происходящего, заметим, на нем самом.

Автор проекта в самом проекте в этой связи должен обозначить и себя, инициатора сдвига, свое место в предметной деятельности, подвергаемой его проектному действию, и показать собственную ситуацию гуманитарного сдвига. Эту ситуацию сдвига он должен удерживать в своей исходной схеме сдвига, наполняя ее конкретным содержанием (см. движение автора проекта на рисунке).

Обозначая свое место в проекте, его автор обозначает и свое место в мире, вводит своим личностным проектным усилием это место. Тем самым рождается новая форма жизни, живущая со своей жизненной интенцией и вступающая в контакт с другими формами жизни, имеющими свои места. Эта форма жизни рождается, имеет искусственно-естественный генезис,

⁷ Институциональный подход к организации экспертизы как социальной инженерии выражен в ряде работ некоторых авторов [1]. Эти авторы фактически пытались осмыслить экспертизу как «институциональную форму», в категориях работы состязательных институций (суда и парламента). Сама экспертиза в ее рамках строится как публичное, открытое состязание разных сторон, сторонников и противников проекта, с выработкой правил состязаний, клятвы со стороны автора проекта и его защиты, включая публичные слушания и т.д. Полагаю, что подобное копирование и перенос состязательных практик, их устройства в практику социогуманитарной инженерии чревато и спорно. Поскольку данные состязательные институции опираются на хорошо разработанную, утвержденную и согласованную нормативную базу в виде законов, предписаний, актов и процедур. Таковой базы у гуманитарной экспертизы нет и быть не может. Это все равно, что сравнивать поход по неизвестным диким местам в тайге, без карты и компаса, с экскурсией по Эрмитажу. Но сама попытка осмыслить экспертизу как институциональную форму, с ее правилами, процедурами, кодексом, принципами, устройством, позициями – эта попытка вполне обоснована. Но надо отметить, что это хорошее и многообещающее начало, связанное с попыткой осуществить институционализацию экспертизы, продолжения не получила. Прошло более 20 лет после описанных precedентов.

поскольку выступает результатом проектного действия, порождаемого ситуацией разрыва в ПД, испытываемого на себе автором проекта, включенного в эту ПД. Интенция автора проекта предполагает развитие его формы жизни, а разрывы в ПД не позволяют этой интенции осуществиться. Автор на себе проживает разрывы в ПД, поскольку его форма жизни встречает современные ему тренды развития. Последние создают при встрече с ПД ситуацию вызова. Через себя, свою ПД и свой проект автор проекта видит действие этих трендов, толкающих его на шаг развития.

Своим проектом как новой формой жизни автор стремится осуществить шаг развития, переводя ситуацию из ПД 1 в другую стадию (ПД 2), стремясь увидеть образ будущего, зону ближайшего развития (ЗБР) (см. рисунок).

Но проблема заключается в том, что ЗБР может быть представлена лишь в желаемом образе, который не может быть частью исходного проекта по определению. Увидеть реальность будущего своей ПД автор проекта не может. Поскольку будущего как реальности нет. Образ будущего задается в образе через интенцию автора, его самоопределение. Но этот образ встречает сопротивление у других контрагентов, включенных также в эту или соседнюю ПД. Другие контрагенты, такие же самостоятельные и рефлексивные, носители иных форм жизни, имеют иное представление о том, как далее развиваться или не развиваться ПД (см. среда проекта на рисунке).

Эта ситуация встречи разных видений не может быть полностью спроектирована и упакована в отдельно взятый проект. Поэтому над проектом выстраивается рефлексивный метаплан управления проектом и всем сдвигом в ПД, и план мониторинга гуманитарного сдвига (большая стрелка на рисунке).

В ходе движения проекта происходит его неизбежная трансформация, в рамках которого меняется и сам проект, и его автор. Автор проекта достраивает себя, свою субъектность и антропологию проекта, дооформляет себя до фигуры управляющего гуманитарным сдвигом, которым (управляющим) он ранее не был, он дополняет свое видение, становящееся более объемным, достраивает себя до более полного, цельного состояния. Он не мог видеть в исходном старте проекта всю ситуацию развития, чреватую конфликтами и джокерами. В ходе проекта и сдвига он сам меняется и начинает видеть и уметь то, чего не мог видеть и уметь до запуска проекта.

В этом плане важнейшим в социальной инженерии является не сам проект в его предметности, а управление гуманитарным сдвигом, и возможность, способность автора проекта переживать и удерживать собственный метаморфоз, становиться другим.

Эта позиция управления проектом и гуманитарным сдвигом отличается от позиции собственно автора проекта в самом начале (хотя они могут сочетаться в одном человеке). Она не проектная, она держится на ценностных, смысловых, гуманитарных основаниях, нормах, не могущих быть упакованными и формализуемыми в проекте. Они держатся в метаплане и задают ценностный смысловой контекст всему движению проекта по гуманитарному сдвигу.

Требования к организации гуманитарной экспертизы как к процедуре

Сказанное означает необходимость выделения требований к организации самой ГЭ как процедуры.

1. Осознание автором зрелости и готовности проекта, осознание готовности самого автора. Ощущение автором проекта готовности к изменениям.

2. Полнота, представленность всех участников, имеющих отношение к проблемной ситуации, сложившейся в данной ПД. Складывание проектной команды.

3. Готовность проекта к защите. Предварительные репетиции защиты. Пилотная обкатка, предварительные обсуждения.

4. Подбор и подключение экспертов. В качестве таковых могут выступать как участники, уже включенные в ситуацию, так и приглашенные. Требования к экспертам выражаются прежде всего в отношении доверия к ним со стороны участников проекта. Этих людей сообщество принимает за экспертов. И второе – эти эксперты потому и приглашены, поскольку имеют опыт, сходный с данным проектом, данной проблемной ситуацией.

5. Выработка правил коммуникации по проведению процедуры ГЭ. Принятие этих правил, их предварительное согласование со всеми участниками процедуры.

6. Составление и согласование списков вопросов, посвященных оценке гуманитарных последствий, гуманитарных рисков и гуманитарного потенциала проекта. Они выступают реперными ориентирами для организации содержательного разговора на самой процедуре оценки. Списки составляются каждый раз под конкретную процедуру оценки проекта в связи со спецификой содержания проекта.

7. Выделение отдельной позиции методологов, управляющих организацией процесса инициации и сопровождения процесса реализации проекта.

8. Достраивание авторами проекта его антропологии, доведение до целого проекта, до целого всей ситуации изменений, доразвивание до состояния соразмерности автора проекта целому, которое всегда больше отдельных индивидов.

9. Угадывание джокеров, работа с дикими картами и сопротивлением реализации проекта. Минимизация рисков и увеличение возможностей по реализации проекта.

Предполагаемые результаты гуманитарной экспертизы

Из сказанного выше следует, что собственно ГЭ есть процессуальная форма, в которую могут входить и отдельно проводимые процедуры запуска проекта, его оценки, отдельных фиксаций промежуточных результатов, моменты коррекции хода проекта и другие реперные точки продвижения авторов проекта, точки навигации и отслеживания.

Понятно, что в этом случае можно говорить не столько о результатах ГЭ, сколько об отдельных фиксируемых «следах» пути проекта, который

может идти и несколько лет. Стало быть, жизненный цикл проекта становится частью жизни его носителей⁸.

Но результатами таких проектов можно все же считать как следы, в которых воплощались моменты осмысления и хода проекта, понимания его гуманитарного метаморфоза, так и основные итоги, фиксирующие заявленные в начале стратегические цели, которые в ходе движения могут корректироваться.

Таковыми следами могут быть статьи, интервью, книги, воспоминания, дневники, бортовые журналы наблюдений, кодексы и своды правил и др., в которых описываются собственно результаты, точнее, реперные точки, фиксирующие значимые для носителей проекта моменты осмысления пройденной части пути.

Список источников

1. *Марача В.Г., Матюхин А.А.* Экспертиза как «институт общественных изменений» // Этюды по социальной инженерии. От утопии к организации / отв. ред. В.М. Розин. М.: УРСС, 2002. С. 113–132.
2. *Петров М.К.* Человеческая размерность и мир предметной деятельности // Высшее образование в России. 2010. № 4. С. 108–118.
3. *Петров М.К.* Системный подход и человекообразность теоретического мышления // Социология науки и технологий. 2012. Т. 3, № 3. С. 97–111.
4. *Плеснер Х.* Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / пер. с нем. А.Г. Гаджикурбанова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
5. *Попов С.В.* Методология организации общественных изменений. Методологически организованная экспертиза как способ инициации общественных изменений // Этюды по социальной инженерии. От утопии к организации / отв. ред. В.М. Розин. М.: УРСС, 2002. С. 45–78.
6. *Розин В.М.* Эволюция и возможности социальной инженерии. Социальное проектирование (история вопроса и проблемы) // Этюды по социальной инженерии. От утопии к организации / отв. ред. В.М. Розин. М.: УРСС, 2002. С. 5–31.
7. *Синюкова Н.А., Смирнов С.А.* Между этикой и технологией. Метаморфозы этической экспертизы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 4. С. 635–646.
8. *Синюкова Н.А., Смирнов С.А.* Этическая и гуманитарная экспертиза: концептуальное различие. Методологический аспект // Человек.RU. 2021. № 16. С. 26–48.
9. *Смирнов С.А.* Проблема нормы в неклассической рациональности // Философия науки. 2019. № 1 (80). С. 19–57.
10. *Тищенко П.Д.* Человек, конвергентные технологии и открытость навстречу будущему (вопросание о смысле человека в человеке) // Рабочие тетради по биоэтике. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2017. С. 8–22.
11. *Щедровицкий Г.П.* Методология и философия организационно-управленческой деятельности: основные понятия и принципы. Курс лекций / Из архива Г.П. Щедровицкого, т. 5. ОРУ (2); 2-е изд. М.: Путь, 2003.

⁸ Например, у автора этих строк было несколько таких научно-образовательных проектов, тянувшихся 3–5 лет. Это проект в чистом виде навигационный, поисковый, с огромным количеством неучтенных гуманитарных рисков – проект экспериментальной группы на историческом факультете НГПИ в 1987–1993 гг. Это проект «Клуб Финансист» в НГУЭУ в 2005–2009 гг. Это проект, в рамках которого написана данная статья, рассчитанный на три года, с возможностью продления на два года и др. Следы этих проектов отражены в разных публикациях (статьях, интервью, книгах).

12. Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. Курс лекций / Из архива Г.П. Щедровицкого, т. 4. ОРУ (1); 2-е изд. М.: Путь, 2003.

References

1. Maracha V.G., Matjuhin A.A. Jekspertiza kak «institut obshhestvennyh izmenenij» [Expertise as an “institution of social change”], *Jetjudy po social’noj inzhenerii. Ot utopii k organizacii* [Studies in social engineering. From utopia to organization]. Otv. red. V.M. Rozin. Moscow: URSS, 2002. Pp. 113–132.
2. Petrov M.K. Chelovecheskaja razmernost’ i mir predmetnoj dejatel’nosti [Human Dimension and the World of Objective Activity], *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2010, no. 4, pp. 108–118.
3. Petrov M.K. Sistemnyj podhod i chelovekorazmernost’ teoreticheskogo myshlenija [System approach and human dimension of theoretical thinking], *Sociologija nauki i tehnologij* [Sociology of science and technology], 2012, vol. 3, no. 3, pp. 97–111.
4. Plesner H. Stupeni organicheskogo i chelovek: Vvedenie v filosofskuju antropologiju [Stages of the organic and man: Introduction to philosophical anthropology]. Per. s nem. A.G. Gadzhikurbanova. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJEN), 2004.
5. Popov S.V. Metodologija organizacii obshhestvennyh izmenenij. Metodologicheski organizovannaja jekspertiza kak sposob iniciacii obshhestvennyh izmenenij [Methodology for organizing social change. Methodologically organized expertise as a way to initiate social changes], *Jetjudy po social’noj inzhenerii. Ot utopii k organizacii* [Etudes in social engineering. From utopia to organization]. Otv. red. V.M. Rozin. Moscow: URSS, 2002. Pp. 45–78.
6. Rozin V.M. Jevoljucija i vozmozhnosti social’noj inzhenerii. Social’noe proektirovanie (istorija voprosa i problemy) [Evolution and possibilities of social engineering. Social design (history and problems)], *Jetjudy po social’noj inzhenerii. Ot utopii k organizacii* [Studies in social engineering. From utopia to organization]. Otv. red. V.M. Rozin. Moscow: URSS, 2002. Pp. 5–31.
7. Sinjukova N.A., Smirnov S.A. Mezhdju jetikoj i tehnologiej. Metamorfozy jeticheskoi jekspertizy [Between ethics and technology. Metamorphoses of ethical expertise]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofija i konfliktologija* [Vestnik of St. Petersburg University. Philosophy and conflictology], 2021, vol. 37, iss. 4, pp. 635–646.
8. Sinjukova N.A., Smirnov S.A. Jeticheskaja i gumanitarnaja jekspertiza: konceptual’noe razlicenie. Metodologicheskij aspekt [Ethical and humanitarian expertise: a conceptual distinction. Methodological aspect], *Chelovek.RU* [Chelovek.RU], 2021, no. 16, pp. 26–48.
9. Smirnov S.A. Problema normy v neklassicheskoj racional’nosti [The problem of the norm in non-classical rationality], *Filosofija nauki* [Philosophy of Science], 2019, no. 1 (80), pp. 19–57.
10. Tishhenko P.D. Chelovek, konvergentnye tehnologii i otkrytost’ navstrechu budushhemu (voproskanie o smysle cheloveka v cheloveke) [Man, convergent technologies and openness towards the future (questioning about the meaning of man in man)], *Rabochie tetradi po biojetike* [Workbooks on bioethics]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 2017. Pp. 8–22.
11. Shhedrovickij G.P. Metodologija i filosofija organizacionno-upravlencheskoj dejatel’nosti: osnovnye ponjatija i principy [Methodology and philosophy of organizational and managerial activity: basic concepts and principles]. Kurs lekcij. Iz arhiva G.P. Shhedrovickogo, t. 5. ORU (2); 2-е изд. Moscow: Put’, 2003.
12. Shhedrovickij G.P. Orgupravlencheskoe myshlenie: ideologija, metodologija, tehnologija [Organizational thinking: ideology, methodology, technology]. Kurs lekcij. Iz arhiva G.P. Shhedrovickogo, t. 4. ORU (1); 2-е изд. Moscow: Put’, 2003.

Сведения об авторе:

С.А. Смирнов – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация.

Information about the author:

S.A. Smirnov – Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation.

<i>Статья поступила в редакцию</i>	<i>20.01.2023</i>	<i>The article was submitted</i>	<i>20.01.2023</i>
<i>Одобрена после рецензирования</i>	<i>22.01.2023</i>	<i>Approved after reviewing</i>	<i>22.01.2023</i>
<i>Принята к публикации</i>	<i>28.01.2023</i>	<i>Accepted for publication</i>	<i>28.01.2023</i>

Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 47–59

Vestnik NSUEM. 2023. No. 1. P. 47–59

Научная статья

УДК 331.5

DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-047-059

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МОЛОДЕЖНОЙ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Кириллова Анастасия Дмитриевна¹, Попов Андрей Васильевич²

Вологодский научный центр Российской академии наук

¹ kirillowa.anastasiia@mail.ru

² ai.popov@yahoo.com

Аннотация. Цель статьи заключается в анализе положения молодых людей на рынке труда в условиях цифровизации российской экономики. Проведенный анализ показал, что несмотря на стремительное сокращение численности молодых людей, проблема безработицы для них остается крайне актуальной. В результате многим приходится искать работу не по специальности, прибегать к неформальной занятости и индивидуальным практикам осуществления трудовой деятельности. В этом плане цифровые технологии хоть и способствуют расширению возможностей для занятости, могут привести к снижению качества трудовой и повседневной жизни. На основе полученных выводов предложены меры, направленные на содействие занятости молодежи за счет устранения объективных и субъективных барьеров на пути к трудоустройству.

Ключевые слова: безработица, занятость, молодежный рынок труда, молодежь, рынок труда, цифровизация

Для цитирования: Кириллова А.Д., Попов А.В. Проблемы и перспективы молодежной занятости в условиях цифровизации российской экономики // Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 47–59. DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-047-059.

Original article

PROBLEMS AND PROSPECTS OF YOUTH EMPLOYMENT IN THE DIGITALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

Kirillova Anastasia D., Popov Andrey V.

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

¹ kirillowa.anastasiia@mail.ru

² ai.popov@yahoo.com

Abstract. The goal of the article lies in the analysis of the position of young people in labor market in the conditions of the digitization of the Russian economy. The carried out analysis showed that the issue of unemployment remains extremely relevant to young

people in spite of their rapid downsize. As a result, a lot of them have to look for work in other specialty, appeal to informal employment and individual practices of carrying out labor activity. Although digital technologies provide additional opportunities in this regard, they can lead to impairment of labor and everyday life. Pursuant to the obtained conclusions the paper offered the measures, aimed at the assistance in employment of young people via elimination of objective and subjective barriers.

Keywords: unemployment, employment, youth labor market, youth, labor market, digitalization

For citation: Kirillova A.D., Popov A.V. Problems and prospects of youth employment in the digitalization of the Russian economy. *Vestnik NSUEM*. 2023; (1): 47–59. (In Russ.). DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-047-059.

Введение

Вопросы занятости имеют особую актуальность для молодежи, которая традиционно относится к числу уязвимых групп населения (наряду с женщинами, инвалидами, лицами старших возрастов, мигрантами и др.). Как правило, при выходе на рынок труда молодые люди сталкиваются с рядом объективных и субъективных сложностей, препятствующих успешному трудоустройству: отсутствие профильных вакансий и опыта работы, завышенные материальные притязания, недостаточный уровень квалификации, несоответствие образовательных программ требованиям реального сектора экономики и др. В условиях цифровизации, несмотря на все новые возможности для занятости, возникают дополнительные риски, связанные с поиском работы, что обусловлено причинами, которые находятся как на стороне спроса (изменение значимости навыков, размытие границ национальных рынков труда и т.д.), так и на стороне предложения (прежде всего, формирование новых трудовых стратегий). Усугубляет положение распространение NEET-молодежи, которая не занимается ни трудовой, ни учебной деятельностью. В частности, в странах Организации экономического сотрудничества и развития более чем каждый десятый молодой человек относится к данной категории [25]. Аналогичная ситуация наблюдается и в России [23].

Сложившиеся реалии могут накладывать серьезный отпечаток на функционирование молодежного сегмента рынка труда, которому свойственен более высокий уровень проникновения цифровых технологий [1]. Причем они формируют не только новые контуры занятости (например, когда речь заходит о цифровых платформах или удаленной работе), но и способствуют развитию содержательного наполнения существующих практик. В то же время возможные изменения могут быть куда менее масштабны и не иметь большого эффекта для занятости населения в силу страновых, культурных и иных особенностей. В этой связи целью нашей работы стал анализ положения молодых людей на рынке труда в условиях цифровизации российской экономики.

Исследование проводилось в несколько этапов. Для начала мы обратились к теоретическим аспектам молодежной занятости, где помимо прочего были затронуты сущностные основы рассматриваемой возрастной группы

и ее конкурентоспособности на рынке труда. Это позволило сформировать целостное представление об изучаемом объекте. Затем перешли непосредственно к общим вопросам и цифровой специфике занятости молодежи в современной России. На последнем этапе обобщены основные направления совершенствования государственной политики в этой области. Подобная логика изложения последовательно – от теории к практике – раскрывает особенности положения молодых людей на рынке труда и возможности содействия их занятости.

Информационной базой работы послужили преимущественно труды отечественных и зарубежных ученых, а также данные официальной статистики и открытые источники сети Интернет. Анализ полученных сведений, поиск и отбор которых проводился «вручную» в силу их разнородности, осуществлялся при помощи традиционных методов исследования (анализ, синтез, описание, обобщение и т.д.).

Основная часть

Теоретические аспекты молодежной занятости. Существуют разные подходы к пониманию категории «молодежь». Она может определяться весьма широко – как «общественное образование, обладающее всеми признаками социально-демографической группы общества» [5, с. 21], или иметь более узкую формулировку, например, «социально-демографическая группа общества, объединяемая общими возрастными характеристиками, особенностями социального положения и определенным уровнем экономического развития конкретной территории» [13, с. 11]. Оставляя за рамками исследования дискуссию о различиях в трактовках, согласимся, что молодежь как особая социально-демографическая группа характеризуется множеством отличительных особенностей (от возрастных и психологических до правовых и статусных), которые оказывают большое влияние на стратегии поведения на рынке труда.

В научной литературе подчеркивается, что универсальных границ возраста молодежи не существует [15, с. 44]. Чаще всего он определяется в пределах от 14 до 30 (или 35) лет, либо от 15 до 29 лет. Согласно Федеральному закону от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», к молодежи относятся лица в возрасте от 14 до 35 лет [24]. При этом в законодательной практике отдельно закреплено понятие «молодой специалист», которое применяется к выпускникам учреждений профессионального образования. Так, согласно распоряжению Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р, молодой специалист – это гражданин Российской Федерации в возрасте до 30 лет, имеющий среднее профессиональное или высшее образование, принятый на работу по трудовому договору в соответствии с уровнем профессионального образования и квалификацией [21]. В этом плане молодежь является куда более широкой категорией.

Наиболее значимым вызовом для молодых людей в сфере труда и занятости остается проблема безработицы, которая определяет не только конкурентоспособность и степень их интеграции в современный рынок труда,

но и социальный статус [10, с. 11]. Последствия неудачного трудоустройства могут способствовать возникновению ситуаций, при которых многие попросту не готовы позиционировать себя специалистами в своей отрасли и перестают искать место работы, считая, что это не принесет результата. В конечном итоге подобный опыт может выходить далеко за рамки трудовой жизни, оказывая негативное влияние на социализацию и взросление [16].

Считается, что молодежный рынок труда необходимо рассматривать как «качественно целостный и специфический сегмент общего рынка труда, выделяемый на основе функционирования в обществе молодежи как социально-демографической группы» [13, с. 180]. Целесообразность обособления молодых людей от всех остальных продиктована важностью более детального раскрытия особенностей их занятости, которые тесно связаны с возрастом выхода на рынок труда:

1. Младшая возрастная группа (от 15 до 19 лет). Она является весьма немногочисленной и включает в себя учащихся общеобразовательных учреждений, а также студентов организаций среднего и высшего профессионального образования, которые заинтересованы в получении временной занятости. Именно в данной группе наблюдается самый высокий уровень безработицы, что может быть обусловлено отсутствием у соискателей профессионального образования и опыта работы, ограничениями в части использования рабочего времени, низким спросом на такой труд и т.д.

2. Средняя возрастная группа (от 20 до 24 лет). Чаще всего в этом возрасте молодые люди заканчивают профессиональную подготовку и впервые выходят на рынок труда, что нередко оборачивается сложностями при трудоустройстве, которые находят свое решение по мере накопления опыта. В результате уровень безработицы здесь также высок, хотя и существенно ниже, чем в предыдущей группе.

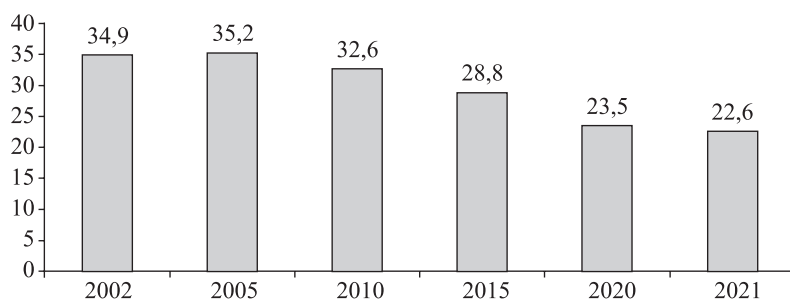
3. Старшая возрастная группа (от 25 до 29 лет). Она считается вполне самостоятельной, поскольку ее представители приобрели профессию и квалификацию, а также жизненный и профессиональный опыт, необходимый для закрепления на рынке труда. Уровень безработицы в данной группе во многом соответствует показателям, характерным для населения в целом.

Принимая во внимание объективные и субъективные барьеры, препятствующие трудоустройству, можно сделать вывод, что молодежь не отличается высокой конкурентоспособностью на рынке труда, оценить которую достаточно сложно. Некоторые ученые предлагают осуществлять это в два этапа: первый этап реализуется в ходе профессиональной подготовки и выработки нужных личностных качеств (первичная конкурентоспособность), а второй – непосредственно на рабочем месте (вторичная конкурентоспособность) [9]. Предполагается, что первичная конкурентоспособность включает в себя теоретические знания и некоторые практические навыки, полученные в ходе учебной и производственной практики, на основании чего можно выделить молодого соискателя среди других претендентов на вакансию. В свою очередь вторичная конкурентоспособность проявляется посредством повышения профессиональной компетентности, что находит свое отражение, прежде всего, в трудовой деятельности.

В последние годы в научной литературе все большее внимание отводится категории NEET-молодежи (Not in Employment, Education or Training). Впервые она упоминается в докладе Правительства Великобритании в 1999 г. для обозначения группы молодых людей в возрасте 16–18 лет, не имеющей постоянного места учебы или работы и не участвующей в профессиональной подготовке. Позже данный термин применялся в официальных документах Евросоюза в отношении молодежи в возрасте от 15 до 24 лет. Согласно международной практике, NEET-молодежь – это молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет, которые не учатся, не работают и не участвуют в профессиональной подготовке. Как правило, причины такого положения связаны с несоответствием полученного образования требованиям рынка труда, дефицитом рабочих мест в сельской местности [6] и т.д. Исход таких событий зависит как от индивидуальных характеристик молодых людей (качество и уровень образования, состояние здоровья и др.), так и от родительской семьи (уровень благосостояния и условия проживания, многодетность и т.д.).

В структуре NEET-молодежи выделяют две подгруппы: нетрудоустроенные и экономически пассивные. Если первые являются временно или постоянно безработными, то к числу вторых могут быть отнесены молодые люди, которые имеют проблемы со здоровьем, ухаживают за членами семьи, отчаялись найти работу и т.д. Объединяет обе подгруппы отсутствие трудовых отношений и регулярного заработка [2, с. 124]. Последствия долгого пребывания в статусе NEET приводят к уменьшению шансов на стабильную занятость и получение высоких трудовых доходов. Чаще всего такая молодежь получает социальные пособия и иные выплаты от государства, хотя и может вовлекаться в неформальную занятость.

Общие вопросы занятости молодежи в современной России. Молодое поколение выступает важнейшей составляющей трудового потенциала страны, поскольку считается наиболее мобильной и физически здоровой частью населения, носителем инновационных идей. В этом плане весьма тревожным является устойчивое сокращение численности молодежи. Так, на начало 2021 г. значение показателя составило 22,6 млн чел., что на 6,2 млн чел. меньше, чем в 2015 г., и на 12,6 – чем в 2002 г. (рисунок).

Численность молодежи в возрасте 15–29 лет в период 2002–2021 гг., млн чел. (выбор 2002 г. обусловлен проведением всероссийской переписи)

Источник: [23]

The number of youths at the age of 15–29 years in the period 2002–2021, million people

Данная тенденция носит крайне негативный характер и приводит к увеличению демографической нагрузки, сокращению числа высококвалифицированных кадров, обострению противоречий на рынке труда, что в конечном итоге может повлиять на экономический рост территории [13].

Не теряет своей актуальности и проблема молодежной безработицы. Согласно данным Росстата, в 2021 г. в среднем по населению уровень безработицы составил 4,8 %, при этом среди молодых людей в возрасте 15–19 лет – 28,6 %, 20–24 года – 15,1 %, в возрасте 25–29 лет – 5,9 % (таблица). Аналогичная картина наблюдалась и в начале 2000-х годов, что подтверждает тезис о невысокой востребованности кадров без профессионального образования или находящихся на разных этапах обучения. Гораздо большую обеспокоенность может вызывать безработица среди старших возрастных групп молодежи, когда невозможность найти стабильную занятость может обернуться нежеланием создавать семью и иметь детей, что впоследствии отразится на демографической ситуации и рынке труда в стране [3]. Однако в России нельзя сказать о реальности таких предпосылок.

Уровень молодежной безработицы в России в период 2000–2021 гг., % [23]
The level of youth unemployment in Russia in the period 2000–2021, %

Год	Уровень безработицы, %			
	В целом среди населения	в том числе среди молодежи по возрастным группам		
		15–19 лет	20–24 лет	25–29 лет
2000	9,8	27,6	16,2	10,6
2005	7,1	26,1	12,8	7,6
2010	7,5	31,8	14,9	8,0
2015	5,6	32,3	14,3	6,2
2020	5,8	27,2	16,2	7,4
2021	4,8	28,6	15,1	5,9

На успешность трудоустройства молодых работников могут влиять различные причины. Одна из важнейших – качество профессиональной подготовки. Так, данные ВЦИОМ за 2016 г. показывают, что 91 % работодателей отметили нехватку практических навыков выпускников и 53 % – теоретических знаний. Около 55 % респондентов оценили общую подготовку на среднем уровне, 28 % – на низком и только 13 % – на высоком [17]. В результате нехватка профессиональных компетенций у молодых соискателей вынуждает работодателей делать выбор в пользу более опытных работников. В этой связи в исследованиях отмечается, что переход высших учебных заведений на болонский процесс негативно повлиял на качество образования [11].

Высокие притязания к новому месту работы также сказываются на трудоустройстве. В первую очередь это касается уровня оплаты труда. Зачастую молодежь ожидает более высокого заработка по сравнению с тем, который предлагают сотрудникам без трудового стажа, что приводит к увеличению продолжительности поиска подходящей работы, необходимости переобучения или снижению зарплатных ожиданий.

Вопросы профессиональной ориентации будущих работников также имеют значение на рынке труда, поскольку непосредственно сказываются на реализации трудового потенциала как в количественном, так и в качественном отношении [8]. Молодые люди зачастую не имеют представления о перспективах развития рынка труда и выбирают профессию, которая не отличается высокой востребованностью в современной экономике, а потом вынуждены менять специальность или работать в другой области. Анализ текущей ситуации на рынке труда, знакомство с различными профессиями и т.д. помогли бы решить проблему, однако текущее состояние системы профориентации серьезно осложняет ситуацию. По сравнению с советским периодом в наше время отсутствует системная работа в этом направлении, которая имеет исключительную важность в условиях рыночной экономики [10]. Как итог, многие молодые люди работают не по специальности, причем в зависимости от уровня образования ситуация может значительно усугубляться. Например, доля выпускников 2018–2020 гг. с высшим образованием, осуществляющих трудовую деятельность по специальности, не соответствующей полученному образованию, составляет 26,4 %. В случае со средним профессиональным образованием значение показателя куда выше (41,4 %) [23].

В общем и целом изменились и профессиональные траектории молодежи. Ранее наиболее привлекательными были профессии ученых, инженеров, врачей. В 2000-х гг. популярностью пользовались бизнесмены и банковские работники, сегодня – блогеры, IT-специалисты, дизайнеры [10] и т.п., что идет вразрез с потребностями реального сектора экономики и, как следствие, оборачивается усилением дисбаланса между спросом и предложением на рынке труда и утратой человеческого капитала. Особую актуальность данные вопросы приобретают в ракурсе сельской местности, где наблюдаются не только более высокие показатели безработицы, но и миграционный отток молодежи. Многие молодые люди покидают районы, переезжают в мегаполисы для получения профессионального образования и, как правило, не планируют возвращаться на малую родину.

В силу большого количества барьеров при выходе на формальный рынок труда молодежь также активно прибегает к неформальной занятости. Согласно исследованию международной аудиторско-консалтинговой сети «Финэкспертиза», более миллиона россиян моложе 30 лет «исчезли» с рынка труда [18]. Данная тенденция отмечается впервые за 10 лет. Эксперты фиксируют уменьшение числа работающей молодежи с 2016 г., однако в 2020 г. показатели выросли, что объясняется последствиями пандемии коронавируса COVID-19, во время которой была упрощена процедура получения пособия по безработице, а также увеличен его размер до величины МРОТ. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что молодые люди не покинули рынок труда, а ушли в неформальную занятость и индивидуальные практики осуществления трудовой деятельности. В частности, в последние годы наблюдается активное участие молодежи в создании собственного бизнеса [12]. В 2021 г. доля молодых людей до 30 лет, работающих не по найму, составила 5,6 % (652 тыс. чел.) [23], а число самозанятых среди несовершеннолетних только за год увеличилось вдвое (до 77 тыс. чел.) [22].

Цифровая специфика занятости молодежи в современной России. Благодаря развитию цифровых технологий возникают все новые формы трудовых отношений. Прежде всего, это было заметно в период первых волн пандемии коронавируса COVID-19, когда широкое распространение получила удаленная занятость, а также работа через онлайн-платформы [3]. Повсеместная цифровизация и возникающая вокруг виртуальная среда дают возможность выполнять трудовые обязанности, используя только глобальную сеть Интернет, без личного присутствия на четко определенном рабочем месте. В связи с этим у сотрудников, работающих дистанционно, появляется возможность самостоятельно регулировать баланс рабочего и свободного времени, планировать день с учетом своих психофизических особенностей, работать одновременно на нескольких заказчиках и т.д. Неслучайно молодежь чаще прибегает к таким практикам, нежели более возрастные группы (19 против 10 % среди населения в целом в 2022 г.) [20].

Рынок удаленного труда постоянно расширяется. Он привлекает молодых людей свободной самоорганизацией, возможностью работать из любой точки мира и экономить на издержках, связанных с нахождением на рабочем месте (транспортные расходы, бизнес-ланчи и т.д.). Кроме того, «популярность дистанционной занятости обусловлена и тем, что данный тренд способствует расширению границ рынка труда и включает в полноценную трудовую деятельность особые категории населения, которые не могут полноценно работать в офисе» [14, с. 86]. При этом удаленный режим работы повышает мобильность рабочей силы и ведет к снижению уровня безработицы, что весьма актуально для молодежи.

Несмотря на привлекательность подобного рода практик, они не лишены слабых сторон. Так, молодые люди на «удаленке» испытывают опасения из-за необходимости платить налоги при нерегулярном и низком доходе, социальной незащищенности, ухудшения материального достатка [5]. Нельзя не обратить внимание и на сложности в вопросах взаимодействия с коллегами и руководством, обучения на рабочем месте и карьерного роста. Кроме того, дистанционная занятость может негативно повлиять на социализацию молодых сотрудников, а наличие отвлекающих факторов (поломка оборудования, отсутствие обособленного места, развитие гиподинамии и др.) может отрицательно сказываться на производительности труда [14, с. 88].

Современное поколение более предрасположено к цифровым отраслям и лучше усваивает необходимые компетенции. В этой связи меняются и требования к человеческому капиталу молодежи. В настоящее время ценится не только высокая квалификация, но и мобильность, креативное мышление, знание программирования, владение цифровыми системами [7]. Также растет спрос на социальные, технические и другие, более высокие когнитивные навыки [26]. В результате довольно сложно сказать, какие профессии будут востребованы в ближайшие 10 лет. Эксперты предполагают, что необходимо ориентироваться не на специальности, а именно на конкретные навыки, которые помогут приспособиться к новшествам современного рынка труда [19]. В противном случае молодые люди могут быть подвержены рискам технологической безработицы и на первых порах

надеяться лишь на низкоквалифицированный труд. Однако такая перспектива во многом зависит от текущей структуры экономики.

Тем не менее в сложившихся реалиях можно с уверенностью говорить о профессиях, интерес к которым постоянно растет. К их числу относят IT-специальности: в течение последнего года спрос на программистов в России увеличился на 72 % [19]. При этом конкуренция между кандидатами на вакансии небольшая, поскольку высококвалифицированных специалистов в этой области не так много. В частности, в 2021 г. на одну вакансию программиста приходилось всего 1,4 резюме. Востребованными также остаются разработчики, тестировщики и аналитики.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило широко известный тезис об уязвимости молодых людей на рынке труда. На фоне сокращения численности молодежи в РФ проблема безработицы не теряет своей актуальности. Отсутствие опыта работы и необходимой квалификации, завышенные материальные притязания и ряд других факторов осложняют процесс трудоустройства. Поскольку выход на формальный рынок труда сопряжен со множеством объективных и субъективных барьеров, молодые люди часто делают выбор в пользу неформального сектора экономики или работают не по специальности, что негативно сказывается на трудовой и повседневной жизни. Облегчить положение молодежи во многом помогает рынок удаленного труда, заметно расширяющий возможности для занятости. Однако при всех имеющихся плюсах цифровизации присутствуют риски, которые могут привести к уязвимости положения молодых работников на рынке труда (например, в части доступа к социальным гарантиям). Кроме того, с развитием современных технологий повышаются и требования к молодым специалистам. Так, помимо высокой квалификации и наличия определенных компетенций, наблюдается рост спроса на когнитивные навыки, креативное мышление, мобильность и т.д.

Молодые люди играют важнейшую роль в развитии трудового потенциала страны, поэтому их положению на рынке труда должно уделяться особое внимание. Для обеспечения содействия занятости в условиях цифровизации экономики необходимо усилить работу по обновлению перечня специальностей и учебных программ, в том числе с учетом наиболее востребованных компетенций. Совершенствование системы профориентации на всех уровнях образования, а также реализация программ временной занятости (краткосрочные и длительные стажировки) призваны снизить долю молодых людей, работающих не по специальности. Отсутствие опыта работы и необходимой квалификации осложняют процесс трудоустройства, поэтому целесообразно также продолжить обсуждение инициативы о введении налоговых льгот для предприятий и организаций, принимающих на работу молодых специалистов. Несмотря на привлекательность новых форм занятости (удаленная, платформенная и т.д.) для молодежи, проблема их нормативного регулирования становится все более острой в связи с отсутствием действенных механизмов по преодолению негативных по-

следствий прекаризации. В итоге многие из обозначенных вопросов носят злободневный характер и уже много лет являются предметом оживленной дискуссии без какого-либо видимого результата, что лишь подчеркивает важность исследований в этой области.

Список источников

1. *Азьмук Н.* Сущность, особенности и функции цифрового рынка труда // Вестник Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Экономика. 2015. № 170. С. 38–43.
2. *Буланова М.Б., Костенко В.В.* NEET-молодежь: протестный потенциал и реальность // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 120–129.
3. *Гриненко Т.Г.* Молодежь на рынке труда: возможности и угрозы // Управленческое консультирование. 2022. № 5. С. 62–71.
4. *Забелина О.В., Асалиев А.М., Дружинина Е.С.* Проблемы молодежного сегмента российского рынка труда и новые акценты политики поддержки занятости молодежи // Экономика труда. 2021. Т. 8, № 9. С. 985–1002.
5. *Забелина О.В., Майорова А.В., Матвеева Е.А.* Трудовые установки российской молодежи и государственное содействие развитию и реализации ее трудового потенциала // Экономика труда. 2019. Т. 6, № 3. С. 1093–1104. DOI: 10.18334/et.6.3.41176
6. *Зудина А.А.* Не работают и не учатся: молодежь NEET на рынке труда в России // Мир России. 2019. Т. 28, № 1. С. 140–160.
7. *Каргаполова Е.В., Каргаполов С.В., Давыдова Ю.А., Дулина Н.В.* Информационные компетенции молодежи в условиях цифровизации общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 3. С. 193–210. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.13
8. *Кириллов П.А., Сизоненко Н.Н.* Молодежная безработица как угроза социально-экономической стабильности государства // Молодой ученый. 2020. № 18 (308). С. 97–101.
9. *Колесникова О.А., Донецкий А.М.* Конкурентоспособность молодежи: теоретические и практические аспекты // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2014. № 1. С. 73–79.
10. *Леонидова Г.В., Димони К.О.* Трудовой потенциал молодежи: запросы современного рынка труда // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25, № 6. С. 7–31.
11. *Лишук Е.Н., Капелюк С.Д.* Трудоустройство молодых специалистов на российском рынке труда: ключевые тенденции // Экономика труда. 2019. Т. 6, № 3. С. 1079–1092. DOI: 10.18334/et.6.3.40871
12. *Меркушева М.В.* Гибкие форы занятости: особенности применения в современных условиях // Экономика труда. 2020. Т. 7, № 5. С. 419–438. DOI: 10.18334/et.7.5.110071
13. *Осипова Л.Б., Колесник Е.А., Горева О.М.* Инфраструктурная поддержка развития молодежного сегмента регионального рынка труда // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 2. С. 175–191.
14. *Разумова Т.О., Янчук О.Ю.* Возможности и риски дистанционных форм занятости для студентов и выпускников высших учебных заведений // Социально-трудовые исследования. 2021. № 43 (2). С. 85–98. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-43-2-85-98
15. *Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Ласточкина М.А., Устинова К.А., Попов А.В., Головчин М.А., Груздева М.А., Калачикова О.Н., Нацун Л.Н., Разварина И.Н., Кондакова Н.А., Короленко А.В.* Качество молодого поколения в контексте модернизации России. Вологда: ВолНЦ РАН, 2016. 235 с.
16. *Gregg P.* The Impact of Youth Unemployment on Adult Unemployment in the NCDS // The Economic Journal. 2001. Vol. 111. Pp. 626–653. DOI: 10.1111/1468-0297.00666

17. Высшее образование: контроль не ослаблять, качество повышать. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-kontrol-ne-oslablyat-kachestvo-povyshat> (дата обращения: 25.10.2022).
18. Молодые устремились в тень. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4780657> (дата обращения: 11.10.2022).
19. На кого пойти учиться: самые востребованные профессии – 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220304/professii-1776484918.html> (дата общения: 19.10.2022).
20. Один из дома: удаленка в постпандемической жизни. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odin-iz-doma-udalenka-v-postpandemicheskoi-zhizni> (дата обращения: 11.10.2022).
21. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201412080039?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 25.10.2022).
22. С юных смет: несовершеннолетних самозанятых стало почти вдвое больше. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1382870/iuliia-eliseeva/s-iunykh-smet-nesovershennoletnikh-samozaniatykh-stalo-pochti-vdvoe-bolshe> (дата обращения: 17.10.2022).
23. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 24.10.2022).
24. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 25.10.2022).
25. Share of youth not in education, employment or training, total (% of youth population). [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.NEET.ZS> (дата обращения: 25.10.2022).
26. Skill shift: Automation and the future of the workforce. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/skill-shift-automation-and-the-future-of-the-workforce> (дата обращения: 25.10.2022).

References

1. Az'muk N. Sushhnost', osobennosti i funkcii cifrovogo rynka truda [Essence, features and functions of the digital labor market], *Vestnik Kievskogo nacional'nogo universiteta imeni Tarasa Shevchenko. Jekonomika* [Vestnik of the Kiev National University named after Taras Shevchenko. Economy], 2015, no. 170, pp. 38–43.
2. Bulanova M.B., Kostenko V.V. NEET-molodezh': protestnyj potencial i real'nost' [NEET youth: protest potential and reality], *Vestnik RGGU. Serija «Filosofija. Sociologija. Iskuststvovedenie»* [Vestnik of the Russian State Humanitarian University. Series "Philosophy. Sociology. Art Criticism"], 2019, no. 1, pp. 120–129.
3. Grinenko T.G. Molodezh' na rynke truda: vozmozhnosti i ugrozy [Youth in the labor market: opportunities and threats], *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management consulting], 2022, no. 5, pp. 62–71.
4. Zabelina O.V., Asaliev A.M., Druzhinina E.S. Problemy molodezhnogo segmenta rossijskogo rynka truda i novye akcenty politiki podderzhki zanjatosti molodezhi [Problems of the youth segment of the Russian labor market and new accents in the youth employment support policy], *Jekonomika truda* [Labor Economics], 2021, vol. 8, no. 9, pp. 985–1002.
5. Zabelina O.V., Majorova A.V., Matveeva E.A. Trudovye ustanovki rossijskoj molodezhi i gosudarstvennoe sodejstvie razvitiyu i realizacii ee trudovogo potenciala [Labor attitudes of Russian youth and state assistance to the development and realization of its

- labor potential], *Jekonomika truda* [*Labor Economics*], 2019, vol. 6, no. 3, pp. 1093–1104. DOI: 10.18334/et.6.3.41176
6. Zudina A.A. Ne rabotajut i ne uchatsja»: molodezh' NEET na rynke truda v Rossii [They don't work and don't study": NEET youth in the labor market in Russia], *Mir Rossii* [*World of Russia*], 2019, vol. 28, no. 1, pp. 140–160.
 7. Kargapolova E.V., S.V. Kargapolov, Davydova Ju.A., Dulina N.V. Informacionnye kompetencii molodjozhi v uslovijah cifrovizacii obshhestva [Information competencies of youth in the context of the digitalization of society]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [*Economic and social changes: facts, trends, forecast*], 2020, vol. 13, no. 3, pp. 193–210. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.13
 8. Kirillov P.A., Sizonenko N.N. Molodezhnaja bezrabotica kak ugroza social'no-jekonomicheskoj stabil'nosti gosudarstva [Youth unemployment as a threat to the socio-economic stability of the state], *Molodoj uchenyj* [*Young scientist*], 2020, no. 18 (308), pp. 97–101.
 9. Kolesnikova O.A., Doneckij A.M. Konkurentosposobnost' molodezhi: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [Competitiveness of youth: theoretical and practical aspects], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika i upravlenie* [*Vestnik of the Voronezh State University. Series: Economics and Management*], 2014, no. 1, pp. 73–79.
 10. Leonidova G.V., Dimoni K.O. Trudovoj potencial molodezhi: zaprosy sovremennogo rynka truda [Labor potential of youth: demands of the modern labor market], *Problemy razvitiya territorii* [*Problems of territory development*], 2021, vol. 25, no. 6, pp. 7–31.
 11. Lishhuk E.N., Kapeljuk S.D. Trudoustrojstvo molodyh specialistov na rossijskom rynke truda: ključevye tendencii [Employment of young specialists in the Russian labor market: key trends], *Jekonomika truda* [*Labor Economics*], 2019, vol. 6, no. 3, pp. 1079–1092. DOI: 10.18334/et.6.3.40871
 12. Merkusheva M.V. Gibkie formy zanjatosti: osobennosti primenenija v sovremennyh uslovijah [Flexible forms of employment: features of application in modern conditions], *Jekonomika truda* [*Labor Economics*], 2020, vol. 7, no. 5, pp. 419–438. DOI: 10.18334/et.7.5.110071
 13. Osipova L.B., Kolesnik E.A., Goreva O.M. Infrastrukturnaja podderzhka razvitiya molodezhnogo segmenta regional'nogo rynka truda [Infrastructural support for the development of the youth segment of the regional labor market], *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [*Economic and social changes: facts, trends, forecast*], 2018, vol. 11, no. 2, pp. 175–191.
 14. Razumova T.O., Janchuk O.Ju. Vozmozhnosti i riski distancionnyh form zanjatosti dlja studentov i vypusknikov vysshih uchebnyh zavedenij [Opportunities and risks of remote forms of employment for students and graduates of higher educational institutions], *Social'no-trudovye issledovanija* [*Social and labor research*], 2021, no. 43 (2), pp. 85–98. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-43-2-85-98
 15. Shabunova A.A., Leonidova G.V., Lastochkina M.A., Ustinova K.A., Popov A.V., Golovchin M.A., Gruzdeva M.A., Kalachikova O.N., Nacun L.N., Razvarina I.N., Kondakova N.A., Korolenko A.V. Kachestvo molodogo pokolenija v kontekste modernizacii Rossii [The quality of the younger generation in the context of Russia's modernization]. Vologda: VolNC RAN, 2016. 235 p.
 16. Gregg P. The Impact of Youth Unemployment on Adult Unemployment in the NCDS // *The Economic Journal*, 2001, vol. 111, pp. 626–653. DOI: 10.1111/1468-0297.00666
 17. Vysshee obrazovanie: kontrol' ne oslabljat', kachestvo povyshat' [Higher education: do not weaken control, improve quality]. [Electronic resource]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-kontrol-ne-oslablyat-kachestvo-povyshat> (accessed: 25.10.2022).
 18. Molodye ustremilis' v ten' [Young rushed into the shadows]. [Electronic resource]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4780657> (accessed: 11.10.2022).

19. Na kogo poiti učit'sja: samye vostrebovannye professii – 2022 [Who to study for: the most demanded professions – 2022]. [Electronic resource]. Available at: <https://ria.ru/20220304/professii-1776484918.html> (accessed: 19.10.2022).
20. Odin iz doma: udalenka v postpandemicheskoy zhizni [One from home: remote work in post-pandemic life]. [Electronic resource]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odin-iz-doma-udalenka-v-postpandemicheskoi-zhizni> (accessed: 11.10.2022).
21. Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29.11.2014 № 2403-r «Ob utverzhdenii osnov gosudarstvennoj molodezhnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» [Decree of the Government of the Russian Federation of November 29, 2014 No. 2403-r “On approval of the foundations of the state youth policy of the Russian Federation for the period up to 2025”]. [Electronic resource]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201412080039?index=0&rangeSize=1> (accessed: 25.10.2022).
22. S junyh smet: nesovershennoletnih samozanjatyh stalo pochti vdvoe bol'she [From young estimates: self-employed minors have almost doubled]. [Electronic resource]. Available at: <https://iz.ru/1382870/iuliia-eliseeva/s-iunykh-smet-nesovershennoletnikh-samozanjatykh-stalo-pochti-vidvoe-bolshe> (accessed: 17.10.2022).
23. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Federal State Statistics Service]. [Electronic resource]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/> (accessed: 24.10.2022).
24. Federal'nyj zakon ot 30 dekabrya 2020 g. № 489-FZ «O molodezhnoj politike Rossijskoj Federacii» [Federal Law of December 30, 2020 No. 489-FZ “On the youth policy of the Russian Federation”]. [Electronic resource]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (accessed: 25.10.2022).
25. Share of youth not in education, employment or training, total (% of youth population). [Electronic resource]. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.NEET.ZS> (accessed: 25.10.2022).
26. Skill shift: Automation and the future of the workforce. [Electronic resource]. Available at: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/skill-shift-automation-and-the-future-of-the-workforce> (accessed: 25.10.2022).

Сведения об авторах:

А.Д. Кириллова – магистрант, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Российская Федерация.

А.В. Попов – старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Российская Федерация.

Information about the authors:

A.D. Kirillova – Undergraduate, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russian Federation.

A.V. Popov – Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

<i>Статья поступила в редакцию</i>	<i>11.01.2023</i>	<i>The article was submitted</i>	<i>11.01.2023</i>
<i>Одобрена после рецензирования</i>	<i>10.02.2023</i>	<i>Approved after reviewing</i>	<i>10.02.2023</i>
<i>Принята к публикации</i>	<i>16.02.2023</i>	<i>Accepted for publication</i>	<i>16.02.2023</i>

Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 60–75

Vestnik NSUEM. 2023. No. 1. P. 60–75

Научная статья

УДК 338.45

DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-060-075

САМОПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ЛИДЕРОВ КНИГОИЗДАНИЯ РОССИИ

Рубан Дмитрий Александрович

Южный федеральный университет

ruban-d@mail.ru

Аннотация. Книгоиздание представляет собой самостоятельный сектор экономики, который в условиях происходящих трансформаций нуждается в разработке успешных стратегий, в том числе коммуникационных. Целью статьи стоит изучение самопозиционирования как одного из элементов корпоративной коммуникации ведущих российских книжных издательских групп и издательств. Основным методом является контент-анализ соответствующих информационных блоков на официальных Internet-страницах 15 лидеров отечественного книгоиздания. В результате установлено самопозиционирование с использованием семи компонентов, среди которых наиболее часто встречаются «Продукция», «История» и «Лидерство». Стоит отметить, что ряд книгоиздателей делают акцент на решении сверхзадач. Компании используют преимущественно разные наборы компонентов, что говорит об индивидуальности их подходов к самопозиционированию. Частота встречаемости отдельных компонентов неочевидным образом связана с монополизацией отечественного книжного рынка. В целом использование рассматриваемого элемента корпоративной коммуникации лидерами книгоиздания России может быть признано вполне зрелым, хотя для успешного самопозиционирования могут потребоваться и другие компоненты.

Ключевые слова: бизнес-коммуникация, издательства, контент-анализ, отраслевой рынок, управленческие стратегии

Для цитирования: Рубан Д.А. Самопозиционирование лидеров книгоиздания России // Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 60–75. DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-060-075.

Original article

SELF-POSITIONING OF THE BOOK PUBLISHING LEADERS IN RUSSIA

Ruban Dmitry A.

South Federal University

ruban-d@mail.ru

Abstract. Book publishing is an individual sector of economy, which needs development of successful strategies, also communicational, in the conditions of the ongoing transformation. The aim of the article is to study self-positioning as an element of corporate

© Рубан Д.А., 2023

communication of the leading Russian book publishing groups and publishers. The principal method is content-analysis of the relevant information blocks from the official Internet-pages of 15 leaders of the domestic book publishing. The results outline self-positioning with seven components, among which the most frequent are “Production”, “History”, and “Leadership”. Notably, some book publishers emphasize on solution of super-tasks. The companies use chiefly different sets of components, which fact implies individuality of their approaches to self-positioning. The frequency of some components is linked unexpectedly to the monopolization of the domestic book market. Generally, the use of the considered element of corporate communication by the leaders of book publishing in Russia can be judged rather mature, although successful self-positioning may require some additional components.

Keywords: business communication, publishers, content-analysis, industrial market, managerial strategies

For citation: Ruban D.A. Self-positioning of the book publishing leaders in Russia. *Vestnik NSUEM*. 2023; (1): 60–75. (In Russ.). DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-060-075.

Введение

Современное социально-экономическое развитие нередко описывается в контексте крупных трансформаций, одной из которых видится цифровизация [3, 10, 39]. Не оспаривая такой точки зрения, стоит отметить, что цифровизация выражает ускорение общественного прогресса. При этом она происходит на фоне постепенной, но, вероятно, более масштабной трансформации, связанной с переходом от глобализма к постглобализму [9, 23, 32]. Соответствующие процессы интересны не только с сугубо теоретической, философской точки зрения, но и как реальные факторы влияния на отраслевое развитие и его долговременные тренды [22, 35, 36]. Очевидным образом издательская деятельность и, в частности, книгоиздание самым тесным образом связаны с действием этих факторов. Соответствующие идеи представили в своих работах А.Н. Баланов [1], Т.Л. Воробьева [4], П.Н. Тесля [11], В.В. Харитонов [12], Я.Л. Шрайберг [13], а из иностранных специалистов – П. Данет [21], Х.-А. Кордон-Гарсия и М. Муньос-Рико [20], Ж. Сапиро [45], А. Стейнер [47], Т. Хилл [27]. С одной стороны, цифровизация обеспечивает новую технологическую основу для издания книг, но при этом способна снизить спрос на печатную продукцию. С другой стороны, в условиях постглобализма книги формируют столь необходимые каналы культурного обмена, но при этом дистрибутивные механизмы и география спроса претерпевают изменения.

Ситуацию в отечественном книгоиздании охарактеризовала С.Ю. Барсукова [2]. В частности, в своей работе она отметила, что при сохраняющемся на достаточно высоком уровне разнообразии книжной продукции (порядка 100 тыс. изданий в год и более) за последнее десятилетие общий тираж изданий сократился более, чем в 1,5 раза. И по числу изданий, и по общему тиражу преобладает учебно-методическая литература, а детская литература обходит художественную по тиражу, но уступает по числу изданий; стоит обратить внимание на катастрофически малую долю на рынке научно-популярной литературы [2]. В той же статье [2] признается высокая степень монополизации российского книжного рынка. Такое со-

стояние книгоиздания, характеризующееся как перспективностью, так и определенной проблематичностью, вкупе с действием вышеотмеченных факторов предопределяет необходимость тщательной разработки новых и/или оптимизации ранее сформулированных корпоративных стратегий для соответствующих субъектов бизнеса. Они имеют различные составляющие, в том числе стратегии коммуникации бизнес-информации, которые необходимы для взаимодействия с партнерами, посредниками, конкурентами, государственными органами и корпоративными клиентами. Более того, само по себе содержание распространяемой информации в той или иной степени отражает предпочитаемые стратегические приоритеты, установленные для конкретной бизнес-единицы. Изучение коммуникации и ее связи с общей корпоративной стратегией как в целом, так и в применении к отдельным отраслям составляет самостоятельное и довольно быстро развивающееся направление современных исследований в области экономики и управления [15, 19, 30, 44, 46].

Целью настоящей работы является изучение самопозиционирования как одного из элементов корпоративной коммуникации ведущих российских книжных издательских групп и издательств. Акцент на лидерах книгоиздания связан с двумя обстоятельствами, а именно их значительной вовлеченностью в стратегирование и наличием соответствующей информации для анализа в открытом доступе, а также той исключительной ролью, которую они играют на рынке с высокой степенью монополизации. Более того, лидеры способны целенаправленно или произвольно формировать модели бизнес-поведения для более мелких участников рынка, и, следовательно, обращение к их опыту важно для понимания принципов, которые распространяются в отечественном книгоиздании.

Концептуальная основа

Представления о книгоиздании как самостоятельном секторе экономики, а также особенностях управления его организациями систематически рассматриваются в научной литературе. Будучи сравнительно немногочисленными, они тем не менее отличаются значительной «глубиной» проработки и тематическим разнообразием. Обобщение ранее опубликованной информации позволяет выделить основные аспекты книжного бизнеса и соотнести с ними сформулированные отечественными и зарубежными специалистами идеи (табл. 1). В свою очередь, это дает возможность утверждать, что данный сектор характеризуется наличием ряда особенностей и при этом довольно динамичен, конкурентен, а потому требует разработки и имплементации комплексных стратегий. Несомненно, достижение ряда задач, а именно успешности конкуренции, выстраивания бизнес-коллабораций и взаимодействия с общественными институтами, требует активного использования механизмов корпоративной коммуникации.

Хотя корпоративные стратегии могут раскрываться полностью, такая практика не представляется эффективной в силу того, что соответствующие документы содержат представляющую коммерческий интерес информацию, но еще больше из-за их значительного объема и подчас техниче-

Таблица 1

Аспекты книгоиздательского бизнеса в контексте исследовательского опыта
Aspects of the book publishing business in the context of research experience

Тема	Основные идеи	Источник
Рынок	Общая характеристика состояния и трендов на книжном рынке, а также выделение его основных сегментов	К. Кальярекос и др., 2005 [28]
	Разработка комплексной модели, описывающей и объясняющей национальный (РФ) книжный рынок; определение инструментария его оптимизации	В.В. Глинский, 2008 [5]
	Разработка понятия о национальном (США) книжном рынке и процессах его монополизации вследствие «горизонтальных» слияний и поглощений	А. Греко, 1999 [25]
	Активность крупных корпораций на национальном (США) книжном рынке и их функции	М. Левин, 1996 [33]
	Анализируется региональный (Краснодарский край, РФ) книжный рынок, функционирование которого вносит вклад в формирование социокультурного пространства	Н.Г. Щерба и О.М. Уржумова, 2011 [14]
Инновации и устойчивость	Индивидуальные особенности управления, корпоративная культура и организационная коммуникация оказывают существенное влияние на издание электронных книг в стране (Германия) с хорошо развитым книжным рынком	К. Бушов и др., 2014 [18]
	Разработка комплексных представлений об устойчивости, социальной и экологической ответственности в книжном бизнесе, подчеркивает необходимость их учета в формировании соответствующих бизнес-моделей	С. Тянь и Б. Мартин, 2012 [49]
	Предлагается основа для определения социальной ответственности книжного бизнеса в городском пространстве (Барнаул, РФ)	Е.С. Кобинцева, 2012 [8]
Менеджмент и маркетинг	Обращается внимание на изменение понимания книгоиздателями своего бизнеса: с создания контента на клиентоориентированность; существует потребность в соответствующей коррекции стратегических подходов на уровне организации и человеческих ресурсов	К. Кальярекос и др., 2005 [28]
	Предлагаются инструменты стратегического управления брендами на книжном рынке, подчеркивается многоуровневость брендинга продукции в данной отрасли	И. Пицаки, 2011 [41]
	Интеграция книжного бизнеса и библиотек формирует стратегический интерес в книгоиздании	Ю.А. Горшков, 2007 [6]
	Анализ имплементации организационных стратегий книгоиздателями на национальном (Испания) рынке в условиях цифровой трансформации	М. Магадан-Диас и Х. Ривас-Гарсия, 2022 [34]
	Продвижение организаций сферы книгоиздания в сети Internet предполагает использование специфических навыков, что повышает требования к сотрудникам, отвечающим за эту деятельность	Л.П. Дашков, 2012 [7]

ской сложности. В этой связи особую важность представляют отдельные элементы корпоративной коммуникации (табл. 2). Среди них наиболее известны и концептуально проработаны миссии и декларации устойчивости. В настоящее время важнейшим способом использования этих элементов является их размещение на официальных Internet-страницах организаций. Собственно именно осознание важности сети Internet для раскрытия корпоративных стратегий и способствовало разработке представлений об указанных элементах, а также принципов их изучения. Последнее сводится к поиску таких элементов в корпоративной документации или на официальных Internet-страницах, проведению их типизации, интуитивному или стандартизированному выделению их компонентов, замеру частоты использования последних в однородной выборке элементов одного типа (см. литературу в табл. 2).

Таблица 2

Элементы корпоративной коммуникации
Elements of corporate communication

Элемент	Суть	Основные работы
Миссия	Ключевые стратегические принципы организации, определяющие ее идентичность	И. Алегре и др., 2018 [15], Б. Барткус и др., 2002 [17], Дж. Пирс и Ф. Дэвид, 1987 [40]
Видение	Целевые ориентиры организации, определяющие планируемую траекторию ее развития	С. Кантабутра и Г. Эвери, 2010 [29]
Предназначение	Объяснение смысла ее существования / создания организации	А. Фитцсиммонс и др., 2022 [24]
Ценности	Общечеловеческие понятия, признанные важными в организации и регламентирующие поведение в коллективе	Д. Николл, 1993 [37], Р. Осборн, 1991 [38]
Обращения руководства	Персонализированное выражение стратегических интересов организации	К. Раджандран и Ф. Таиб, 2014 [43]
Декларация устойчивости (в различных формах)	Основные признаки социальной и экологической ответственности организации, отражающие ее готовность к решению неэкономических сверхзадач	И. Балог и др., 2022 [16], Э. Ким и Т. Лайон, 2015 [31], В. и В. Рагупати, 2019 [42]
Самопозиционирование	Открытое представление организации, призванное сформировать общее впечатление о ней	Д.А. Рубан и Н.Н. Яшалова, 2022 [44]

Самопозиционирование – это текстовой (реже графический или смешанный) блок информации, в котором дается краткая характеристика конкретной организации, определяющая суть ее деятельности, связанной со стратегическим положением на рынке (общем или отраслевом). Обычно его можно обнаружить на основной Internet-странице (титульное самопозиционирование, подробно рассмотренное в [44]) или в разделах с названием «О компании», «О нас» и т.п. (техническое самопозиционирование). Тем не менее такие блоки информации могут присутствовать и в организационных документах, т.е. они необязательно встречаются только

в Internet-пространстве. Важность этого элемента определяется тем, что потенциальные партнеры, конкуренты, представители административных органов, клиенты (в том числе корпоративные) нуждаются в получении элементарных сведений об организации, которые, в свою очередь, имеют большое значение для формирования правильного и/или желаемого образа последней. Необходимость такого элемента коммуникации в книгоиздании очевидна и может объясняться спецификой как этой деятельности, так и конкуренции на монополизированном рынке. При этом наибольший интерес представляет техническое самопозиционирование (на нем фокусируется настоящее исследование), так как основные Internet-страницы многих книгоиздателей логичным образом посвящены их продукции и нередко интегрированы с онлайн-магазинами.

Материалы и методы

В качестве материала для настоящего исследования используется информация, представленная на официальных Internet-страницах ведущих российских книгоиздателей, блоки которой могут быть отнесены к техническому самопозиционированию. В общей сложности она собрана для 15 издательских групп и издательств, которые выделяются по числу выпущенных неперiodических изданий и/или суммарным тиражам. Для определения объектов анализа использовались соответствующие рейтинги [51]. Где требуются и, возможно, сведения из них корректировались с учетом недавних слияний бизнес-структур и/или дополнялись. Если несколько издательств входят в состав издательской группы, то анализировалась Internet-страница последней; при этом связанные с ней издательства исключались из анализа. С учетом этих процедур и изначальной неполноты данных, выборка объектов не могла не оказаться в определенной степени произвольной, однако, как представляется, она довольно полно характеризует лидеров книгоиздания России и, следовательно, служит целям данного исследования. Стоит подчеркнуть, что проанализированные издательские группы и издательства не называются в настоящей работе. Потребность в такой анонимности связана с желанием следовать нормам научной этики и диктуется важностью избежать даже случайного вызова репутации и коммерческим интересам бизнес-структур, тем более что указание названий компаний не добавило бы никакой существенной информации к изложению результатов исследования.

Собственно анализ самопозиционирования лидеров книгоиздания России следует общепринятым принципам изучения элементов корпоративной коммуникации (см. выше) и реализуется в три этапа. На первом этапе проводится предварительное изучение содержания блоков информации с целью выделения наиболее распространенных компонентов (подобно тому, как это было сделано ранее для миссий [40]). На втором этапе содержание блоков изучается еще раз и более тщательно, чтобы зафиксировать присутствие выделенных компонентов и тем самым охарактеризовать распространение последних по анализируемым компаниям (аналогично, как это сделано при анализе титульного самопозиционирования [44]).

На третьем этапе скомпилированная таким образом информация подвергается простым процедурам количественного анализа, предполагающим измерение частот встречаемости каждого из компонентов, а также среднего и медианного числа компонентов в блоках.

Результаты

Анализ технического самопозиционирования ведущих издательских групп и издательств России показывает, что в соответствующих информационных блоках может быть выделено семь компонентов (табл. 3). Это свидетельствует о достаточном разнообразии подходов к характеристике компаний в этом секторе экономики. Стоит обратить внимание на обозначение сверхзадач, в качестве которых книгоиздатели указывают вклад в развитие интеллектуального потенциала страны, личностное развитие читателей, реализацию образовательных проектов, сохранение культурных ценностей. Возможность выделения данного компонента и его содержание указывают на осознание частью отечественных книгоиздателей общественно-культурного значения их деятельности. Еще необходимо выделить такой условный компонент, как «Деятельность». По своей сути он не обеспечивает достижение целей самопозиционирования, однако соответствующая информация нередко включается в данный информационный блок. Это может рассматриваться как свидетельство своего рода недопонимания сути самопозиционирования и его важности.

Таблица 3

Компоненты информационных блоков самопозиционирования книгоиздателей
Components of information blocks of self-positioning book publishers

Обозначение	Компонент	Пояснение
АТР	Атрибутика	Информация о руководстве, наградах, достижениях и т.п.
ДЕЯ	Деятельность	Указание контактной информации, спектра оказываемых услуг и их стоимости и т.п.
ИСТ	История	Описание развития компании (как правило, со времени ее основания)
ЛИД	Лидерство	Заявка на успешность позиционирования на рынке (как правило, национальном)
ПРО	Продукция	Указание авторов, жанров, книжных серий и т.п.
СВЕ	Сверхзадачи	Участие компании в решении задач, которые выходят за рамки собственно книгоиздательской деятельности
СТР	Структура	Объяснение внутреннего устройства компании

Присутствие компонентов в проанализированных блоках информации отличается неравномерностью (табл. 4). Как можно увидеть, наиболее часто встречается компонент «Продукция», который доминирует в самопозиционировании лидеров книгоиздания. Стоит добавить, что размер этого компонента, т.е. длина соответствующего текста, часто существенно превышает всю прочую информацию в блоках самопозиционирования. Примерно половина компаний обозначает свое лидерство. Весьма часто присутствует компонент «История» и примерно в половине случаев – «Ли-

дерство». Реже всего компании позиционируют себя путем обращения к своей деятельности, что является позитивным с учетом сказанного выше об этом компоненте. Добавим, что сравнительно редкие отсылки к структуре действительно больше подходят именно издательским группам, которые не преобладают среди рассматриваемых компаний.

Таблица 4

**Распространение компонентов по информационным блокам
самопозиционирования книгоиздателей**
**Distribution of components across information blocks of self-positioning
book publishers**

Компании (анонимно – см. выше)	Компоненты (см. обозначения в табл. 3)						
	АТР	ДЕЯ	ИСТ	ЛИД	ПРО	СВЕ	СТР
А			+	+	+	+	+
Б					+		+
В					+	+	
Г				+	+		+
Д	+		+	+	+		
Е			+		+		
Ж			+		+		
З	+		+	+	+	+	
И				+	+	+	+
К	+		+	+	+	+	
Л	+		+	+	+		
М	+	+	+		+		
Н	+	+	+		+		
О			+	+	+		
П		+	+		+		
Общее кол-во	6	3	11	8	15	5	4
Встречаемость, %	40	20	73	53	100	33	27

Среднее и медианное число компонентов в информационных блоках самопозиционирования равно 3, 5 и 4 соответственно. При этом ни в одном случае самопозиционирование не использует менее двух и более пяти компонентов (табл. 4). Такая ситуация означает, что книгоиздатели применяют довольно гибкие стратегии коммуникации в данном аспекте, фокусируясь на строго определенном наборе характеристик своих компаний. Примечательно также, что рассматриваемые компании довольно часто используют разные (в определенном смысле уникальные) наборы компонентов (табл. 4). Возможно, это отражает поиск индивидуальных подходов к самопозиционированию.

Обсуждение результатов

Полученные в ходе проведенного анализа результаты заслуживают объяснения. Выделение семи компонентов, каждый из которых встречается не менее трех раз, использование обычно трех-четырёх из них, а также индивидуализация при формировании их наборов, отмеченные выше,

в совокупности указывают на зрелость подхода лидеров книгоиздания России к техническому самопозиционированию на официальных Internet-страницах. Это может показаться отчасти удивительным с учетом степени монополизации рынка [2], когда меньшая множественность конкуренции могла бы способствовать снижению интереса руководства компаний к качеству стратегической бизнес-коммуникации. Можно предположить, что доминирование крупных игроков на секторальном рынке, напротив, способствует привлечению грамотных специалистов, которые понимают важность самопозиционирования независимо от характера конкуренции.

Доминирование компонента «Продукция» неудивительно, так как собственно издательские инициативы определяют и саму суть, и успешность деятельности рассматриваемых компаний. Гораздо больший интерес представляет наличие таких компонентов, как «Лидерство» и «История». Значительная частота встречаемости первого из них может показаться очевидной с учетом того, что данное исследование фокусируется именно на лидерах. Однако с учетом монополизации рынка [2] заявление о лидерской позиции излишне. Возможно, книгоиздание выглядит довольно специфичным направлением деятельности, что компенсируется в бизнес-коммуникации декларацией лидерства. Подтвердить это предположение или сформулировать новое возможно только в ходе отдельного исследования, в ходе которого анализировались бы мнения управленцев, ответственных за стратегическую бизнес-коммуникацию. Что касается истории, то значительное присутствие данного компонента может объясняться консервативностью книгоиздания в целом, равно как и своего рода гордостью руководства компаний тем, что они оказались способны успешно развивать свой специфический бизнес в течение длительного времени.

Решение разнообразных сверхзадач отмечается не столь часто, однако оно присутствует в трети информационных блоков самопозиционирования. Эта доля может быть признана довольно существенной, так как инициативы вне рамок издательской деятельности в масштабе, достаточном для самопозиционирования, являются добровольным выбором компании. Их упоминание в рассматриваемых информационных блоках свидетельствует о «продвинутом» отношении к корпоративной коммуникации. Важно отметить, что наличие таких сверхзадач вполне соответствует новейшим представлениям теории менеджмента об инновационных подходах к ведению бизнеса [26]. Книгоиздатели, для которых установлено самопозиционирование через сверхзадачи, явно акцентируют на чем-то большем, чем «стандартная» социальная ответственность. Содержание сверхзадач (см. выше) указывает на инициативы в интересах государства, некоторые из них являются также и патриотическими.

В данной работе фиксировалось распространение только тех компонентов, которые удастся выделить в рамках собранного материала. Однако информационные блоки самопозиционирования могут включать и другие компоненты, обращаясь к аспектам книгоиздания, которые не были декларированы проанализированными компаниями. Как минимум, к числу таких компонентов могут быть отнесены «Персонал» и «Экология». Хотя современное книгоиздание – высокотехнологический процесс, оно сохраняет субъективный подход в части как селекции произведений для публи-

кации, так и их дизайна, формирования серий и т.п. В подобных условиях персонал требует особого внимания [50]. Если обратиться к изученному самопозиционированию, то вышеотмеченная субъективность прослеживается, однако она неперсонифицирована, а обеспечивающий успешность компаний персонал, будучи ценнейшим организационным ресурсом, не выходит на первый план. Упоминание персонала единично и кратко, а потому не могло быть выделено в самостоятельный компонент. Книгоиздание довольно тесно связано с экологической проблематикой [48, 49]. Однако ни отдельного компонента, ни сверхзадач, касающихся окружающей среды, в проанализированных блоках информации не обнаружено, что указывает на недооценку важности экологических императивов в компаниях.

Заключение

Проведенное исследование обращает внимание на самопозиционирование книгоиздателей на их официальных Internet-страницах как самостоятельный элемент корпоративной коммуникации, уже функционирующий в данном секторе экономики. Видится возможным сделать три общих вывода. Во-первых, самопозиционирование ведущих книгоиздателей в России осуществляется с использованием семи компонентов, при этом распространено использование трех-четырёх компонентов. Во-вторых, чаще всего при самопозиционировании обращается внимание на продукцию, историю и лидерские позиции компаний, однако при этом стоит отметить также отсылки к решению сверхзадач (в том числе государственного значения). В-третьих, содержание информационных блоков самопозиционирования лидеров книгоиздания России оказывается зрелым и при этом демонстрирует использование различных подходов, однако в них не отражены аспекты деятельности компаний, связанные с персоналом и экологией.

Теоретическая значимость настоящей работы двояка. Во-первых, она расширяет представления о возможностях корпоративной коммуникации. Во-вторых, в ней обращается внимание на отраслевую (секторальную) специфику бизнес-коммуникации. С практической точки зрения, полученные результаты важны не столько для описания ситуации с самопозиционированием на книжном рынке страны, сколько для обобщения соответствующего отечественного опыта. Он может использоваться прочими, в том числе менее крупными компаниями данного сектора. Более того, видится возможным дать рекомендацию по диверсификации содержания информационных блоков за счет отражения в них значимости персонала и экологизации. Основное ограничение настоящей работы связано с тем, что она фокусируется на контент-анализе конкретного элемента корпоративной коммуникации. В ходе последующих исследований могут быть проанализированы также эффективность использования этого элемента, его соответствие корпоративным стратегиям и взаимоотношение с другими элементами. Для этого потребуются проведение социологических исследований и постановка экспериментов. Перспективы дальнейшего изучения определяются также необходимостью анализа самопозиционирования в других отраслях/секторах экономики, что будет способствовать в том числе стандартизации компонентов соответствующих информационных блоков.

Список источников

1. *Баланов А.Н.* Цифровизация в области литературы. Способы издания книги: новые возможности // *Философия хозяйства*. 2022. № 3. С. 271–277.
2. *Барсукова С.Ю.* Книжный рынок России: быть или не быть? // *ЭКО*. 2022. № 3. С. 130–152.
3. *Васильева Н.Г.* Тенденции трансформации системы ценностей корпоративной культуры и индивидуальной трудовой деятельности в условиях цифровизации социально-экономической реальности // *Человеческий капитал*. 2022. № 5. С. 209–215.
4. *Воробьева Т.Л.* Трансформация модели чтения в цифровой культуре // *Текст. Книга. Книгоиздание*. 2021. № 27. С. 126–138.
5. *Глинский В.В.* Российский книжный бизнес: проблемы и перспективы // *Вестник НГУЭУ*. 2008. № 1. С. 191–199.
6. *Горшков Ю.А.* Библиотека в стратегическом менеджменте книжного бизнеса: анализ ресурсов и конкурентных возможностей // *Научные и технические библиотеки*. 2007. № 9. С. 5–17.
7. *Дашков Л.П.* Организация рекламы книжной продукции и предприятий книжного бизнеса с использованием сети Интернет // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. 2012. № 2. С. 52–55.
8. *Кобинцева Е.С.* Социальная ответственность книжного бизнеса Барнаула // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*. 2012. № 4. С. 274–277.
9. *Корецкий В.А., Халиков М.С.* Виртуальная экономика глобального капитализма // *Образование и право*. 2021. № 11. С. 132–137.
10. *Смирнов Е.Н.* Эволюция инновационного развития и предпосылки цифровизации и цифровых трансформаций мировой экономики // *Вопросы инновационной экономики*. 2018. № 4. С. 553–564.
11. *Тесля П.Н.* Цифровая трансформация медиарынка и ее последствия // *ЭКО*. 2020. № 2. С. 81–101.
12. *Харитонов В.В.* Особенности трансформации издательской индустрии // *Текст. Книга. Книгоиздание*. 2021. № 26. С. 117–128.
13. *Шрайберг Я.Л.* Тенденции развития книжного рынка в условиях его цифровизации и трансформации // *Университетская книга*. 2018. № 9. С. 20–22.
14. *Щерба Н.Г., Уржумова О.М.* Роль регионального книжного бизнеса в развитии современного российского интеллектуального общества // *Культурная жизнь Юга России*. 2011. № 4. С. 52–55.
15. *Alegre I., Berbegal-Mirabent J., Guerrero A., Mas-Machuca M.* The real mission of the mission statement: A systematic review of the literature // *Journal of Management and Organization*. 2018. Vol. 24. P. 456–473.
16. *Balogh I., Srivastava M., Tyll L.* Towards comprehensive corporate sustainability reporting: an empirical study of factors influencing ESG disclosures of large Czech companies // *Society and Business Review*. 2022. Vol. 17. P. 541–573.
17. *Bartkus B., Glassman M., McAfee B.* Do large European, US and Japanese firms use their web sites to communicate their mission? // *European Management Journal*. 2002. Vol. 20. P. 423–429.
18. *Buschow C., Nölle I., Schneider B.* German book publishers' barriers to disruptive innovations: The case of e-book adoption // *Publishing Research Quarterly*. 2014. Vol. 30. P. 63–76.
19. *Colton D.A., Poploski S.P.* A Content Analysis of Corporate Blogs to Identify Communications Strategies, Objectives and Dimensions of Credibility // *Journal of Promotion Management*. 2019. Vol. 25. P. 609–630.
20. *Cordón-García J.-A., Muñoz-Rico M.* Publishing, books and reading: Spaces of authorship, visibility, and socialization // *Profesional de la Informacion*. 2022. Vol. 31. P. e310205.

21. *Danet P.* The future of book publishing: Seven technology trends and three industry goals // *Publishing Research Quarterly*. 2014. Vol. 30. P. 275–281.
22. *De Stefano C.* Reforming the Governance of International Financial Law in the Era of Post-Globalization // *Journal of International Economic Law*. 2017. Vol. 20. P. 509–533.
23. *Ferrarese M.R.* Beyond Globalization: Towards a Post-global World? // *Politica del Diritto*. 2021. Vol. 52. P. 259–274.
24. *Fitzsimmons A.B., Qin Y.S., Heffron E.R.* Purpose vs mission vs vision: persuasive appeals and components in corporate statements // *Journal of Communication Management*. 2022. Vol. 26. P. 207–219.
25. *Greco A.N.* The impact of horizontal mergers and acquisitions on corporate concentration in the U.S. book publishing industry: 1989–1994 // *Journal of Media Economics*. 1999. Vol. 12. P. 165–180.
26. *Hamel G.* Moon Shots for management: What great challenges must we tackle to reinvent management and make it more relevant to a volatile world? // *Harvard Business Review*. 2009. Vol. 87. P. 91–98.
27. *Hill T.* The inevitable shift to cloud-based book publishing: The next step in the digital transformation of book publishing may be closer than you think // *Publishing Research Quarterly*. 2012. Vol. 28. P. 1–7.
28. *Kalliarekos K., Battaglini T., Connor D.* Do you know where your book publishing business is? // *Publishing Research Quarterly*. 2005. Vol. 20. P. 14–22.
29. *Kantabutra S., Avery G.C.* The power of vision: Statements that resonate // *Journal of Business Strategy*. 2010. Vol. 31. P. 37–45.
30. *Kernbach S., Eppler M.J., Bresciani S.* The use of visualization in the communication of business strategies: An experimental evaluation // *International Journal of Business Communication*. 2015. Vol. 52. P. 164–187.
31. *Kim E.-H., Lyon T.P.* Greenwash vs. Brownwash: Exaggeration and undue modesty in corporate sustainability disclosure // *Organization Science*. 2015. Vol. 26. P. 705–723.
32. *Konrad V.* New Directions at the Post-Globalization Border // *Journal of Borderlands Studies*. 2021. Vol. 36. P. 713–726.
33. *Levin M.P.* The positive role of large corporations in US book publishing // *Logos*. 1996. Vol. 7. P. 127–137.
34. *Magadán-Díaz M., Rivas-García J.I.* What are the Driving Forces Behind Spanish Publishers? // *Publishing Research Quarterly*. 2022. Vol. 38. P. 28–39.
35. *Moffatt J.* Understanding career pathways in agriculture: Theorising the farmhand career // *Australian Journal of Career Development*. 2016. Vol. 25. P. 129–138.
36. *Mohamed T.I.* Developing a product design educational program for the post-globalization's designers // *International Journal of Scientific and Technology Research*. 2019. Vol. 8. P. 1351–1355.
37. *Nicoll D.C.* Corporate Value Statements and Employee Communications // *Management Decision*. 1993. Vol. 31. P. 34–40.
38. *Osborne R.L.* Core value statements: The corporate compass // *Business Horizons*. 1991. Vol. 34. P. 28–34.
39. *Pfeiffer S.* The Greater Transformation: Digitalization and the Transformative Power of Distributive Forces in Digital Capitalism // *International Critical Thought*. 2021. Vol. 11. P. 535–552.
40. *Pearce J.A., David F.* Corporate Mission Statements: The Bottom Line // *Academy of Management Executive*. 1987. Vol. 1. P. 109–116.
41. *Pitsaki I.* Strategic brand management tools in publishing // *International Journal of the Book*. 2011. Vol. 8. P. 103–111.
42. *Raghupathi V., Raghupathi W.* Corporate sustainability reporting and disclosure on the web: An exploratory study // *Information Resources Management Journal*. 2019. Vol. 32. P. 1–27.

43. *Rajandran K., Taib F.* Disclosing compliant and responsible corporations: CSR performance in Malaysian CEO statements // *GEMA Online Journal of Language Studies*. 2014. Vol. 14. P. 143–157.
44. *Ruban D.A., Yashalova N.N.* Corporate Web Positioning as a Strategic Communication Tool in Agriculture // *Agriculture*. 2022. Vol. 12. P. 1101.
45. *Sapiro G.* What factors favor the translation of humanities books?: The case of translations from English into French and from French into English in the era of globalization // *Palimpsestes*. 2020. Vol. 33. P. 19–42.
46. *Steensen E.F.* Five types of organizational strategy // *Scandinavian Journal of Management*. 2014. Vol. 30. P. 266–281.
47. *Steiner A.* The Global Book: Micropublishing, Conglomerate Production, and Digital Market Structures // *Publishing Research Quarterly*. 2018. Vol. 34. P. 118–132.
48. *Tahara K., Shimizu H., Nakazawa K., Nakamura H., Yamagishi K.* Life-cycle greenhouse gas emissions of e-books vs. paper books: A Japanese case study // *Journal of Cleaner Production*. 2018. Vol. 189. P. 59–66.
49. *Tian X., Martin B.* Business model sustainability in book publishing // *Publishing Research Quarterly*. 2012. Vol. 28. P. 100–115.
50. *Wagner S., Bican P.M., Brem A.* Critical success factors in the front end of innovation: Results from an empirical study // *International Journal of Innovation Management*. 2021. Vol. 25. P. 2150046.
51. Рейтинги крупнейших издательств России. [Электронный ресурс]. URL: <https://infoselection.ru/infokatalog/literatura-knigi/literatura-obshchee/item/350-rejtingi-krupnejshikh-izdatelstv-rossii> (дата обращения: 12.11.2022).

References

1. Balanov A.N. Cifrovizacija v oblasti literatury. Sposoby izdaniya knigi: novye vozmozhnosti [Digitization in the field of literature. Ways of publishing a book: new opportunities], *Filosofija hozjajstva [Philosophy of economy]*, 2022, no. 3, pp. 271–277.
2. Barsukova S.Ju. Knizhnyj rynek Rossii: byt' ili ne byt'? [Russian book market: to be or not to be?], *JeKO [ECO]*, 2022, no. 3, pp. 130–152.
3. Vasil'eva N.G. Tendencii transformacii sistemy cennostej korporativnoj kul'tury i individual'noj trudovoj dejatel'nosti v uslovijah cifrovizacii social'no-jekonomicheskoy real'nosti [Trends in the transformation of the value system of corporate culture and individual labor activity in the context of digitalization of socio-economic reality], *Chelovecheskij kapital [Human capital]*, 2022, no. 5, pp. 209–215.
4. Vorob'eva T.L. Transformacija modeli chtenija v cifrovoj kul'ture [Transformation of the reading model in digital culture], *Tekst. Kniga. Knigoizdanie [Text. Book. Book publishing]*, 2021, no. 27, pp. 126–138.
5. Glinskij V.V. Rossijskij knizhnyj biznes: problemy i perspektivy [Russian book business: problems and prospects], *Vestnik NGUJeU [Vestnik NSUEM]*, 2008, no. 1, pp. 191–199.
6. Gorshkov Ju.A. Biblioteka v strategicheskom menedzhmente knizhnogo biznesa: analiz resursov i konkurentnyh vozmozhnostej [Library in the strategic management of the book business: analysis of resources and competitive opportunities], *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki [Scientific and technical libraries]*, 2007, no. 9, pp. 5–17.
7. Dashkov L.P. Organizacija reklamy knizhnoj produkcii i predpriyatij knizhnogo biznesa s ispol'zovaniem seti Internet [Organization of advertising of book products and book business enterprises using the Internet], *Fundamental'nye i prikladnye issledovanija kooperativnogo sektora jekonomiki [Fundamental and applied research of the cooperative sector of the economy]*, 2012, no. 2, pp. 52–55.
8. Kobinceva E.S. Social'naja otvetstvennost' knizhnogo biznesa Barnaula [Social responsibility of the Barnaul book business], *Sociologija v sovremennom mire: nauka, obra-*

- zovanie, tvorcestvo* [Sociology in the modern world: science, education, creativity], 2012, no. 4, pp. 274–277.
9. Koreckij V.A., Halikov M.S. Virtual'naja jekonomika global'nogo kapitalizma [Virtual economy of global capitalism], *Obrazovanie i pravo* [Education and law], 2021, no. 11, pp. 132–137.
 10. Smirnov E.N. Jevoljucija innovacionnogo razvitija i predposylki cifrovizacii i cifrovyh transformacij mirovoj jekonomiki [Evolution of innovative development and prerequisites for digitalization and digital transformations of the world economy], *Voprosy innovacionnoj jekonomiki* [Issues of innovative economics], 2018, no. 4, pp. 553–564.
 11. Teslja P.N. Cifrovaja transformacija mediarynka i ee posledstvija [Digital transformation of the media market and its consequences], *JeKO [ECO]*, 2020, no. 2, pp. 81–101.
 12. Haritonov V.V. Osobennosti transformacii izdatel'skoj industrii [Features of the transformation of the publishing industry], *Tekst. Kniga. Knigoizdanie* [Text. Book. Book publishing], 2021, no. 26, pp. 117–128.
 13. Shrajberg Ja.L. Tendencii razvitija knizhnogo rynka v uslovijah ego cifrovizacii i transformacii [Trends in the development of the book market in the context of its digitalization and transformation], *Universitetskaja kniga* [Universitetskaya kniga], 2018, no. 9, pp. 20–22.
 14. Shherba N.G., Urzhumova O.M. Rol' regional'nogo knizhnogo biznesa v razvittii sovremennogo rossijskogo intellektual'nogo obshhestva [The role of the regional book business in the development of modern Russian intellectual society], *Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii* [Cultural life of the South of Russia], 2011, no. 4, pp. 52–55.
 15. Alegre I., Berbegal-Mirabent J., Guerrero A., Mas-Machuca M. The real mission of the mission statement: A systematic review of the literature. *Journal of Management and Organization*, 2018, vol. 24, pp. 456–473.
 16. Balogh I., Srivastava M., Tyll L. Towards comprehensive corporate sustainability reporting: an empirical study of factors influencing ESG disclosures of large Czech companies. *Society and Business Review*, 2022, vol. 17, pp. 541–573.
 17. Bartkus B., Glassman M., McAfee B. Do large European, US and Japanese firms use their web sites to communicate their mission? *European Management Journal*, 2002, vol. 20, pp. 423–429.
 18. Buschow C., Nölle I., Schneider B. German book publishers' barriers to disruptive innovations: The case of e-book adoption. *Publishing Research Quarterly*, 2014, vol. 30, pp. 63–76.
 19. Colton D.A., Poploski S.P. A Content Analysis of Corporate Blogs to Identify Communications Strategies, Objectives and Dimensions of Credibility. *Journal of Promotion Management*, 2019, vol. 25, pp. 609–630.
 20. Cordon-García J.-A., Muñoz-Rico M. Publishing, books and reading: Spaces of authorship, visibility, and socialization. *Profesional de la Informacion*, 2022, vol. 31, p. e310205.
 21. Danet P. The future of book publishing: Seven technology trends and three industry goals. *Publishing Research Quarterly*, 2014, vol. 30, pp. 275–281.
 22. De Stefano C. Reforming the Governance of International Financial Law in the Era of Post-Globalization. *Journal of International Economic Law*, 2017, vol. 20, pp. 509–533.
 23. Ferrarese M.R. Beyond Globalization: Towards a Post-global World? *Politica del Diritto*, 2021, vol. 52, pp. 259–274.
 24. Fitzsimmons A.B., Qin Y.S., Heffron E.R. Purpose vs mission vs vision: persuasive appeals and components in corporate statements. *Journal of Communication Management*, 2022, vol. 26, pp. 207–219.
 25. Greco A.N. The impact of horizontal mergers and acquisitions on corporate concentration in the U.S. book publishing industry: 1989–1994. *Journal of Media Economics*, 1999, vol. 12, pp. 165–180.

26. Hamel G. Moon Shots for management: What great challenges must we tackle to reinvent management and make it more relevant to a volatile world? *Harvard Business Review*, 2009, vol. 87, pp. 91–98.
27. Hill T. The inevitable shift to cloud-based book publishing: The next step in the digital transformation of book publishing may be closer than you think. *Publishing Research Quarterly*, 2012, vol. 28, pp. 1–7.
28. Kalliarekos K., Battaglini T., Connor D. Do you know where your book publishing business is? *Publishing Research Quarterly*, 2005, vol. 20, pp. 14–22.
29. Kantabutra S., Avery G.C. The power of vision: Statements that resonate. *Journal of Business Strategy*, 2010, vol. 31, pp. 37–45.
30. Kernbach S., Eppler M.J., Bresciani S. The use of visualization in the communication of business strategies: An experimental evaluation. *International Journal of Business Communication*, 2015, vol. 52, pp. 164–187.
31. Kim E.-H., Lyon T.P. Greenwash vs. Brownwash: Exaggeration and undue modesty in corporate sustainability disclosure. *Organization Science*, 2015, vol. 26, pp. 705–723.
32. Konrad V. New Directions at the Post-Globalization Border. *Journal of Borderlands Studies*, 2021, vol. 36, pp. 713–726.
33. Levin M.P. The positive role of large corporations in US book publishing. *Logos*, 1996, vol. 7, pp. 127–137.
34. Magadán-Díaz M., Rivas-García J.I. What are the Driving Forces Behind Spanish Publishers? *Publishing Research Quarterly*, 2022, vol. 38, pp. 28–39.
35. Moffatt J. Understanding career pathways in agriculture: Theorising the farmhand career. *Australian Journal of Career Development*, 2016, vol. 25, pp. 129–138.
36. Mohamed T.I. Developing a product design educational program for the post-globalization's designers. *International Journal of Scientific and Technology Research*, 2019, vol. 8, pp. 1351–1355.
37. Nicoll D.C. Corporate Value Statements and Employee Communications. *Management Decision*, 1993, vol. 31, pp. 34–40.
38. Osborne R.L. Core value statements: The corporate compass. *Business Horizons*, 1991, vol. 34, pp. 28–34.
39. Pfeiffer S. The Greater Transformation: Digitalization and the Transformative Power of Distributive Forces in Digital Capitalism. *International Critical Thought*, 2021, vol. 11, pp. 535–552.
40. Pearce J.A., David F. Corporate Mission Statements: The Bottom Line. *Academy of Management Executive*, 1987, vol. 1, pp. 109–116.
41. Pitsaki I. Strategic brand management tools in publishing. *International Journal of the Book*, 2011, vol. 8, pp. 103–111.
42. Raghupathi V., Raghupathi W. Corporate sustainability reporting and disclosure on the web: An exploratory study. *Information Resources Management Journal*, 2019, vol. 32, pp. 1–27.
43. Rajandran K., Taib F. Disclosing compliant and responsible corporations: CSR performance in Malaysian CEO statements. *GEMA Online Journal of Language Studies*, 2014, vol. 14, pp. 143–157.
44. Ruban D.A., Yashalova N.N. Corporate Web Positioning as a Strategic Communication Tool in Agriculture. *Agriculture*, 2022, vol. 12, p. 1101.
45. Sapiro G. What factors favor the translation of humanities books?: The case of translations from English into French and from French into English in the era of globalization. *Palimpsestes*. 2020, vol. 33, pp. 19–42.
46. Steensen E.F. Five types of organizational strategy. *Scandinavian Journal of Management*, 2014, vol. 30, pp. 266–281.
47. Steiner A. The Global Book: Micropublishing, Conglomerate Production, and Digital Market Structures. *Publishing Research Quarterly*, 2018, vol. 34, pp. 118–132.

48. Tahara K., Shimizu H., Nakazawa K., Nakamura H., Yamagishi K. Life-cycle greenhouse gas emissions of e-books vs. paper books: A Japanese case study. *Journal of Cleaner Production*, 2018, vol. 189, pp. 59–66.
49. Tian X., Martin B. Business model sustainability in book publishing. *Publishing Research Quarterly*, 2012, vol. 28, pp. 100–115.
50. Wagner S., Bican P.M., Brem A. Critical success factors in the front end of innovation: Results from an empirical study. *International Journal of Innovation Management*, 2021, vol. 25, p. 2150046.
51. Rejtingi krupnejshih izdatel'stv Rossii [Ratings of the largest publishing houses in Russia]. [Electronic resource]. Available at: <https://infoselection.ru/infokatalog/literatura-knigi/literatura-obshchee/item/350-rejtingi-krupnejshikh-izdatelstv-rossii> (accessed: 12.11.2022).

Сведения об авторе:

Д.А. Рубан – кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры бизнеса в сфере гостеприимства, Высшая школа бизнеса, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Information about the author:

D.A. Ruban – Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Associate Professor of the Department of Hospitality Business, Graduate School of Business, South Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation.

<i>Статья поступила в редакцию</i>	<i>18.11.2022</i>	<i>The article was submitted</i>	<i>18.11.2022</i>
<i>Одобрена после рецензирования</i>	<i>15.12.2022</i>	<i>Approved after reviewing</i>	<i>15.12.2022</i>
<i>Принята к публикации</i>	<i>17.01.2023</i>	<i>Accepted for publication</i>	<i>17.01.2023</i>

ФИНАНСЫ, БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ И АНАЛИЗ

FINANCE, ACCOUNTING AND ANALYSIS

Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 76–90

Vestnik NSUEM. 2023. No. 1. P. 76–90

Научная статья

УДК. 336.114

DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-076-090

ЭВОЛЮЦИЯ ФИНАНСОВ КАК ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

Баликов Владимир Заурбекович

*Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»*

Balikoev1941@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается история развития финансов как экономической категории – от возникновения ее первичных форм в Древнем мире и до нашего времени. Развитие категории финансов тесно увязывается с экономическим развитием общества и этапами становления экономических учений. Анализируется вклад каждой экономической эпохи и некоторых экономистов в содержание финансов. Отмечаются в этом процессе особенности вклада Российской истории в целом, в том числе периода плановой экономики. В статье подчеркивается простая экономическая истина – деньги надо уметь собирать и деньги надо уметь тратить – государство имеет право собирать налоги в бюджет как свою экономическую основу, но оно же имеет обязанности перед своим населением потратить собранные средства на его же благо.

Ключевые слова: финансы, экономическая категория, налоги, неналоговые поступления, права и обязанности в финансовых отношениях, оптимум налогообложения, социальная политика

Для цитирования: Баликов В.З. Эволюция финансов как экономической категории // Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 76–90. DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-076-090.

Original article

THE EVOLUTION OF FINANCE AS AN ECONOMIC CATEGORY

Balikoev Vladimir Z.

Novosibirsk State University of Economics and Management

Balikoev1941@yandex.ru

Abstract. The article considers the history of the development of “finance” as an economic category – from the emergence of its primary forms in the Ancient World to our time. The development of the finance category is closely linked to the economic development

© Баликов В.З., 2023

of society and the stages of the formation of economic teachings. The contribution of each economic era and some economists to the content of finance is analyzed. In this process, the peculiarities of the contribution of Russian history as a whole and, among other things, the period of the planned economy are emphasized. The article emphasizes a simple economic truth – money must be able to collect and money must be able to spend – the state has the right to collect taxes in the budget as its economic basis, but it also has the obligation to its population to spend the collected funds for its own benefit.

Keywords: finance, economic category, taxes, non-tax revenues, rights and obligations in financial relations, optimum taxation, social policy

For citation: Balikoev V.Z. The evolution of finance as an economic category. *Vestnik NSUEM*. 2023; (1): 76–90. (In Russ.). DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-076-090.

После подробного анализа значительного массива экономической литературы по поставленной проблеме автором сформулировано максимально корректно, полно и обобщенно, что понимают современные экономисты под финансами как экономической категории. Это определенные экономические отношения, возникающие в процессе формирования, распределения, перераспределения и использования денежных средств, имеющих строго целевой характер – формирование экономической основы государства. В этом аспекте финансы становятся инструментом распределения и перераспределения национального дохода (НД) и наполняются новым экономическим содержанием, которое выражается в поддержании пропорций в процессе его движения, в общественном воспроизводстве. На это же направлено и государственное регулирование экономики (ГРЭ), государственная бюджетная политика и политика налогообложения. Иначе говоря, определенные пропорции в движении НД и ВВП поддерживаются в ходе государственного регулирования экономики между всеми участниками финансовой системы страны. Одновременно с ГРЭ и реализации финансовых отношений происходит контроль за формированием и расходованием денежных средств. Но, прежде всего, финансовые отношения являются производственными отношениями, так как их существо – это принудительное отчуждение собственности, притом неэквивалентное и невозвратное. С такой формулировкой содержания финансов и финансовых отношений можно спорить, не соглашаться, опровергать, уточнять, но оппоненты, скорее всего, будут не согласны с чем-то конкретным, будут предлагать и предлагают свои собственные соображения по тому или другому поводу и будут правы, настаивая на своем. Дело в том, что расхождения между авторами будут минимальными, они не будут существенно менять содержание сказанного выше. Вся дискуссия утонет в несущественных мелочах. Задача же работы заключается в том, чтобы показать исторически, посмотреть, как данная экономическая категория развивалась вместе с экономическим и социальным развитием человеческого общества и стала той, что есть она сегодня. Тогда все разногласия в среде экономистов в ее понимании сами собой отпадут и останутся лишь небольшие, но несущественные различия, которые будут следствием всего лишь анализа финансов и финансовых отношений в различных аспектах их реализации и в различных сферах национальной экономики.

Заглянем поглубже в историю – к самому началу зарождения финансов. Известно, что для появления денег объективно необходимыми были четыре исторические предпосылки в развитии человеческого общества. Это развитие и углубление общественного разделения труда, постепенный переход первобытных племен в рамках натурального хозяйства от простого продуктообмена к обмену товарами и производству товаров, имущественное обособление производителей товаров – собственников изготавливаемой продукции и возникновение первых государственных образований в Древнем мире. Все четыре предпосылки появления денег работали каждая в отдельности и в совокупности. Но нас в данном случае конкретно интересует четвертая предпосылка появления денег.

Надо оговорить здесь, что сам термин «финансы» в экономической науке и политике государства появляется лишь в XVII–XVIII в., но выражаемые им экономические отношения появились за 3–4 тыс. лет до н. э., одновременно с появлением именно первых государственных образований в Древнем мире. Документально можно подтвердить их наличие еще в конце четвертого тысячелетия до нашей эры в Древнем Лагаше – в Месопотамии и Древнем Египте. Дело в том, что для появления «государства» требуется твердая экономическая основа. Необходимо было содержать тех людей, которые представляют собой аппарат управления, служат в армии, охраняют границы и т.д. Люди, занятые на государственной службе в любом ее виде, сами уже не могли заниматься производством и обеспечивать себя средствами существования. Все им нужное в этом отношении должны были обеспечивать те люди, то население, которое они объединяют, обслуживают и защищают. Экономически объективно, стало быть, неотвратимо, возникают налоги – принудительные взносы материальных ценностей в казну государя и государства. Таким образом, экономической основой государства экономически объективно становятся налоги в любой их форме, поступление которых следует упорядочивать, определять, взимать и считать. Иначе говоря, неотвратимо возникают экономические отношения отчуждения части собственности граждан в пользу государства.

Естественно, первоначально налоги взимались в натуральной форме, но от этого их содержание как финансовых отношений не менялось. Хорошо известны фрески на стенах дворцов вавилонских и ассирийских царей, а также на дворцах в Древнем Египте, где изображены цари, восседающие на троне, а их верноподданные несут и складывают к их ногам животных, зерно, фрукты, вино и т.д. Все, что производилось в стране, служило налоговым платежом. Просто это была их исторически первоначальная форма. Однако с развитием товарно-денежных отношений наиболее удобной во всех смыслах формой взимания налогов стала денежная форма как более ликвидная и совершенная [1, с. 18].

Иначе говоря, финансовые отношения не меняют свой характер и свое содержание только из-за того, что они могут быть реализованы в натуральной форме или в других неденежных формах. Даже сегодня, например, выплата заработной платы продукцией завода, где работник трудится, выплата дивидендов в акционерной компании акциями, векселями и т.д. Здесь не важна форма реализации финансовых отношений, а важно сохранение их

экономического содержания. И в этом процессе для понимания сущности финансов огромное значение имеет понимание их роли в общественном воспроизводстве, а также экономический строй общества, природа и функции государства.

Из вышеизложенного очевидно, что финансовые отношения в первую очередь возникают между государством и населением. Углубимся чуть-чуть в историю финансовых отношений, например, Киевской Руси. В аспекте рассматриваемой проблемы представляет большой интерес такая древнерусская форма реализации финансовых отношений между государством и населением, как «полюдье». Полюдье – это ежегодный объезд князя со своей дружиной подвластных ему территорий и сбора дани за год. Таким образом, экономическая и финансовая функция «полюдья» состояла в том, что, обходя племена и общины, князь кормился сам и кормил дружину. Тут очень интересная лингвистическая особенность слова «кормился – кормление». Практически всегда слово «кормление» понимают в его прямом и первоначальном смысле – кормиться. Но князь, обходя свои земли, не только действительно кормился в чисто продовольственном значении и запасался кормом на целый год, собирая подати, но и «кормил» людей в чисто правовом отношении. «Кормил» здесь имеет смысл «кормчего» (кормчий), т.е. управляющий, управленец. Он ведь не только взимал налоги и подати, но и чинил суд, примирял враждующие роды и племена, устанавливал правила их взаимоотношений, защищал обиженных и наказывал тиранов, отражал набеги врагов и укреплял границы своих владений. Стало быть, князь не только отчуждал часть собственности своих подданных, но и реализовывал по их отношению и свои обязанности – быть верховным судьей, чинить справедливость, быть защитником и т.д. Выступал как верховный управляющий. Однако «полюдье» (натуральные налоги) в Древней Руси выступало, как и везде натуральные налоги, в качестве переходной формы финансовых отношений. Сначала возникновения первых племенных союзов древних славян подати платили натурой: скотом, мехами, медом, воском. С появлением государственных образований в Киевской Руси стали платить князю и натурой, и деньгами – серебряными гривнами определенного веса, т.е. деньгами.

Количество сбора дани первоначально не имело определенности, подношения отдавали добровольно-принудительно, как признание власти князя. Но попытка князя Игоря в 945 г. повторно собрать дань со своих подданных закончилась трагедией. Возле древнерусского города Искоростень его дружина была разгромлена возмущенным народом, сам князь убит, там же похоронен. «Там же похоронен» на Руси означало позорную смерть. Дело в том, что никем тогда размер, место и время сбора дани никак не определялись. Все это зависело от воли и прихоти князя.

Позже, после гибели мужа, княгиня Ольга жестоко отомстила за его смерть, но... последовали совершенно экономически содержательные решения, носящие исключительно правовой характер. Ведь до этого случая размеры дани, место и время сбора не определялись заранее, а зависели от случая, что приводило к недовольству населения. В 946 г. княгиня Ольга была вынуждена установить «уроки», т.е. фиксированные размеры дани,

а также время и место ее сбора («погосты»). Единицей обложения были «дым» (двор или семья). Территория Киевской Руси была поделена на провинции. Каждую административную единицу стало возглавлять придворное лицо, именуемое тиуном. Такими реформами княгине Ольге удалось предотвратить раскол государства на отдельные княжества [5].

Реформы княгини Ольги имели революционное значение в развитии финансов на Руси, хотя для этого понадобилась основательная военная встряска самой Руси, приведшая к трагической гибели князя Игоря. Впервые были в правовой форме определены не только размеры податей и права князей (государства), но и их обязанности по отношению к подданным. Иначе говоря, данное событие обозначило не только такую функцию финансов, как аккумулирующую, что было всегда, но и возвестило функцию распределительную. Можно сказать, был заложен первый ген социальной политики государства. На Руси впервые были обозначены законодательно права и обязанности государства в финансовой сфере.

При Владимире Мономахе «полюдье» окончательно перешло на денежную форму, хотя, по желанию князя, могли собрать его и в натуральной форме. На Руси возникла полноценная налоговая система, реализующая финансовые отношения между государством и населением в денежной форме, наполняя категорию «финансы» новым содержанием.

В той или иной форме развитие категории «финансы» проходило одинаково во всех странах. Естественно, со своими национальными особенностями, где-то раньше, где-то позже, но, в принципе, одинаково. И это исторически и экономически закономерно, так как тогда не существовало никакого теоретического обоснования возникновения стройной и логичной налоговой системы. Такая основа возникла с появлением первого целостного экономического учения – меркантилизма.

Весьма интересен и необычен вклад меркантилистов в теорию финансов. Тогда еще не было такого понятия, но идеи, которые они разрабатывали, относились именно к финансам. Они впервые в экономической истории сформулировали учение о платежном балансе страны, о доходной и расходной его частях и показали, что этот баланс должен быть активным. А для этого они вывели весьма живучий и объективный экономический принцип – готовые товары надо продавать подороже, а покупать их подешевле. Принципиально важно, чтобы страна экспортировала готовую продукцию, а покупала дешевые сырье и материалы. А их идея о том, что заработная плата должна быть на невысоком уровне с целью повышения прибылей торговцев и производителей напрямую относится к регулированию финансовых отношений. Не говоря уже о том, что они сформулировали главное условие финансовых отношений – выигрыш одного субъекта рынка непременно означает проигрыш другого, вплотную подойдя к формулировке понятия «финансовый инструмент».

До меркантилистов государственная казна и казна монарха не отличались друг от друга. Это давало монарху свободно и по своему усмотрению распоряжаться средствами государственного бюджета. Учение же меркантилистов о платежном балансе страны заложило мину замедленного действия под такое бюджетное устройство. При учреждении в Англии в 1696 г.

Первого Английского банка в качестве Центрального вопрос разделения средств монарха от государственных встал ребром, и вскоре это произошло во всех странах Европы. Финансы и финансовые отношения встали на твердую законодательную основу и обрели определенность и конкретность. Так были заложены экономические основы появления науки камералистики.

Известный российский меркантилист И.Т. Посошков, сподвижник Петра Великого внес достойный вклад в развитие теории меркантилизма именно в части категории финансов. Особенно это касается сельскохозяйственного производства. Он ратовал за четкое законодательное отделение помещичьей и крестьянской земельной собственности, на этой основе нормативно определять размеры крестьянских повинностей, барщины и оброка, чтобы не было произвола помещиков и они не устанавливали бы их по своей воле. Нормативы всех крестьянских повинностей должны быть четко увязаны с размерами крестьянских наделов.

Физиократы внесли выдающийся вклад в развитие категории финансов. Особенно это видно в трудах французского физиократа Ф. Кенэ, который впервые показал в своей работе «Экономические таблицы» (1757 г.) распределение новой стоимости между классами в движении. Да и само понятие классов впервые сформулировал именно он. Ф. Кенэ показал на конкретном количественном примере воспроизводственную функцию финансов – обеспечивать непрерывные, постоянно повторяющиеся экономические процессы. Внес огромный вклад в теорию налогов, подведя под нее классовую основу.

В результате определенного синтеза меркантилизма и частично учения физиократов возникла и развивалась наука под названием «Камералистика», которая развивала только один аспект меркантилизма – исследование способов и методов пополнения государственного бюджета, говоря современным языком. Термин «камералистика» возник в Германии в XVIII в. Данная наука изучала способы извлечения максимальных доходов в пользу казны и, что очень интересно, в соответствии с содержанием этой теории в университетах Германии готовили специалистов в области государственной службы, а именно в области государственных финансов. Позднее стали готовить чиновников для управления и другими отраслями, особенно государственным имуществом. Первые кафедры камералистики были открыты в 1727 г. Камералистика была полноценной наукой, так как она не только исследовала пути и способы пополнения казны, но и развивала, и прививала будущим государственным чиновникам ответственность за улучшение экономического и нравственного состояния граждан.

Камералистика как наука тесно связана с именами И.Г. фон Юсти и Й. фон Зонненфельса. Ими «была построена общая система финансовой науки, – считает В.П. Шпалтаков, – где излагались ее основные положения, впервые разграничивались финансовая наука и финансовая политика. Рассмотрены были не только условия пополнения казны, но и правила государственных расходов: они должны соотноситься с доходами и всем имуществом, а также приносить обоюдное благо для государя и его подданных» [4, с. 7]. И с его мнением необходимо согласиться. С чем нельзя

согласиться, так это с тем, что, якобы, к концу XIX в. камералистика прекратила свое существование как самостоятельная наука. Да, действительно, в университетах Европы и России ее перестали преподавать. И само название науки исчезло. Но те проблемы, которые были ее предметом, стали делом менеджмента, государственного регулирования экономики, бюджетной политики и т.д. Я с полной уверенностью могу утверждать, что сегодняшние вузы типа РАНХиГС являются материальным воплощением и развитием камералистики на практике.

Особое место в развитии финансов как экономической категории принадлежит А. Смиту, великому шотландскому экономисту, создавшему детально проработанную теорию налогообложения и другие аспекты теории финансов – распределение доходов: заработной платы, прибыли, земельной ренты, процента.

Аксиомой стали четыре принципа налогообложения, выработанные А. Смитом. Эти принципы были простыми, ясными, недвусмысленными и понятными.

Принцип равенства и справедливости. Подданные государства должны участвовать в содержании правительства соответственно их доходу, каким они пользуются под покровительством и защитой государства. Соблюдение этого положения или пренебрежение им приводит к так называемому равенству или неравенству обложения.

Принцип определенности. Налог, который обязывается уплачивать каждое отдельное лицо, должен быть точно определен, а не произволен. Срок уплаты, способ платежа, сумма платежа – все это должно быть ясно и определено для плательщика и для всякого другого лица.

Принцип удобства. Каждый налог должен взиматься в то время и тем способом, когда и как плательщику должно быть удобнее всего платить его. Устранить по максимуму формальности и упростить саму процедуру уплаты налогов.

Принцип экономности и эффективности. Государство должно стремиться к максимальному сбору налогов при минимальных издержках на их сбор. Каждый налог должен быть так задуман и разработан, чтобы он брал и удерживал из карманов народа возможно меньше сверх того, что он приносит казначейству государства [3, с. 588].

Сущность налога как финансового отношения характеризуется прежде всего тем, что он взимается с новой, только в этом году произведенной стоимости: прибыли, заработной платы и земельной ренты. Именно поэтому, например, с вложенного в банк вклада налог не взимается, а с процентов, набравших за год на него, взимается. Именно такая система налогообложения считается справедливой. Она должна защищать права собственности.

Собранные денежные средства или налоговые поступления расходуются исключительно на общенациональные нужды. И именно поэтому налоговая система и ее исполнение должны быть транспарентными. Если налогоплательщик в этом убежден, он не пытается скрыть свои доходы от налогообложения, а платит их как законопослушный гражданин своей страны.

Итак, налоги платить необходимо. Ведь они представляют собой «взносы граждан, необходимые для содержания... публичной власти» (К. Маркс).

Следовательно, размер налогового бремени определяется суммой расходов государства на исполнение минимума его функций: управление, оборона, суд, охрана порядка и т.д. Очевидно, чем больше функций выполняет государство, тем больше налогов нужно ему собирать. Таким образом, налоги выражают обязанность всех юридических и физических лиц, получающих доходы, участвовать в формировании финансовых ресурсов государства.

Д. Рикардо, строго придерживаясь своей теории производительного и непроизводительного труда, государственные услуги относит к непроизводительному труду. Стало быть, налоги – это отчуждение государством части произведенного продукта капиталистами, рабочими и фермерами, а точнее, прибыли, заработной платы и земельной ренты. Это негативная сторона налогообложения: производители финансово содержат тех, кто занят непроизводительным трудом.

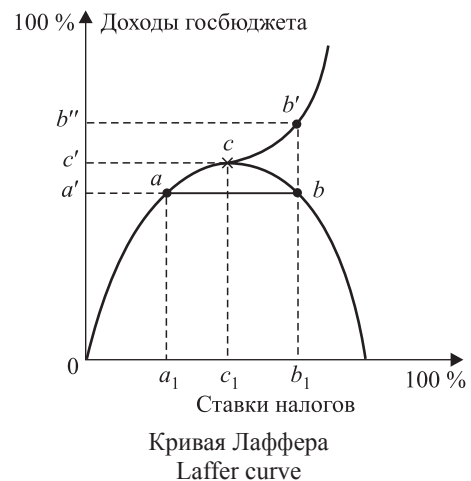
Особое место в развитии теории финансов в аспекте налогообложения принадлежит А. Лафферу, разработавшему простой и понятный критерий определения оптимального размера налогообложения – кривая Лаффера. Она отражает зависимость доходов госбюджета от налоговых поступлений (см. интерпретацию кривой автором данной работы на рисунке).

На оси ординат откладываем доходы госбюджета, на оси абсцисс – налоги. Хорошо видно, что при определенном высоком уровне налогов предприниматели лишаются возможности эффективного накопления, расширения производства, а следовательно, и стимула делать это. Производство сокращается, сокращаются прибыли, вслед за этим сокращается база налогообложения и доходы госбюджета уменьшаются.

Если же налоговые ставки сократить, то произойдет уменьшение доходов госбюджета только в кратковременном периоде. Но через год-два из-за расширения базы налогообложения, при тех же налоговых ставках, доходы госбюджета быстро возрастают, а главное, они будут гарантированными и прогнозируемыми. В точке c доходы государства максимальны.

На графике она соответствует ставке налога примерно в 45 %. А вот в точках a и b доходы госбюджета будут одинаковыми. В точке b ставка налога соответствует примерно 60 %, но в силу названных выше причин доходы государства соответствуют точке a , где ставка налога примерно 35 %.

По замыслу налогового управления, при ставке налога b_1 доходы государства должны соответствовать уровню доходов $b' - b$, на самом же деле доходы находятся на уровне a' . Отрезок $a' - b$ на оси ординат характеризует потери государства от недополучения налогов, которым соответствует сокращение производства с точки b_1 до точки a_1 , на оси абсцисс – потери производителей и потребителей. Таким образом, А. Лаффер не только выявил связи между ставками налогов, доходами бюджета и налоговой базой – об этом писали и

раньше, но и определил чисто математически, что существует некий критический уровень налогообложения, за который заходить никак нельзя, так как оно станет препятствием для экономического роста.

Налоговая система должна быть законодательно безупречной и основательно проработана таким образом, чтобы стимулировать процесс перехода страны к рынку, а не тормозить этот переход [2, с. 412].

Трудно переоценить вклад в развитие теории финансов великого английского экономиста Дж.М. Кейнса, который поднял науку о финансах на новую ступень. Обычно, характеризуя кейнсианство, экономисты совершенно справедливо подчеркивают его зерно, суть, центральную идею – государственное регулирование рыночной экономики. Однако это обобщенно. В действительности же данная обобщенная идея выражается в следующем финансовом постулате – основным инструментом государственного регулирования экономики является его бюджетная политика, направленная на рост эффективного спроса. Дж. Кейнс объясняет, как импульсы от изменения эффективного спроса распространяются в экономике: при данной склонности к потреблению уровень совокупного дохода определяется размерами инвестиций; при заданной предельной эффективности капитала (ожидаемая доходность новых капитальных благ, соотнесенная с их рыночной ценой) объем инвестиций определен процентной ставкой; при заданном предпочтении ликвидности норма процента определена уровнем совокупного дохода и количеством денег. Главная особенность теории денег Кейнса – это обоснование предпочтения ликвидности, центральным моментом которого является представление о деньгах не только как о средстве обращения, но и как о запасе богатства, а в условиях неопределенности – средстве защиты от экономической несостоятельности. Это заставляет в условиях кризиса увеличивать объем сбережений. От предпочтения ликвидности не отвлекает даже возможность получения более высоких доходов при большей процентной ставке. В этот момент процент перестает влиять на кассовые остатки. Предпочтение ликвидности становится абсолютным. В экономике возникает «ликвидная ловушка». В свете рассматриваемой проблемы кейнсианство утверждает, что:

1) предпочтение ликвидности может держать процентные ставки на слишком высоком уровне;

2) в условиях неопределенности наиболее разумная политика в области заработной платы состоит в поддержании устойчивого общего уровня денежной заработной платы;

3) воздействие на процентную ставку государство может и должно оказывать через прямые государственные инвестиции, которые выступают как средство стабильности на рынке капиталов. Не представляет большого труда, чтобы понять – главная финансовая идея этих рассуждений Кейнса заключается в том, что высокий процент ведет к торможению процесса накопления. Экономика, по словам Кейнса, оказывается в ловушке, которую сама же себе и поставила. Именно в такую ловушку угодила российская экономика за 2014–2016 гг. Необходимо обратить внимание, что за указанные три года кризиса российские банки и корпорации увеличили свои прибыли на 75 %, а инвестиции в производство сократились на 40 %. Парадокс! При росте прибылей наблюдается отрицательное накопление. Как видно из

сказанного, Кейнс из примерно такой же экономической ситуации, как сегодня в России, делает совершенно противоположный вывод – необходимо снижение нормы процента и решительное государственное вмешательство в экономику. Все послевоенное (1945 г.) экономическое развитие мира свидетельствует об активном внедрении кейнсианских методов регулирования финансово-кредитного механизма рыночной экономики. Удивительно то, что и в 2008 г., и в 2014 г. все страны строго следовали Кейнсу, кроме России. Даже в условиях проведения специальной военной операции на Украине. Если в июле 2020 г. ключевая ставка ЦБ была на уровне 4,25 %, в июле 2021 г. – 6,50, в феврале 2022 г. – 9,50, то сразу после 24 февраля того же года она взлетела до 20 %. Вопреки рецептам кейнсианства. Однако Правительство РФ все-таки кое-что усвоило из уроков этого учения и медленно, но верно под его давлением ЦБ ключевую ставку снижает: в апреле 2022 г. – 17,0 %, май – 14, июнь – 11, июль – 8,0 и наконец она застыла на отметке 7,50 % до настоящего времени [6].

Какие же уроки в области финансов преподнес нам Кейнс? Раз современная рыночная экономика не может динамично развиваться без государственного регулирования экономики, государство просто обязано проводить свою финансовую политику в этом направлении в следующих аспектах:

- через налоговую политику. При помощи налогов возможно не только перемещение сбережений населения в инвестиции, но и повышение занятости населения, стимулировать потребления, а следовательно, ускорить экономический рост;

- активное использование бюджетной политики, особенно в тех отраслях национальной экономики, куда неохотно идет частный капитал. Кроме того, через развитие партнерства между частным и государственным капиталом стремиться к полной занятости, а значит, к экономическому росту;

- через проведение политики дешевых денег, поддержание низкой нормы процента в кредитной сфере и всячески поддерживать и развивать деятельность фондового рынка.

Таким образом, Дж.М. Кейнс обосновал регулируемую роль государства в формировании и развитии современных финансовых отношений и финансовой политики.

Как известно, экономической и социальной сущностью финансов является формирование твердой экономической основы государства. Это их целевая функция. Их квинтэссенция. В связи с этим возникает очень интересная проблема с так называемыми «неналоговыми доходами» государственного бюджета. Ведь они тоже его формируют и в немалой степени. Но, к сожалению, наша статистика не дает информацию по статье «неналоговые доходы». Хотя в статистике есть такая графа. А ведь очень интересно, какую долю они занимают в доходах государственного бюджета. На примере информации Росстата об исполнении государственного бюджета РФ за 2021 г. удалось приблизительно подсчитать постатейно – они составили более 3500 млрд руб. Это примерно 15 % от всех поступлений. Но здесь возникли две проблемы в используемой статистической информации. Например, таможенные пошлины там не входят в перечень неналоговых поступлений, а многие статьи неналоговых поступлений скрыты

в «прочих доходах». Поэтому информация о них весьма приблизительная. Почему же эта информация вызывает такой интерес?

Дело в том, что возникает очень существенный вопрос – можно ли отнести статьи неналоговых доходов к финансам? Возникают ли по их поводу финансовые отношения, если в качестве критерия определения финансов взять те специфические особенности, которые отличают финансы от денег?

Например, что из себя экономически представляет пошлина? Это принудительный и обязательный платеж субъекта рынка государству за то, что оно оказало ему какие-то услуги и, тем самым, облегчило или помогло в предпринимательской деятельности. Иначе говоря, пошлина собирается не со всех субъектов рынка, а только с тех, кто нуждается в помощи государства, и кто вступает с соответствующими органами власти в партнерские отношения по поводу получения определенных услуг. Таким образом, пошлина выражает равноправные взаимные партнерские отношения, характеризующиеся эквивалентностью отношений. Налоги же не только принудительны, но и неэквивалентны, односторонни и всеобщи. Пошлина же платится только за оказанные услуги.

Сбор – это обязательный взнос, целенаправленный платеж, адресность которого уже указывается в его названии. Сбор также вносится в государственные или муниципальные органы власти за оказание ими определенных услуг: лицензий на охоту, за предоставление права на торговлю и т.д. Отношения, возникающие при сборах, тоже являются эквивалентными и добровольными. Вы (государственные органы власти любого уровня) мне оказываете определенные услуги, а я Вам за это плачу определенную сумму денег. Отличия сборов от налогов те же, что и у пошлин. Определенно и пошлины, и сборы непосредственно идут в бюджеты разных уровней и формируют их доходную часть, но по своему экономическому содержанию не являются налогами. Отличать налоги от неналоговых сборов чрезвычайно важно, так как они являются важнейшим элементом организации государственного бюджета, его структуры и характеризуют его целевую направленность.

Таким образом, экономические отношения, возникающие по поводу взимания пошлин и сборов, имеют двойственный характер. Во-первых, поскольку эти сборы напрямую поступают в государственную казну и принимают весьма активное участие в ее формировании, они создают прямую экономическую основу государства. Стало быть, они выражают финансовые отношения и, естественно, являются финансами. Во-вторых, плательщики пошлин и сборов за это получают эквивалентные по значимости государственные услуги, и, следовательно, эти платежи добровольные, а не принудительные, они не связаны с отчуждением части собственности, являются равноправными. Стало быть, они выражают простые отношения обмена и по своей внутренней природе денежные, но не финансовые.

Аналогичная проблема возникает с природой финансовых отношений в эпоху социализма. Развитие финансовой системы в эпоху плановой экономики осуществлялось в значительной части через развитие налогообложения. Поскольку любые аналогии с экономикой царской России, оцениваемой политически как деспотическая, были исключены, молодая советская власть сначала отменила все привычные налоги и объявила о политике «военного коммунизма», превратившей финансовую систему России во

всеобщее отчуждение, в настоящий грабеж крестьянства. Однако вскоре большевики поняли свой стратегический финансовый промах и в 1921 г. круто изменили налоговую политику введя продналог и новую экономическую политику – НЭП. Трудно переоценить положительные стороны данного решения, особенно в отношении продналога. Достаточно сказать, что за 4–5 лет после его введения в экономике страны обозначился стремительный экономический рост.

Ни одна страна не может развиваться без своей экономической основы – бюджета, формируемого через сбор налогов. Налоговая система Советской России развивалась вместе с развитием страны и часто менялась в зависимости от проводимой властями политики. В Советском Союзе появилась уникальная налоговая система в основном негативного порядка. Вводились налоги, не виданные ранее ни в одной стране, которые то вводились, то отменялись. Однако постоянными в течение существования плановой системы были следующие – тоже уникальные в своем роде. Например, на бездетность и малосемейность, налог с оборота, сельхозналог, на скот, подоходный, на тунеядство, транспортный, на землю.

Особенно поражали своей неординарностью налоги на сельское население. Например, владельцы приусадебных участков платили налоги на животных – на крупный рогатый скот. Стали платить налоги на любую живность: овец, коз, собак, птиц. Более того, сельское население платило налоги на посадки – фруктовые деревья, ягодники.

После Великой Отечественной войны были возрождены, в своем роде феодальные, натуральные налоги на сельское население: яйцами, шерстью, маслом, мясом. Если крестьянин не держал скотину, он обязан был уплатить денежный их эквивалент. Учитывая же тот факт, что до 1966 г. труд колхозника не оплачивался деньгами – деньги были большой редкостью на селе – можно представить себе, с какими трудностями сталкивалось сельское население в уплате налогов.

В принципе, основным налогоплательщиком в СССР были крестьяне, так как рабочие платили только налог на доход. А неработающие граждане – те самые экзотические налоги: на тунеядство, на бездетность и т.д. Но эти налоги были временными, а налоги на крестьян постоянными. Недаром и серьезные советские исследователи, и особенно западные историки пришли к выводу, что СССР в Великой Отечественной войне победил в чисто экономическом аспекте благодаря колхозному строю и конкретно – колхознику.

Удивителен и экономически абсурден был налог на тунеядство. Поражает список тунеядцев. Это фарцовщики, работающие на дому белошвейки, незамужние бездетные женщины, архитекторы, поэты и писатели, не являющиеся членами Союза писателей, актеры, не работающие в театрах и т.д.

Советская налоговая система предполагала, что 96 % отчислений шли в госбюджет. Оставшиеся 4 % перераспределялись в ПФ, на зарплаты и монетизацию производства. Каждый, кто не вносил свою долю в эти 96 % поступлений, признавался «паразитом». Это, конечно, политическая экзотика, но возникает очень интересный вопрос – были ли все вышеперечисленные налоги по своему экономическому и финансовому содержанию, действительно, налогами? Тем более финансами. Главным критерием и финансов, и собственно налогов является отчуждение созданной производителями

новой стоимости. А как оценить налог, взимаемый государством с доходов государственных предприятий? Платежи государственных предприятий не отвечают критериям определения налогов. Ведь финансовые отношения в процессе уплаты налогов должны выражать отчуждение собственности от одного субъекта рынка к другому. От одного собственника убывает, а другому – прибывает. Экономически такого явления нет – собственник то один, но есть организационно. По существу, «налоговые платежи» при социализме были элементарным распределением произведенного нового продукта, его стоимости. С этой точки зрения налогами, выражающими финансовые отношения, могли быть только те налоговые платежи, которые выплачивались колхозами и самим сельским населением, ибо колхозы относились к коллективной, кооперативной собственности. Тоже общественная собственность, но на более низкой ее ступени обобществления. О финансовом и налоговом содержании выплат сельского населения за содержание крупного рогатого скота, за фруктовые посадки, за мелкую птицу и т.д. не приходится сомневаться. Там, действительно, шло принудительное, безвозмездное, неэквивалентное отчуждение части ими созданной стоимости. Стало быть, «налоговые платежи» государственных предприятий и совхозов на селе, хоть и формировали около 80 % государственного бюджета, но не выражали никаких финансовых отношений. Следовательно, происходило, как отмечено выше, простое перераспределение созданной стоимости между субъектами общественного производства.

Об этом же говорит и другой важнейший аспект развития финансовых отношений – кредит. Кредитование предприятий было широко развито при социализме. Но в плановой экономике постоянно нарушалось действие одного из важнейших принципов кредитования – его возвратность. Именно принцип возвратности наиболее четко формирует и подчеркивает финансовый характер кредитования, ибо в нем фиксируются отношения собственности на созданную новую стоимость и отчуждение ее части в виде процента за кредит (платность). Но при социализме широко практиковалось «прощение кредитных долгов». Суммы этого «прощения...» или списывания долгов поражали. Они доходили до 50 % объемов государственного бюджета. Нетрудно убедиться в том, что такое списывание долгов поощряло предприятия брать кредиты, а потом не возвращать их. Такие финансовые отношения иначе, чем ущербными или квазифинансовыми назвать нельзя. Здесь наблюдаем еще один случай перераспределения общественных денежных средств, притом самое неэффективное экономически. Практика, ставшая одной из самых весомых причин последовавшего краха плановой экономики.

Совсем другая экономическая и финансовая картина вырисовывается в расходной части государственного бюджета страны при плановой экономике. Не будем забывать, что формирование госбюджета – это реализация прав государства на сбор налоговых и неналоговых платежей, чтобы сформировать экономическую основу государства. В этом аспекте можно посмотреть, какие платежи взимали с населения страны власти. Здесь они проявили чудеса изобретательства.

Расходная же часть госбюджета характеризует реализацию на практике обязанностей государства перед своим населением. В этом смысле бюджет

страны при плановой экономике, как нигде и никогда, полностью выражали финансовые отношения. Настолько полно и глубоко, что их можно считать эталоном реализации финансовых отношений вообще, ибо во всем мире не было страны, где бы так полно и всеохватно были защищены и гарантированы социальные и экономические запросы граждан стран – на образование, здравоохранение, физическую культуру и спорт, науку и т.д. Таким образом, государственный бюджет плановой экономики как выражение, квинтэссенция финансовой системы страны имел глубокое внутреннее противоречие – в доходной его части финансовые отношения не отвечали требованиям, критериям отнесения их к финансовым. Они были уродливыми, однобокими. В них присутствовала огромная доля волюнтаризма, отсебятины, политического расчета, величина и разнообразие которых зависели от личности первого лица страны. Этот феномен можно назвать «эффектом князя Игоря».

В итоге констатируем, что так называемая финансовая система плановой экономики была неэффективной в доходной своей части и зашла в тупик при переходе к более высоким ступеням научно-технического прогресса. Она стала тупиковым ответвлением исторического развития финансов и показала, что в этом направлении финансовые отношения затухают. В работе констатируется тот факт, что отрицательный результат, как утверждают математики, тоже результат.

Зато расходная часть госбюджета не только была наполнена финансовым содержанием, но и значительно развивала его, внося в нее все новые и новые обязательства государства перед своим населением, с которого оно так изобретательно собирало налоги: бесплатное образование, здравоохранение, декретные отпуска женщинам при рождении ребенка, затем трехлетний оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком и т.д. Многие из этих статей расходов госбюджета впоследствии были внедрены и в других странах, сохранились и в современной России в определенной степени, так что плановая экономика внесла существенный вклад в развитие категории финансов и наполнения ее новым содержанием.

Исторически и экономически финансы формировались как экономическая категория, наполняясь новым содержанием в каждую историческую эпоху:

- переход от чисто натуральных форм реализации финансовых отношений и исполнения «государственного бюджета» к денежным платежам в начале третьего тысячелетия до нашей эры. Реализация прав монарха на отчуждение части собственности граждан в пользу своей и государственной казны. Формирование собственно финансовых отношений;

- возникновение финансовых обязанностей монарха и государства по отношению к своим гражданам в средние века, например, в Киевской Руси в X в. Наполнение финансовых отношений социальной политикой;

- отделение государственного бюджета страны от казны монарха и становление финансовых отношений современного типа на твердую теоретическую основу в начале XVIII в.;

- эволюция финансов и финансовых отношений в сторону их социализации – современный период.

Список источников

1. *Баликоев В.З., Протас Н.Г.* История и методология науки о деньгах, кредите и банках. Новосибирск: НГУЭУ, 2020. 215 с.
2. *Баликоев В.З.* Общая экономическая теория. Учебник. М.: Инфра-М, 2015. 528 с.
3. *Смит А.* Исследования о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. 684 с.
4. *Шпалтаков В.П.* Финансовая политика в России // *Инновационная экономика и общество*. 2022. № 1. С. 5–19.
5. История налогообложения в России. [Электронный ресурс]. URL: [https://studref.com/695635/ekonomika/istoriya_nalogooblozheniya_rossii#137858:~:text=\(data%20obrazsheniya%3A%2004.02.2023\).](https://studref.com/695635/ekonomika/istoriya_nalogooblozheniya_rossii#137858:~:text=(data%20obrazsheniya%3A%2004.02.2023).)
6. Ключевая ставка Банка России. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (дата обращения: 12.02.2023).

References

1. Balikoev V.Z., Protas N.G. Istorija i metodologija nauki o den'gah, kredite i bankah [History and methodology of the science of money, credit and banks]. Novosibirsk: NGUJeU, 2020. 215 p.
2. Balikoev V.Z. Obshhaja jekonomicheskaja teorija [General economic theory]. Ucheb-nik. Moscow, Infra-M, 2015. 528 p.
3. Smit A. Issledovanija o prirode i prichinah bogatstva narodov [Research on the nature and causes of the wealth of nations]. Moscow, Socjkgiz, 1962. 684 p.
4. Shpaltakov V.P. Finansovaja politika v Rossii [Financial policy in Russia], *Innovacionnaja jekonomika i obshhestvo* [Innovative economy and society], 2022, no. 1, pp. 5–19.
5. Istorija nalogooblozhenija v Rossii [History of taxation in Russia]. [Electronic resource]. Available at: [https://studref.com/695635/ekonomika/istoriya_nalogooblozheniya_rossii#137858:~:text=\(accessed: 04.02.2023\).](https://studref.com/695635/ekonomika/istoriya_nalogooblozheniya_rossii#137858:~:text=(accessed: 04.02.2023).)
6. Ključevaja stavka Banka Rossii [Key rate of the Bank of Russia]. [Electronic resource]. Available at: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (accessed: 12.02.2023).

Сведения об авторе:

В.З. Баликоев – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансового рынка и финансовых институтов, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Российская Федерация.

Information about the author:

V.Z. Balikoev – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Financial Market and Financial Institutions, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation.

<i>Статья поступила в редакцию</i>	<i>16.01.2023</i>	<i>The article was submitted</i>	<i>16.01.2023</i>
<i>Одобрена после рецензирования</i>	<i>10.02.2023</i>	<i>Approved after reviewing</i>	<i>10.02.2023</i>
<i>Принята к публикации</i>	<i>16.02.2023</i>	<i>Accepted for publication</i>	<i>16.02.2023</i>

Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 91–98
Vestnik NSUEM. 2023. No. 1. P. 91–98

Научная статья
УДК 336.64
DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-091-098

ПРИНЦИПЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МУЛЬТИГОЛОСУЮЩИХ АКЦИЙ В КОРПОРАТИВНОМ КОНТРОЛЕ

Восканян Роза Оганесовна

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
rovoskanian@fa.ru

Аннотация. В работе раскрываются мотивы использования мультиголосующих акций как инструмента формирования собственного капитала быстрорастущей организации. Внедрение мультиголосующих акций оказывает существенное влияние на систему корпоративного контроля организации, процесс принятия стратегических решений. Вместе с тем позволяет организации решить проблему с финансированием организации на раннем этапе развития ввиду ограниченных внутренних ресурсов и ограниченного доступа к заемным средствам. В рамках настоящей статьи автором сформулированы принципы осуществления корпоративного контроля посредством мультиголосующих акций, учитывающие специфику стратегического управления быстрорастущей организации. Данные принципы могут применяться организациями любых секторов экономики в момент учреждения юридического лица с использованием мультиголосующих акций. Применение данных принципов позволит повысить инвестиционную привлекательность быстрорастущей организации за счет предсказуемости системы корпоративного контроля, направленной на формирование благоприятных условий обеспечения инвесторов приростом капитала.

Ключевые слова: агентская проблема, высокотехнологичная компания, мажоритарий, миноритарий, собственный капитал, суперголосующая акция

Финансирование. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Для цитирования: Восканян Р.О. Принципы использования мультиголосующих акций в корпоративном контроле // Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 91–98. DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-091-098.

Original article

PRINCIPLES OF USING MULTI-VOTING SHARES IN CORPORATE CONTROL

Voskanian Roza O.

Financial University under the Government of the Russian Federation
rovoskanian@fa.ru

Abstract. The paper explores the motives for using multi-voting shares as a tool for forming equity of a fast-growing organization. The implementation of multi-voting shares has a significant impact on the corporate control system, the strategic decisions-making.

© Восканян Р.О., 2023

At the same time, it allows to solve the problem of financing a young organization due to limited internal resources and limited access to borrowed funds. The author has formulated the principles of corporate control through multi-voting shares, taking into account the specifics of strategic management of a fast-growing organization. These principles can be applied by organizations of any sectors of the economy at the time of the establishment of a legal entity using multi-voting shares. The application of these principles can increase the investment attractiveness of a fast-growing organization due to the predictability of the corporate control system aimed at creating favorable conditions for providing investors with capital gains.

Keywords: agency relations, high-tech company, majority owner, minority owner, equity, super-voting shares

Financing. The research was carried out within the state assignment of the Financial University at the expense of budgetary funds.

For citation: Voskanian R.O. Principles of using multi-voting shares in corporate control. *Vestnik NSUEM*. 2023; (1): 91–98. (In Russ.). DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-091-098.

Введение

Мультиголосующие акции представляют собой распространенный инструмент финансирования деятельности компании в зарубежных странах, однако ввиду отсутствия в Российской Федерации нормативно-правовой базы, регулирующей обращение мультиголосующих акций, данный финансовый инструмент не получил должного внимания со стороны российских ученых.

Работы Д.Р. Арнаутова посвящены правовым вопросам и потенциальным возможностям использования мультиголосующих акций [1, 2] в Российской Федерации, однако не исследуют экономическую сущность и области функционирования мультиголосующих акций. На наш взгляд, важной областью функционирования мультиголосующих акций является корпоративный контроль.

Система корпоративного контроля коммерческой организации (далее – организации) обуславливается структурой формирования собственного капитала и оказывает влияние на стратегическое развитие организации. Данное суждение подтверждается опытом Китая, в котором на законодательном уровне утверждены ограничения по привлечению иностранных инвесторов для формирования собственного капитала высокотехнологичных организаций в рамках политики обеспечения национальной безопасности [3].

Корпоративный контроль направлен на нивелирование агентской проблемы, неизбежно возникающей при разделении собственности и управления. Также на поиск решений в отношении паритета интересов мажоритариев и миноритариев. Однако управление организациями осложнено множественной ролью участников управленческого процесса. Участники уставного капитала организаций принимают на себя функции руководства, представители руководства посредством опционов на акции становятся участниками, и те, и другие могут выступать членами совета директоров.

Привлечение дополнительного долевого финансирования, а также распределение долей в уставном капитале организации посредством опционов

между сотрудниками может привести к снижению доли основателей (в данном случае – непосредственно создателей предпринимательской идеи) до миноритарной. В целях недопущения потери контроля над стратегическим развитием и сохранения влияния на принятие оперативных решений основатели организации и обеспечивают себя мультиголосующими акциями.

Данное суждение подтверждается результатами исследования акционерных обществ, прошедших листинг на фондовых биржах США с 1980 по 2008 г. и обладающих мультиголосующими акциями. Основным мотивом формирования структуры собственного капитала акционерных обществ с мультиголосующими акциями выступало желание сохранить контроль над управлением [6]. Данный мотив актуален, что подтверждается результатами исследования акционерных обществ, прошедших листинг на фондовых биржах США в период с 2017 по 2019 г. Согласно данному исследованию, организации с мультиголосующими акциями обладают низкой инвестиционной привлекательностью для венчурных инвесторов, поскольку участники-основатели подобных организаций сохраняют контроль над стратегическим развитием [5]. Следовательно, венчурные инвесторы ограничены во влиянии на принятие стратегических решений, в том числе по вопросу выхода из бизнеса, например, посредством сделки слияния и поглощения. Более того, организации с мультиголосующими акциями предпочитают привлекать финансовые ресурсы посредством эмиссии долговых ценных бумаг [8] нежели долевых, поскольку это позволяет одновременно решить две задачи: нивелировать агентскую проблему [7] и сохранить контроль над принятием решений.

Концентрация корпоративного контроля исключительно в руках держателей мультиголосующих акций также обладает очевидной отрицательной стороной для ряда инвесторов, поскольку в таком случае владельцы мультиголосующих акций становятся мажоритариями по праву голоса, не по объему вложенных средств в уставный капитал организации.

Вышесказанное обуславливает актуальность разработки принципов использования мультиголосующих акций в корпоративном контроле для наиболее эффективного применения данного инструмента формирования собственного капитала организации. В рамках настоящей работы автором предлагается пять принципов, учитывающих специфику формирования капитала быстрорастущих организаций.

Результаты исследования и обсуждение

1. *Принцип целесообразности внедрения мультиголосующих акций.* Формирование собственного капитала организации с мультиголосующими акциями возможно только в момент учреждения юридического лица. Цель внедрения мультиголосующих акций – сохранение влияния держателей подобных акций при принятии стратегических управленческих решений.

Если основатели являются мажоритариями по принципу вклада в уставный капитал, то они же являются мажоритариями по принципу голосования и тогда нет объективных причин внедрения мультиголосующих акций на раннем этапе развития организации. Однако по мере развития ор-

ганизация испытывает все большую потребность в финансовых ресурсах. Внутренние источники финансирования ограничены, особенно для организаций на раннем этапе развития. Внешние заемные источники финансирования находятся в ограниченном доступе или вовсе недоступны по следующим причинам. Во-первых, у начинающей организации отсутствует достаточное количество активов, которые можно предоставить в качестве залога. Во-вторых, у организаций на раннем этапе развития неустойчивый денежный поток, отсутствует бухгалтерская (финансовая) отчетность за длительный период времени и кредитная история, на основании которой кредитная организация или иной инвестор-кредитор может принять решение о предоставлении заемного капитала. В случае, если у организации наличествует подобная отчетность, то ввиду молодости и высоких рисков, характеризующих основную деятельность, стоимость привлечения заемного финансирования становится излишне дорогой. Следовательно, единственный способ обеспечить молодую организацию финансовыми ресурсами – привлечь внешнее финансирование, формирующее собственный капитал. В данном случае формируется риск размытия капитала и потери контроля над управлением со стороны основателей организации. По этой причине целесообразность включения мультиголосующих акций на этапе учреждения юридического лица заключается в нивелировании будущего риска размытия капитала и потери корпоративного контроля.

Внешние инвесторы-совладельцы, которые готовы стать участниками организации и предоставить финансовые ресурсы для формирования собственного капитала организации на раннем этапе развития, в данном случае рассчитывают не на дивиденды, а на прирост капитала. Как уже отмечалось ранее, молодая организация характеризуется нестабильным денежным потоком. Инвестиционная привлекательность подобных организаций заключается в высоком уровне риска, который предоставит инвесторам высокую доходность за счет прироста капитала.

Привлечение подобных инвесторов – сложная задача для основателей. Необходимо гарантировать инвесторам сверхбыстрый рост организации, представить оригинальную предпринимательскую идею, способную вывести даже не столько в лидеры на рынке, сколько в основоположники сегмента рынка. Необходимо разработать бизнес-план, согласно которому возможно масштабирование предпринимательской идеи, ее развитие и, следовательно, устойчивый темп роста организации за счет повышения положительных денежных потоков. Задача основателей – убедить привлекаемых инвесторов, что именно они знают, каким образом привести организацию к успеху и как обеспечить повышение благосостояния инвесторов.

Вышесказанное обуславливает целесообразность внедрения мультиголосующих акций. Знания, навыки и идеи основателей способны обеспечить сверхбыстрый рост организации и прирост капитала, следовательно, достигнуть ключевой цели финансового менеджмента – повышения благосостояния инвесторов-совладельцев. Тогда инвесторы-совладельцы заинтересованы в передаче управленческой функции более квалифицированным специалистам, в данном случае – создателям предпринимательской идеи.

2. *Принцип соразмерности вмешательства владельцев мультиголосующих акций в корпоративный контроль.* Вмешательство держателей мультиголосующих акций в корпоративный контроль ограничивается участием в принятии стратегических решений, связанных с обеспечением высоких темпов роста организации и обеспечения прироста капитала всех участников организации. При организации и осуществлении корпоративного контроля, держатели мультиголосующих акций должны преследовать интересы всех участников организации, не допускать ущемления прав держателей обыкновенных акций при распределении финансового результата организации.

Таким образом, держатели мультиголосующих акций приобретают большие права при голосовании, но обладают одинаковыми правами с держателями иных типов акций при распределении чистой прибыли организации.

Для соблюдения принципа соразмерности вмешательства владельцев мультиголосующих акций именно в процедуры корпоративного контроля представляется важным в учредительных документах указывать следующие два пункта.

Во-первых, количество мультиголосующих акций. При учреждении юридического лица участники каждой организации утверждают верхнюю границу количества мультиголосующих акций в качестве определенного процента от уставного капитала. Данный пункт уставных документов должен быть неизменен. Одновременно с этим данное ограничение не лишает возможностей участников-основателей приобрести дополнительное количество посредством акций иных типов.

Во-вторых, количество голосов, которое предоставляет держателю одна мультиголосующая акция. Количество голосов, приходящихся на одну обыкновенную акцию, сокращается пропорционально количеству голосов, приходящихся на одну мультиголосующую акцию.

На основании вышеуказанных пунктов в учредительных документах организации, сторонние инвесторы способны оценить уровень риска данной организации, присущего держателям немультиголосующих акций, и собственный инвестиционный интерес к подобной системе корпоративного контроля.

3. *Принцип недопустимости тиражирования мультиголосующих акций.* Увеличение количества мультиголосующих акций после окончательного формирования уставного капитала организации противоречит самой сущности мультиголосующих акций. Как уже отмечалось ранее, мультиголосующие акции могут быть приобретены основателями лишь при первичном создании юридического лица.

Представляется критически важным не допускать возможностей увеличения количества мультиголосующих акций посредством их дробления или размещения опционов на мультиголосующие акции. Дробление мультиголосующих акций представляет собой искусственное управление правами голоса и может быть ограничено вышепредложенным принципом. Опционы на мультиголосующие акции представляют собой, на наш взгляд, опасный инструмент управления собственным капиталом организации.

Широко известна позиция У. Баффета по поводу вреда производных финансовых инструментов, которые фактически повышают риски и затрудняют справедливую оценку стоимости бизнеса [4]. Опционы на акции получили широкое распространение именно среди высокотехнологичных организаций, поскольку являются одним из ключевых инструментов привлечения и обеспечения лояльности наиболее ценных сотрудников, способных генерировать стоимость. Традиционно подобные опционы предоставляются руководителям различных отделов организации. Предоставление руководителям опционов на мультиголосующие акции приведет к ситуации, когда одно лицо одновременно обладает возможностью принимать решения как агент (т.е. руководитель) и как принципал с множественным правом голоса (т.е. держатель мультиголосующей акции). Тогда стратегия развития организации становится известна и управляема лишь небольшому количеству участников, что значительно усложняет агентскую проблему и снижает интерес внешних инвесторов (не основателей) к организации ввиду слишком высоких рисков.

4. *Принцип осмотрительности держателей мультиголосующих акций.* Внедрение мультиголосующих акций направлено на сосредоточение корпоративного контроля в руках основателей предпринимательской идеи. Держателям мультиголосующих акций следует с осмотрительностью осуществлять политику финансирования деятельности организации. Привлечение внешнего финансирования посредством конвертируемых привилегированных акций или конвертируемых облигаций на определенном этапе позволит обеспечить организацию необходимым объемом финансовых ресурсов и вместе с тем сохранить корпоративный контроль. Держатели привилегированных акций практически не оказывают влияния на принятие управленческих решений, за исключением предусмотренных законодательством случаев. Инвесторы-кредиторы и вовсе не могут участвовать в управлении организаций. В дальнейшем же указанные конвертируемые ценные бумаги трансформируются в обыкновенные акции, соответственно, пропорционально сокращают процент голосов держателей мультиголосующих акций в общем объеме. Следовательно, принцип осмотрительности держателей мультиголосующих акций заключается в осторожном привлечении внешнего финансирования посредством гибридных инструментов с функций конвертации в обыкновенные акции.

5. *Принцип независимости совета директоров дочерних организаций.* Эффективность корпоративного контроля во многом зависит от состава совета директоров. Члены совета директоров должны обладать высоким уровнем профессиональных навыков в отрасли, в которой организация осуществляет основную деятельность. Во многих странах существует правовое регулирование критериев отбора членов в совет директоров. Интерес представляет азиатская практика выдвижения требований к составу совета директоров по причине широкого распространения мультиголосующих акций в странах Азии. Законодательство Китая, в том числе Гонг-Конга, Японии, Малайзии, Сингапура, Южной Кореи запрещает независимому директору дочерней организации участвовать в руководстве и (или) совете директоров материнской корпорации и запрещает независимому директору

материнской организации принимать участие в руководстве и (или) совете директоров дочерних организаций [9]. Материнская организация обычно является мажоритарием дочерней и оказывает прямое влияние на принимаемые в ней решения. Руководитель или член совета директоров материнской организации в совете директоров дочерней, по сути, лишает последнюю возможности автономного принятия решений, что может ущемить интересы миноритариев дочерней организации.

На наш взгляд, при возможности организации использовать мультиголосующие акции для формирования собственного капитала следует ограничить возможность держателей мультиголосующих акций становиться членами совета директоров дочерних организаций. Их цель – сверхбыстрый рост стоимости акций головной организации, в которой они обладают мультиголосующими акциями и в которую инвестировали иные инвесторы, согласные на сокращение собственных прав голосования в обмен на высокую доходность. Следовательно, держатели мультиголосующих акций должны быть сконцентрированы на работе над увеличением внутренней стоимости исключительно материнской организации. Изложенное обуславливает необходимость использования принципа независимости совета директоров дочерних организаций.

Вывод и заключение

Подводя итог вышесказанному, отметим, что предложенные и обоснованные принципы осуществления корпоративного контроля посредством мультиголосующих акций могут лечь в основу концепции использования мультиголосующих акций как инструмента формирования собственного капитала организации, поскольку учитывают две важные составляющие. Во-первых, специфику управления быстрорастущей организации, способной в ограниченный период времени обеспечить инвесторов-совладельцев приростом капитала, но при этом ограниченной во внутренних и заемных источниках финансирования. Во-вторых, системные взаимоотношения участников-основателей предпринимательской идеи – держателей мультиголосующих акций с иными инвесторами (совладельцами и кредиторами) и дочерними организациями.

Список источников

1. *Арнаутов Д.Р.* Будущее акций с разным объемом прав в России // Закон. 2020. № 11. С. 127–150.
2. *Арнаутов Д.Р.* Акции с разным объемом прав в США и России // Закон. 2020. № 1. С. 186–199.
3. *Ващенко Т.В.* Оптимизация участия иностранных инвесторов, как инструмент системы корпоративного контроля высокотехнологичных компаний: опыт Китая // Финансовый бизнес. 2022. № 6 (228). С. 193–197.
4. *Пеко Д., Кори Р.* Университет Berkshire Hathaway. 30-летний опыт Уоррена Баффета и Чарли Мангера. Выступления. СПб.: ООО «Диалектика», 2021. 400 с.
5. *Aggarwal D., Eldar O., Hochberg Y.V., Litov L.P.* The rise of dual-class stock IPOs // Journal of Financial Economics. 2022. Vol. 144. Issue 1. Pp. 122–153. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2021.12.012>.

6. Arugaslan O., Cook D., Kieschnick R. On the decision to go public with dual-class stock // *Journal of Corporate Finance*. 2010. Vol. 16, no. 2. Pp. 170–181.
7. Dey A., Nikolaev V., Wang X. Disproportional control rights and the governance role of debt // *Management Science*. 2016. No. 62 (9). Pp. 2581–2614.
8. Gao N., Jiang W., Jin J. Disproportional control rights and debt maturity // *International Review of Financial Analysis*. 2023. Vol. 85. P. 102434. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2022.102434>
9. Good Policies and Practices for Corporate Governance of Company Groups in Asia // OECD. 2022.

References

1. Arnautov D.R. Budushhee akcij s raznym ob#emom prav v Rossii [The future of shares with different rights in Russia], *Zakon [Law]*, 2020, no. 11, pp. 127–150.
2. Arnautov D.R. Akcii s raznym ob#emom prav v SShA i Rossii [Shares with different scope of rights in the USA and Russia], *Zakon [Law]*, 2020, no. 1, pp. 186–199.
3. Vashhenko T.V. Optimizacija uchastija inostrannyh investorov, kak instrument sistemy korporativnogo kontrolja vysokotekhnologichnyh kompanij: opyt Kitaja [Optimization of the participation of foreign investors as a tool for the corporate control system of high-tech companies: China's experience], *Finansovyy biznes [Financial business]*, 2022, no. 6 (228), pp. 193–197.
4. Peko D., Kori R. Universitet Berkshire Hathaway. 30-letnij opyt Uorrena Baffeta i Charli Mangera [Berkshire Hathaway University. 30 years of experience of Warren Buffett and Charlie Munger]. Vystuplenija. Sankt-Petersburg, ООО «Dialektika», 2021. 400 p.
5. Aggarwal D., Eldar O., Hochberg Y.V., Litov L.P. The rise of dual-class stock IPOs. *Journal of Financial Economics*, 2022, vol. 144, issue 1, pp. 122–153. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2021.12.012>
6. Arugaslan O., Cook D., Kieschnick R. On the decision to go public with dual-class stock. *Journal of Corporate Finance*, 2010, vol. 16, no. 2, pp. 170–181.
7. Dey A., Nikolaev V., Wang X. Disproportional control rights and the governance role of debt. *Management Science*, 2016, no. 62 (9), pp. 2581–2614.
8. Gao N., Jiang W., Jin J. Disproportional control rights and debt maturity. *International Review of Financial Analysis*, 2023, vol. 85, p. 102434. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2022.102434>
9. Good Policies and Practices for Corporate Governance of Company Groups in Asia. OECD. 2022.

Сведения об авторе:

Р.О. Восканян – кандидат экономических наук, доцент, доцент Департамента финансового и инвестиционного менеджмента, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

Information about the author:

R.O. Voskanian – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Financial and Investment Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию	12.01.2023	The article was submitted	12.01.2023
Одобрена после рецензирования	20.01.2023	Approved after reviewing	20.01.2023
Принята к публикации	06.02.2023	Accepted for publication	06.02.2023

Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 99–107

Vestnik NSUEM. 2023. No. 1. P. 99–107

Научная статья

УДК 657.1

DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-099-107

ОБЛАЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В БУХГАЛТЕРСКОМ УЧЕТЕ ОРГАНИЗАЦИЙ: ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ, ПРЕИМУЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Бердичевская Виктория Олеговна

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

vberdichevskaia@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена обзору областей применения облачных технологий в ведении бухгалтерского учета организаций. В том числе рассмотрены виды облачных хранилищ, выделены типы облачных сервисов и рассмотрены преимущества использования облачных технологий в организации ведения бухгалтерского учета. Внедрение облачных технологий целесообразно как для крупных организаций, с целью оптимизации расходов на содержание ИТ-инфраструктуры, так и для предприятий малого и среднего бизнеса, у которых нет возможности развернуть собственную инфраструктуру. Рост интереса к облачным технологиям связан с экономическим эффектом от их использования.

Ключевые слова: облачные технологии, облачные вычисления, облачные технологии в бухгалтерском учете, бухгалтерский учет, облачное хранилище, облачные сервисы, инфраструктура как услуга, платформа как услуга, программное обеспечение как услуга

Для цитирования: Бердичевская В.О. Облачные технологии в бухгалтерском учете организаций: области применения, преимущества и проблемы использования // Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 99–107. DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-099-107.

Original article

CLOUD TECHNOLOGIES IN ACCOUNTING OF ORGANIZATIONS: SCOPES, ADVANTAGES AND PROBLEMS OF USE

Berdichevskaya Victoria O.

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov

vberdichevskaia@gmail.com

Abstract. This article is devoted to an overview of the areas of application of cloud technologies in the accounting of organizations. In particular, the types of cloud storage are considered, the types of cloud services are highlighted and the advantages of using cloud technologies in the organization of accounting are considered. The introduction of cloud technologies is advisable both for large organizations, in order to optimize the costs

© Бердичевская В.О., 2023

of maintaining the IT infrastructure, and for small and medium-sized businesses that do not have the opportunity to deploy their own infrastructure. The growing interest in cloud technologies is associated with the economic effect of their use.

Keywords: cloud technologies, cloud computing, cloud technologies in accounting, accounting, cloud storage, cloud services, Infrastructure as a Service, Platform as a Service, Software as a Service

For citation: Berdichevskaya V.O. Cloud technologies in accounting of organizations: scopes, advantages and problems of use. *Vestnik NSUEM*. 2023; (1): 99–107. (In Russ.). DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-099-107.

Бухгалтерская отрасль непрерывно совершенствовалась на протяжении последних десятилетий. Последовательно развивались и модифицировались методические и технологические аспекты, что упростило ведение бухгалтерского учета для владельцев и специалистов.

Бухгалтерский учет как часть подсистемы управления, отвечающая за сбор, хранение и обработку информации о фактах финансово-хозяйственной жизни организации, имеет все предпосылки для внедрения наиболее передовых технологий для автоматизации операций.

Облачные технологии предоставляют большие возможности для совершенствования бухгалтерских процессов.

Чтобы получить представление об этой новой технической концепции, вначале нужно определить, что такое облачные технологии или облачные вычисления.

Технология облачных вычислений позволяет пользователям получать доступ к данным и ресурсам по требованию. Благодаря облачным вычислениям пользователи получают доступ к программам и ИТ-службам через браузер, без установки их на своем компьютере.

В свою очередь, облачный учет – это учет, который работает в рамках модели облачных вычислений.

При использовании облачных технологий учетные данные организации хранятся в облачных хранилищах.

Термин облачное хранилище охватывает несколько возможностей хранения, доступных облачным клиентам, которые работают на оборудовании поставщика облачных услуг, в том числе:

1) частное облачное хранилище: как следует из названия, услуги частного облачного хранилища предназначены для компании или отдельного лица с учетом его потребностей. Эта система облачного хранилища может быть отформатирована в локальное облачное хранилище и внешнее облачное хранилище. Система позволяет иметь пользователю административный контроль и выполнять любые необходимые действия в отношении учетных данных;

2) общедоступное облачное хранилище: эта система спроектирована так, чтобы быть менее специфичной для администрирования, и к ней может получить доступ анонимный пользователь, которому организация предоставит соответствующее разрешение. Уровень безопасности такой же, как у частного облачного хранилища, но эта система не требует обслуживания или жесткой интеграции с бизнесом пользователя;

3) гибридное облачное хранилище: предоставляет собой сочетание общедоступных и частных хранилищ и позволяет удовлетворять потребности пользователей, настраивая функции и предоставляя для использования ресурсы, к которым у пользователя есть доступ. При этом частное облако может использоваться для хранения конфиденциальной информации и более важных данных, в то время как менее важные данные могут храниться в общедоступном облачном хранилище. Эта система экономит время и финансовые ресурсы.

Классифицируя облачные технологии бухгалтерского учета по функциональному признаку, можно выделить три основных типа (рис. 1):

- 1) Infrastructure as a Service (IaaS) – инфраструктура как услуга;
- 2) Platform as a Service (PaaS) – платформа как услуга;
- 3) Software as a Service (SaaS) – программное обеспечение как услуга.

IaaS (Infrastructure as a Service) «Инфраструктура как услуга»	Модель обслуживания в облачных вычислениях, по которой потребителям предоставляются виртуальные серверы с заданной вычислительной мощностью, операционной системой и доступом к сети, наподобие «виртуальных» компьютеров, на которые пользователь может установить любое ПО, приложения и т.д., например, для разработки собственных программ
PaaS (Platform as a Service) «Платформа как услуга»	Модель, при которой пользователь также арендует «виртуальный» компьютер, но в дополнение получает еще и вспомогательные инструменты, функции и другие приложения (базы данных, среда машинного обучения и пр.), администрируемые провайдером. Данная модель больше подходит для реализации задач, для которых уже существует программное обеспечение
SaaS (Software as a Service) «Программное обеспечение как услуга»	Модель, которая предоставляет возможность использовать конкретное готовое прикладное программное обеспечение (приложение), не требующее установки и полностью обслуживаемое провайдером. При этом пользователь не имеет доступа к вычислительной или системной инфраструктуре и оплачивает только время пользования приложением или стоимостью лицензии, что значительно упрощает работу людей, не обладающих какими-либо специальными знаниями в области компьютерных систем. Данная модель является наиболее подходящей для решения строго определенного класса задач – ведения базы клиентов, бухгалтерии, создания сайта и т.д. В дальнейшем описании облачных сервисов для ведения бухгалтерского учета будет подразумеваться именно эта модель взаимодействия SaaS

Рис. 1. Виды облачных сервисов
Types of cloud services

Выбор определенного типа облачного сервиса определяется задачами и потребностями, которые есть у компании. Основными преимуществами решений IaaS являются: максимальный контроль над готовой инфраструктурой, позволяющий осуществить внедрение, полностью адаптированное и закрывающее потребности бизнеса. Решения PaaS позволяют использовать компании индивидуальные решения, облегчающие интеграцию с уже существующими бизнес-процессами. SaaS – решения дают возможность максимальной экономии средств за счет переноса функций по разработке и поддержке программного обеспечения на стороннюю компанию.

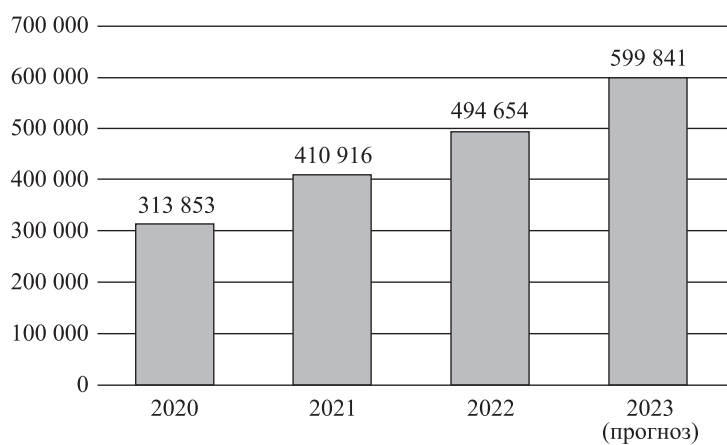

Рис. 2. Общая величина расходов на использование облачных сервисов, млн долл. [7]

The total amount of expenses for the use of cloud services, USD million

На данном этапе наблюдается устойчивый рост вложений в облачные технологии (рис. 2).

По прогнозам величина общемировых расходов на различные облачные сервисы в 2023 г. достигнет 599 841 млн долл. Следует отметить, что темп роста расходов на облачные технологии превышает темп расходов на ИТ в целом.

Распределение расходов в разрезе типов облачных сервисов представлено на рис. 3.

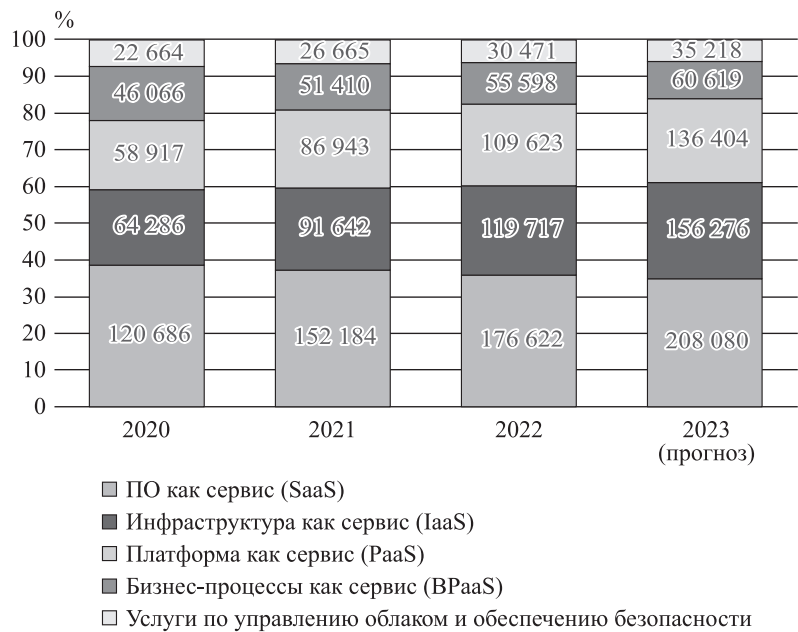

Рис. 3. Величина расходов на облачные сервисы в разрезе их типов, млн долл. [7]

Amount of expenses for cloud services by their types, USD million

Из приведенных данных видно, что наиболее востребованы решения SaaS, однако их доля в общей величине расходов на облачные технологии сокращается.

Данные тенденции характерны и для российского рынка облачных решений в целом, и для внедрения облачных сервисов в бухгалтерскую область в частности.

Актуальность внедрения облачных сервисов в бухгалтерский учет компании с каждым годом все возрастает.

Сравнительный анализ традиционного и облачного учета представлен в таблице.

Сравнительный анализ традиционного и облачного учета
Comparative analysis of traditional and cloud accounting

Характеристика	Традиционный учет	Облачный учет
Специальные возможности	Ограниченный доступ и предоставляет доступ только тем, у кого есть программное обеспечение или документы	Предоставляет пользователям удаленный доступ и может быть доступен нескольким людям одновременно
Интернет	Не требует подключения к Интернету для доступа	Для доступа требуется подключение к Интернету
Мобильность	Можно использовать только на устройстве, на котором установлено бухгалтерское программное обеспечение, или при наличии бумажных документов	Можно использовать в любом месте и в любое время
Данные в реальном времени	Требуется ручное обновление	Автоматическое обновление данных по всей платформе
Контроль пользователя	Пользователь имеет полный контроль над программным обеспечением и документами	Пользователь также имеет полный контроль над своей учетной записью, но не над программным обеспечением
Безопасность	Зависит от устройства и безопасности бумажных документов	Зависит от сервера и поставщика услуг
Затраты	Единовременная оплата программного обеспечения и других учетных материалов	Часто для доступа к программному обеспечению или услугам используется модель, основанная на подписке
Сотрудничество	Ограниченная возможность совместной работы между пользователями	Позволяет пользователям сотрудничать одновременно и в режиме реального времени
Хранение	Ограничено, если пользователь не приобретет больше места для хранения на своем жестком диске или не купит больше материалов для ведения записей	Зависит от планов подписки поставщика услуг
Резервное копирование данных	Требуется, чтобы пользователи создавали резервные копии данных вручную	Автоматическое резервное копирование данных

Следует учитывать, что нельзя просто внедрить облачные технологии в бухгалтерский учет компании. При внедрении необходимо учитывать связанные с ними изменения в методах работы. В том числе использование облачных технологий значительно меняет административные процессы и потребность в трудовых ресурсах. Более того, согласно опросу Microsoft, было обнаружено, что одними из основных преимуществ развертывания облачных вычислений в организации являются экономическая эффективность и повышение производительности. Экономия затрат в процентах от величины общих затрат при внедрении облачного учета по результатам исследования Microsoft представлена на рис. 4.

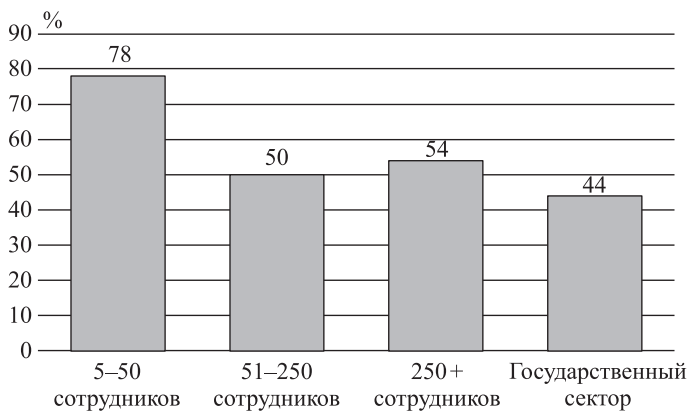

Рис. 4. Экономия затрат (в процентах от общих затрат)
Источник: Microsoft
Cost savings (as a percentage of total costs)

В качестве основных преимуществ использования облачных технологий в организации бухгалтерского учета компаний можно выделить:

1. Возможность анализа в режиме реального времени и обновление данных. Обновления в режиме реального времени по облачным вычислениям для всех вовлеченных сторон означают, что сотрудникам бухгалтерских служб больше не нужно путаться в избыточных данных. Облачные технологии упрощают сбор финансовых данных и работу с ними.

Облако предоставляет общую платформу для хранения и доступа ко всем критически важным данным в режиме реального времени, что в итоге значительно экономит рабочее время сотрудников.

2. Бесшовное управление документооборотом. Бухгалтерский учет максимально зависит от первичных документов, документально фиксирующих факты хозяйственной жизни. На современном этапе данные документы преобладают в электронном виде. Внедрение облачных технологий позволяет сотрудникам бухгалтерии не просто вести всю первичную документацию в электронном виде, иметь к ним доступ в любое время и из любого места, где возможно подключение к сети, но и осуществлять интеграцию различных программ и конфигураций, где приложения могут автоматически обмениваться различной информацией о транзакциях.

3. Масштабируемое хранилище файлов. Бухгалтерские файлы являются одними из самых тяжелых, и по мере роста бизнеса все больше требует-

ся места для хранения. Когда компания использует собственные мощности для хранения и обработки бухгалтерских данных, это влечет за собой существенные затраты. Данная проблема решается за счет внедрения облачных решений, при использовании которых расширение пространства для хранения данных возможно при существенно меньших затратах. Также следует отметить, что в облаке автоматически создаются резервные копии и данные находятся в большей безопасности.

4. Повышение точности бухгалтерских операций. В связи с тем, что большинство операций и функций автоматизированы, это существенно снижает вероятность ошибок.

Как и у любой новой технологии, у этой тоже есть несколько недостатков. Во-первых, его доступность зависит от Интернета. Хотя вы можете использовать облачное программное обеспечение где угодно и на любом устройстве, необходимость в нем при отсутствии стабильного соединения может стать проблемой.

Другой потенциальной проблемой является уязвимость сервера. Ваша подписка на облачное программное обеспечение свидетельствует о вашей уверенности и доверии к поставщику услуг. Но с этим доверием приходит принятие риска, будь то кибератаки или угрозы безопасности. Хорошей новостью является то, что облачные системы сегодня достаточно продвинуты, чтобы отражать подобные угрозы; однако некоторые люди все еще могут не решаться использовать облачные технологии для этой цели.

Разумной альтернативой была бы интеграция. Вместо замены традиционных методов учета современными есть возможность комбинировать их для более комплексного подхода к бухгалтерскому учету. Таким образом, можно воспользоваться преимуществами обоих и минимизировать потенциальные риски в процессе.

Облачные технологии представляют интерес как для крупных компаний, которые пытаются оптимизировать свои расходы на ИТ-инфраструктуру корпорации, так и для небольших компаний, у которых нет возможности немедленно развернуть собственную инфраструктуру. Растущий интерес к технологиям облачных вычислений связан с экономическим эффектом от их использования. Однако, несмотря на очевидные преимущества, при использовании облачных вычислений необходимо решить ряд проблем. Основными из них являются доверие к поставщику услуг, обеспечение конфиденциальности, целостности, подлинности и противоречивости информации на всех этапах ее существования, бесперебойная работа, защита от несанкционированного доступа и хранение персональных данных пользователей, которые передаются и обрабатываются в облаке.

Список источников

1. Абдунабиев Ш.Х. Применение облачных технологий в бухгалтерском учете // Современные аспекты учета, анализа и аудита: материалы Региональной научно-практической конференции / Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Инженерно-экономический институт. Красноярск, 2021. С. 14–19.

2. Воеводина Е.И. Использование современных средств коммуникаций для прогнозирования инновационного развития предприятия в условиях неопределенности // Научное обозрение. 2015. № 18. С. 198–200.
3. Куликова И.В., Некрасова В.С. Особенности применения облачных технологий в бухгалтерском учете // Ученые записки Алтайского филиала РАНХиГС. 2021. № 19. С. 95–99.
4. Малышева Н.П., Коровина Е.А. Использование облачных сервисов для ведения бухгалтерского и налогового учета // Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты: сборник трудов IV Международной научно-практической конференции, приуроченной к Году науки и технологий в России. Брянск, 2021. С. 421–426.
5. Пайтян Г.А. Применение облачных технологий в бухгалтерском учете в условиях цифровизации экономики // Проблемы и перспективы развития учетно-аналитического, финансового и контрольного обеспечения деятельности экономических субъектов: мат-лы национальной (всероссийской) научно-практической и методической конференции. Воронеж, 2021. С. 196–199.
6. Санина А.В., Калущая Н.А. Облачная бухгалтерия – шаг в будущее // Инновационная наука. 2021. № 1. С. 56–59.
7. Спрос на IaaS и SaaS устойчиво растет, на PaaS – только формируется // C-news. 04.08.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnews.ru/reviews/oblachnye_servisy_2022/articles/spros_na_iaas_i_saas_ustojchivo_rastet
8. Хачатрян А.Г., Попазов Д.В., Гайдук Н.В. Технологии облачных вычислений в бухгалтерском учете // Информационное общество: современное состояние и перспективы развития: сборник материалов XIV международного форума. Краснодар, 2021. С. 356–360.

References

1. Abdunabiev Sh.H. Primenenie oblačnyh tehnologij v buhgalterskom uchete [Application of cloud technologies in accounting]. Sovremennye aspekty ucheta, analiza i audita: materialy Regional'noj nauchno-praktičeskoj konferencii / Sibirskij gosudarstvennyj universitet nauki i tehnologij imeni akademika M.F. Reshetneva, Inženerno-jekonomičeskij institut. Krasnojarsk, 2021. Pp. 14–19.
2. Voevodina E.I. Ispol'zovanie sovremennyh sredstv kommunikacij dlja prognozirovaniya innovacionnogo razvitiya predpriyatija v uslovijah neopredelennosti [The use of modern means of communication for predicting the innovative development of an enterprise in conditions of uncertainty], *Nauchnoe obozrenie* [Scientific Review], 2015, no. 18, pp. 198–200.
3. Kulikova I.V., Nekrasova V.S. Osobennosti primenenija oblačnyh tehnologij v buhgalterskom uchete [Features of the use of cloud technologies in accounting], *Uchenye zapiski Altajskogo filiala RANHiGS* [Uchenye zapiski Altai branch of RANEPa], 2021, no. 19, pp. 95–99.
4. Malysheva N.P., Korovina E.A. Ispol'zovanie oblačnyh servisov dlja vedenija buhgalterskogo i nalogovogo ucheta [Using cloud services for accounting and tax accounting]. *Cifrovij region: opyt, kompetencii, proekty: sbornik trudov IV Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii, priuročennoj k Godu nauki i tehnologij v Rossii*. Brjansk, 2021. Pp. 421–426.
5. Pajtjan G.A. Primenenie oblačnyh tehnologij v buhgalterskom uchete v uslovijah cifrovizacii jekonomiki [The use of cloud technologies in accounting in the conditions of digitalization of the economy]. *Problemy i perspektivy razvitiya uchetno-analitičeskogo, finansovogo i kontrol'nogo obespečenija dejatel'nosti jekonomičeskich sub#ektov: mat-ly nacional'noj (vsrossijskoj) nauchno-praktičeskoj i metodičeskoj konferencii*. Voronezh, 2021. Pp. 196–199.

6. Sanina A.V., Kaluckaja N.A. Oblachnaja buhgalterija – shag v budushhee [Cloud accounting – a step into the future], *Innovacionnaja nauka [Innovative science]*, 2021, no. 1, pp. 56–59.
7. Spros na IaaS i SaaS ustojchivo rastet, na PaaS – tol'ko formiruetsja [Demand for IaaS and SaaS is steadily growing, for PaaS it is just emerging], *C-news [C-news]*, 04.08.2022. [Electronic resource]. Available at: https://www.cnews.ru/reviews/oblastnye_servisy_2022/articles/spros_na_iaas_i_saas_ustojchivo_rastet
8. Nachatrjan A.G., Popazov D.V., Gajduk N.V. Tehnologii oblachnyh vychislenij v buhgalterskom uchete [Cloud computing technologies in accounting]. Informacionnoe obshhestvo: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitiya: sbornik materialov XIV mezhdunarodnogo foruma. Krasnodar, 2021. Pp. 356–360.

Сведения об авторе:

В.О. Бердичевская – кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация.

Information about the author:

V.O. Berdichevskaya – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation.

<i>Статья поступила в редакцию</i>	<i>09.01.2023</i>	<i>The article was submitted</i>	<i>09.01.2023</i>
<i>Одобрена после рецензирования</i>	<i>06.02.2023</i>	<i>Approved after reviewing</i>	<i>06.02.2023</i>
<i>Принята к публикации</i>	<i>07.02.2023</i>	<i>Accepted for publication</i>	<i>07.02.2023</i>

ФАКТЫ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

FACTS, APPRAISALS, PERSPECTIVES

Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 108–128
Vestnik NSUEM. 2023. No. 1. P. 108–128

Научная статья
УДК 338.012; 330.3
DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-108-128

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ МАШИНОСТРОЕНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО ЭЛЕКТРОПОЕЗДОВ В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Борисов Владимир Николаевич¹, Плотникова Дарья Александровна²

*Институт народнохозяйственного прогнозирования
Российской академии наук*

¹ vnbor@yandex.ru

² aleksandrovnadp@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам импортозамещения на рынке железнодорожного машиностроения РФ. Авторами рассмотрены возможные сценарии дальнейшего развития сектора в условиях масштабного санкционного давления. В ходе исследования описаны возможности и риски развивающего и активного импортозамещения для сферы применения пассажирских электропоездов. Проанализированы стартовые условия перспективных вариантов поставок продукции на рынок РФ. Отмечены необходимость и важность государственной поддержки отечественного железнодорожного машиностроения и его структурообразующих отраслей для укрепления взаимосвязей смежных секторов экономики.

Ключевые слова: железнодорожное машиностроение, электропоезд, развивающее импортозамещение, активное импортозамещение, локализация производства, инновационно-емкое развитие

Для цитирования: Борисов В.Н., Плотникова Д.А. Железнодорожное машиностроение и производство электропоездов в условиях импортозамещения // Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 108–128. DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-108-128.

Original article

RAILWAY ENGINEERING AND PRODUCTION OF ELECTRIC TRAINS IN THE CONTEXT OF IMPORT SUBSTITUTION

Borisov Vladimir N.¹, Plotnikova Darya A.²

Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences

¹ vnbor@yandex.ru

² aleksandrovnadp@gmail.com

Abstract. The article is devoted to topical issues of import substitution in the railway engineering market of the Russian Federation. The authors consider possible scenarios for further development of the sector in the context of large-scale sanctions pressure. The study describes the opportunities and risks of developing and active import substitution for the scope of passenger electric trains. The starting conditions of promising options for the supply of products to the Russian market are analyzed. The necessity and importance of state support of domestic railway engineering and its structural branches for strengthening the interconnections of related sectors of the economy are noted.

Keywords: railway engineering, electric train, developing import substitution, active import substitution, localization of production, innovation-intensive development

For citation: Borisov V.N., Plotnikova D.A. Railway engineering and production of electric trains in the context of import substitution. *Vestnik NSUEM*. 2023; (1): 108–128. (In Russ.). DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-108-128.

Обеспечение ритмичности, скорости и комфортности перемещения пассажиров на электропоездах является актуальной задачей социально-экономического развития крупных городов и межрегионального сообщения. Однако решать эту задачу в рамках лишь возможностей спроса на пассажирские перевозки в нынешних реалиях практически невозможно, поскольку предложение частей и компонентов для производства электропоездов по импортному потоку техники оказалось прерванным. Поэтому рассматривать эту задачу необходимо в связке спроса на пассажирские электропоезда с возможностями железнодорожного машиностроения и возможностями его снабжения станками, частями и компонентами из структурообразующих машиностроительных производств (станкоинструментальных, электротехнических и приборостроительных). Следовательно, эту задачу нужно рассматривать в рамках достаточно широкого спектра проблем воспроизводства в машиностроительных обрабатывающих производствах.

Продолжительный период времени отечественная экономика функционировала преимущественно в рамках ресурсно-сырьевой модели, при этом переход экономики на ресурсно-инновационную модель не являлся доминирующей целью ее развития. В этих условиях машиностроение РФ играло вспомогательную роль в воспроизводственном процессе, сосредоточившись на сборочных и ремонтно-механических функциях. Основной поток машинотехнической продукции на внутренний рынок переместился

от внутреннего производителя к внешнему. На отечественном рынке машин и оборудования стали в той или иной степени доминировать зарубежные игроки. Об этом свидетельствуют данные, характеризующие поток импортной техники на домашний рынок машин и оборудования в РФ.

Из данных рис. 1 и 2 следует, что наибольшая доля импортного потока машиностроительной продукции приходится на инвестиционную технику, т.е. наблюдается существенное перемещение нагрузки по обеспечению воспроизводственного процесса в основных отраслях реального сектора

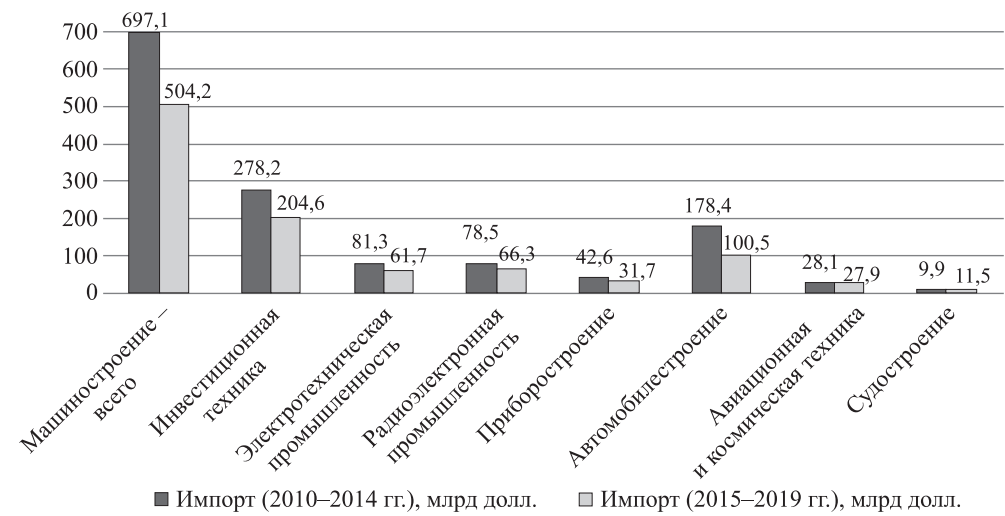

Рис. 1. Характеристика импортного потока машин и оборудования в экономику Российской Федерации [12, 16]

Characteristics of the import flow of machinery and equipment to the economy of the Russian Federation

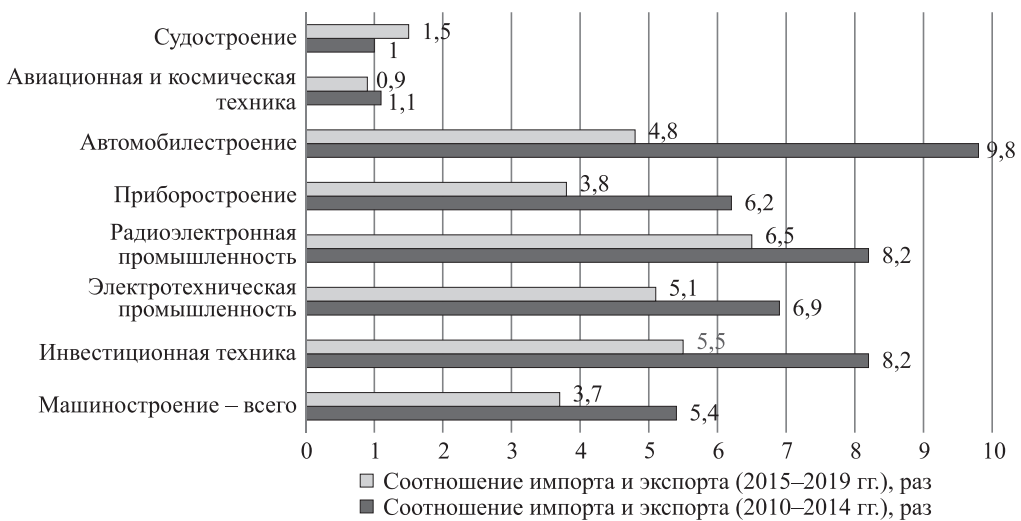

Рис. 2. Характеристика соотношения экспортного и импортного потоков машин и оборудования в экономике Российской Федерации [12, 16]

Characteristics of the ratio of export and import flows of machinery and equipment in the economy of the Russian Federation

экономики от домашнего производителя к зарубежному производителю. То есть можно утверждать, что в значительной степени субъектом обеспечения процесса обновления производственного аппарата отечественной экономики, в первую очередь обрабатывающих производств, стал зарубежный производитель. Инновационная функция отечественного машиностроения, реализуемая через инновационно-емкий поток машин и оборудования в домашние технологии производства, оказалась невостребованной. При этом экспортный поток машин и оборудования не смог компенсировать импорт техники, что с очевидностью следует из данных рис. 2.

Следствием описанного выше процесса стало то, что внутренний рынок машиностроительной продукции стали контролировать зарубежные игроки (рис. 3). Из данных, приведенных на рис. 3, становится очевидным нарастание доминации зарубежных машиностроительных игроков на отечественном рынке инвестиционной техники практически на протяжении всего десятилетия – с 2014 до 2019 г. Этот период, особенно его последний 2019 г., представляет собой пик развития машиностроения в рамках ресурсно-сырьевой модели, когда экспортный поток техники стал неотъемлемой частью функционирования машиностроения. Позднее события пандемии COVID-19 вынужденно нарушили логику поставок импорта и экспорта техники, а позднее санкционная политика западных стран с конца 2021 г. придала этим потокам турбулентный характер.

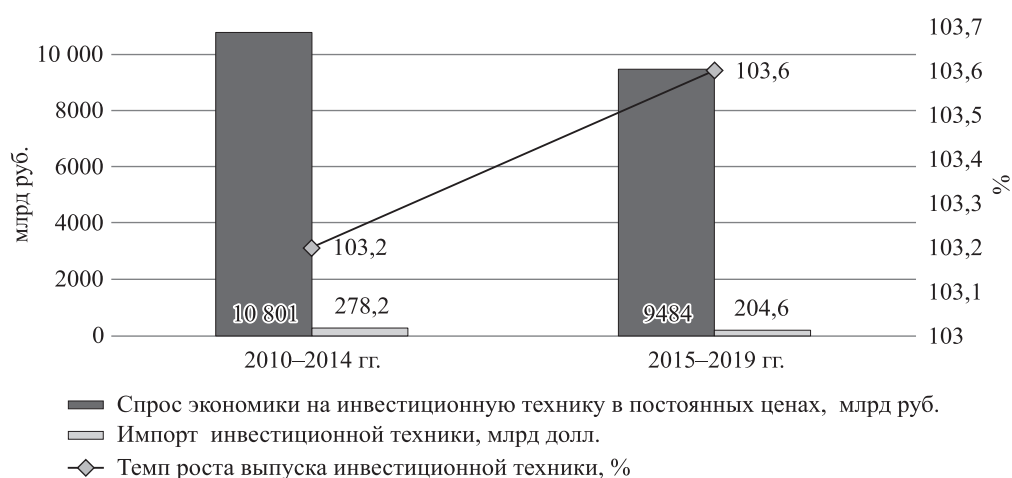

Рис. 3. Характеристика поставок зарубежной техники на внутренний рынок Российской Федерации [12, 16]

Characteristics of the supply of foreign equipment to the domestic market of the Russian Federation

В результате удельный вес зарубежной техники на внутреннем рынке РФ вырос с 41,4 % в первой половине прошедшего десятилетия до 51,7 % во второй его половине (рис. 4). Обновление технологий в производственном аппарате отечественной экономики оказалось в руках зарубежного производителя, мягко говоря, не всегда следующего принципам и правилам ВТО.

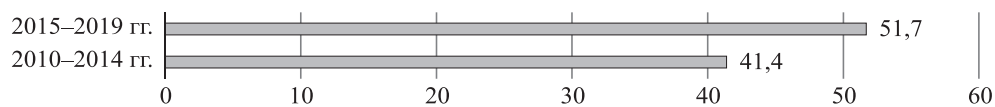

Рис. 4. Доля импортной инвестиционной техники на внутреннем рынке, % [12, 16]
The share of imported investment equipment in the domestic market, %

Что же касается собственно железнодорожного машиностроения, то данные о нем приведены на рис. 5–7. На рис. 5 показаны объемы импортированной железнодорожной техники в целом по кодам ТНВЭД в процентах, из графика видно, что наибольшая доля импорта, а именно более 60 %, приходится на части железнодорожных локомотивов или моторных вагонов трамвая или подвижного состава. Рис. 6 отражает процентное соотношение импортированной железнодорожной техники в страны дальнего зарубежья и СНГ. Отметим, максимальный процент импорта в страны дальнего зарубежья в 2019 г. (более 82 %) зафиксирован по такой товарной позиции, как железнодорожные локомотивы с питанием от внешнего источника электроэнергии или аккумуляторные, а в страны СНГ (с показателем в 96 %) зафиксирован по позиции – вагоны железнодорожные или трамвайные, грузовые несамоходные.

Риски для технологической устойчивости (поддержания и обновления) воплощенных технологий (внедренных в действующий производственно-технологический контур) в производствах отечественных товаров для реального сектора экономики многократно возросли. Демпфером этих рисков может стать осуществление политики развивающего импортозамещения, суть которого заключается в локализации производств внутри страны с сохранением их конкурентоспособности в настоящем периоде и на перспективу. Развивающее импортозамещение в машиностроении и его структурообразующих отраслях способно вывести поток машин и оборудования

Рис. 5. Импортированная железнодорожная техника по коду ТНВЭД в 2019 г., % [12, 16]
Imported railway equipment according to the code of the Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity in 2019, %

Рис. 6. Импорт железнодорожной техники в страны Дальнего зарубежья и СНГ за 2019 г. по кодам ТНВЭД, % [12,16]

Import of railway equipment to non-CIS countries and the Commonwealth of Independent States for 2019 according to the codes of the Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity, %

отечественного производства на ведущие позиции по обеспечению техникой отечественного потребителя [7].

В то же время любое импортозамещение несет в себе сильную угрозу автаркического развития экономики. Ведь гипероптимистичной будет выглядеть гипотеза о возможности обеспечить отечественными конкурентоспособными технологиями весь спектр и уровни мировой технологической пирамиды и рынка инвестиционных товаров. Поэтому процесс исследования развивающего импортозамещения должен осуществляться одновременно и совместно с изучением возможностей импортозамещения продукцией из дружественных или нейтральных стран и с учетом параллельного импорта. Также в условиях тотального санкционного давления ведущих игроков Запада на экономику РФ, в том числе в области поставок домашнему производителю оборудования, частей и компонентов, остро встает вопрос о срочном или вынужденном импортозамещении. Это особенно касается частей и комплектующих в воплощенных (внедренных, действующих) технологиях отраслей, эксплуатирующих технику, в составе которой велик или критичен уровень западных частей и компонентов. То же самое уже стало относиться и к станочному парку в целом, поскольку во многих производствах он эксплуатируется в режиме 24/7 [2].

Рассмотрим основные проблемы развития взаимосвязи между машиностроением и сферой эксплуатации техники в настоящее время и на перспективный период на примере железнодорожного машиностроения и пассажирскими электропоездами. Здесь воедино слиты вопросы развития

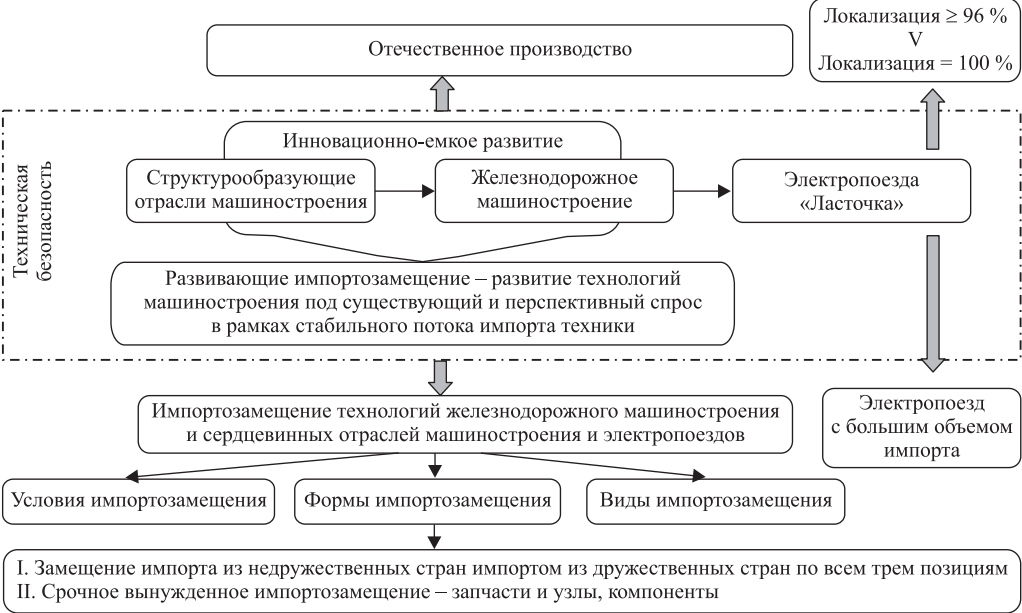

Рис. 7. Схема взаимосвязей текущего и перспективного развития железнодорожного машиностроения. Источник: составлено авторами

Scheme of relationships between the current and prospective development of railway engineering

машиностроения и его структурообразующих отраслей, экономики реального сектора и социально-экономические аспекты – возможность и эффективность перемещения населения (пассажиры) современными и экологичными видами транспорта.

На схеме (рис. 7) приведены основные взаимосвязи в рамках различных сценариев развития железнодорожного машиностроения. Причем в качестве концепции для построения сценариев нами, и это очевидно, выбран сценарий активного импортозамещения, при котором развивающее импортозамещение дополняется импортом из дружественных или нейтральных стран. При этом следует иметь в виду, что РФ ныне – это растущий рынок для домашнего производителя. Емкость рынка может быть оценена в 100 млрд долл. в год (см. рис. 1).

Развивающее импортозамещение, на схеме просматривается по цепочке «станкостроение и электротехника – железнодорожное машиностроение – пассажирские электропоезда», а активное импортозамещение дополняет развивающее импортом от дружественных или нейтральных игроков. Стабильный спрос на конечную продукцию совместно с потенциальными возможностями машиностроения гарантируют повышение эффективности в сферах производства и эксплуатации электропоездов [4].

Теперь необходимо проанализировать стартовые условия для перспективных вариантов поставки частей, компонентов и готовой продукции на рынок машиностроительной продукции в РФ и в конечном счете на возможности отечественных машиностроительных производств удовлетворить спрос на пассажирские электропоезда и их поддержание в нужном состоянии.

Отраслевой рынок продукции железнодорожного машиностроения

Традиционно отраслевую структуру машиностроения в РФ представляют несколькими крупнейшими отраслями. Это тяжелое машиностроение (производство металлургического, энергетического, горнодобывающего, нефтехимического оборудования, оборудования для АЭС и пр.) и общее машиностроение (авиаракетно-космическое, транспортное и с/х оборудование, станкостроение и инструментальное оборудование, судостроение и т.д.). Иногда в такой классификации присутствует и точное машиностроение (приборостроение, электронное машиностроение). С точки зрения межотраслевых поставок машин, оборудования, частей и компонентов среди этих отраслей структурообразующий для машиностроения характер имеют станкостроительная и инструментальная, электротехническая отрасли и отрасли точного машиностроения. От их состояния зависит работоспособность основных производственных технологий отраслей машиностроения, производящих инвестиционную технику для отраслей реального сектора экономики.

Железнодорожное машиностроение традиционно относят к категории тяжелого машиностроения, но согласно некоторым авторским оценкам, отрасль по своей сути должна относиться именно к транспортному машиностроению. Проблематика определения классификации железнодорожного машиностроения к той или иной группе заключается в характеристиках видов подотраслей. Так, например, предприятия группы отраслей тяжелого машиностроения определяются как крупные и характеризуются универсальностью производства, т.е. производят сразу все необходимые комплектующие и несколько видов продукции. Предприятия железнодорожного машиностроения, в частности производители пассажирских вагонов, являются крупными, но зачастую заводы специализированы, а детали поставляются, в том числе, и в импорте. С другой стороны, не все производители пассажирских вагонов тяготеют к металлургическим базам, что характерно для тяжелого машиностроения, так, например, Тверской вагоностроительный завод расположен в ЦФО (между тем, завод является одним из крупнейших предприятий страны и СНГ по производству различных типов пассажирских вагонов и комплектующих к ним). В то же время в железнодорожном машиностроении прослеживается одна из ключевых характеристик транспортного машиностроения, это крупносерийность производства готовой продукции [1].

В любом случае, существует специфическая особенность российской экономики, связанная с ее пространственным аспектом и с протяженностью логистических цепочек. Железнодорожное машиностроение вносит значительный вклад в обеспечение экономического роста, уровень развития данной отрасли во многом определяет конкурентоспособность страны и, что не менее важно, влияет на оборонно-промышленный потенциал. В соответствии с оценкой Института проблем естественных монополий, доля железнодорожного машиностроения в структуре ВВП не превышает 1 %

(около 0,62 %) [6], но при этом значительны мультипликативные эффекты в смежных отраслях экономики.

Согласно Стратегии развития транспортного машиностроения Российской Федерации на период до 2030 года, одной из задач российского транспортного машиностроения является повышение конкурентоспособности продукции машиностроения на внутреннем и внешних рынках [22]. Поэтому в рамках исследования представляется целесообразным рассмотреть монополизацию отрасли, в данном случае железнодорожного машиностроения в часть производства пассажирских вагонов, и взаимоотношения между игроками на рынке.

Отраслевой рынок железнодорожного машиностроения в части пассажирских поездов в России следует рассматривать как совокупность рынков отечественных и иностранных товаров, при анализе отраслевой структуры особым образом стоит рассматривать степень концентрации производителей и потребителей. Рынок отечественных игроков – производителей – представлен несколькими компаниями, имеющими свое производство на территории РФ, иностранные игроки представлены несколькими импортными продуктами. При помощи рыночной концентрации игроков на отраслевом рынке можно определить долю крупных фирм, доминирующих на указанном рынке, а также оценить их объем продаж [21]. Уровень концентрации игроков на рынке оказывает значительное влияние на их поведение. Так, рынок является более конкурентным в случае большего числа компаний на рынке, это рынок с низким уровнем концентрации. В случае меньшего числа компаний – игроков на рынке велика вероятность их тесного сотрудничества и согласованности действий, соответственно, такой рынок менее конкурентный, зачастую это – монополия, здесь уровень концентрации выше. При заданном числе игроков на рынке, чем больше они различны по объему реализации товара (по размеру), тем выше уровень концентрации игроков на рынке [5]. Анализ степени монополизации рынка продукции можно проводить при помощи показателей, позволяющих измерять степень концентрации производителей и покупателей, наиболее распространенные из них это индекс концентрации (коэффициент) CR_k , индекс Херфиндала–Хиршмана (НИ), показатель дисперсии рыночных долей, индекс энтропии, индекс Джинни и другие (см., например, [13]).

При анализе отраслевого рынка железнодорожного машиностроения в части пассажирских поездов стоит оценивать конкуренцию между российскими и импортными производителями. Это остается актуальным и при проведении политики активного импортозамещения, поскольку даже импортозамещение из дружественных стран не гарантирует долгосрочной устойчивости позиций потребителя техники на домашнем рынке. В этих условиях целесообразным представляется разграничение игроков на домашнем рынке на две группы, это отечественные производители вагонов электропоездов и производители вагонов скорых и скоростных электропоездов как отечественные, так и зарубежные. Такая классификация представляется подходящей, потому что во многих случаях маршруты электропоездов будут схожими, зачастую составы поездов принадлежат конкурирующим операторам на одних и тех же полигонах движения [20].

Разные подходы к классификации дают разные характеристики рынка, в рамках данной работы актуально определение потенциала отечественного производства с точки зрения развития инновационных технологий и возможностей российских производителей выпускать конкурентоспособную продукцию на отраслевом рынке железнодорожного машиностроения.

Производство

Железнодорожное машиностроение в РФ в части производства пассажирских электропоездов обеспечивается несколькими предприятиями. Это Демиховский машиностроительный завод, «Уральские локомотивы», Тверской вагоностроительный завод (до 2013 г. Торжокский вагоностроительный завод выпускал электропоезда, но в связи с банкротством прекратил свою деятельность, сейчас на территории бывшего завода располагаются некоторые цеха и мощности Тверского завода). В части производства вагонов локомотивной тяги отраслевой рынок обеспечивает Тверской вагоностроительный завод.

На российском рынке пассажирских электропоездов конкурируют два основных производителя различного железнодорожного подвижного состава, это Группа Синара и Трансмашхолдинг (ТМХ). Демиховский машиностроительный завод и Тверской вагоностроительный завод входят в Акционерное общество «Трансмашхолдинг», а компания «Уральские локомотивы» является совместным предприятием Группы Синара и концерна Siemens. Соответственно, между электропоездами двух корпораций идет постоянная конкуренция за освоение новых рынков перевозок, за географию расширения и распространения подвижного состава по всей стране и в странах СНГ [15].

В железнодорожном машиностроении производственные показатели вагонов подразделяются на несколько категорий, это вагоны грузовые магистральные, вагоны пассажирские магистральные, вагоны электропоездов, вагоны метрополитена, вагоны трамвайные. В рамках данного исследования представим подробную статистику показателей пассажирских магистральных поездов и электропоездов в табл. 1, для описания ситуации на рынке игроков будем рассматривать 2019 г. (динамика производства показательна для экономики страны).

Линейка современных пассажирских электропоездов представлена шестью моделями и модификациями, каждый из которых имеет свою географию перевозок и своего заказчика на маршрутную сеть (на 2019 г.).

Демиховский машиностроительный завод выпускает электропоезда постоянного тока ЭП2Д и электропоезда переменного тока ЭП3Д, также на заводе готовят моторные тележки, колесные пары для рельсовых автобусов и вагонов метро, занимаются производством запасных частей и комплектующих, капитальным ремонтом подвижного состава [24]. Вагоны электропоездов ЭП2Д и ЭП3Д были созданы по техническим заданиям ОАО «РЖД» и ОАО «ЦППК» в 2015–2016 гг. Среди прочей аналогичной продукции цена пригородного электропоезда ЭП2Д является самой низкой, составляет 500 млн руб. за 11-вагонный состав [19]. В 2019 г. для Деми-

Таблица 1

**Железнодорожное машиностроение, показатели производства
пассажирских вагонов**
Railway engineering, production indicators for passenger cars

Показа- тель, ед.	Год	2019													2018
	Месяц	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Итого	Итого
Вагоны электропоездов		27	52	91	67	80	60	56	42	87	71	84	74	791	565
Производство электропоездов вагонов по предприятиям	Демиховский машинострои- тельный завод	83			97			90			87			357	358
	«Уральские локомотивы»	39			50			53			65			207	207
	Тверской вагонострои- тельный завод	48			60			42			77			227	0
Вагоны пассажирские магистральные		48	71	69	73	66	69	68	36	64	56	50	152	822	966
Производство вагонов пассажирских локомотивной тяги по предприятиям	Тверской вагонострои- тельный завод	188			208			168			258			822	966

ховского машиностроительного завода наиболее продуктивным оказался II квартал с числом изготовленной продукции в 97 вагонов, менее всего было произведено в I квартале – 83 вагона, в общей сложности за год произвели 357 вагонов, что менее, чем в прошлом году, на 1 вагон.

Продукция «Уральских локомотивов» представлена грузовыми электровазонами 2ЭС6 «Синара», 2ЭС7, 2ЭС10 «Гранит» и электропоездом «Ласточка». В 2009 г. по заказу ОАО «РЖД» немецкое предприятие Siemens начало разработку специальных пригородных электропоездов и с 2011 по 2014 г. на заводе в Крефельде изготовили 54 электропоезда с рабочим названием Desiro RUS [8]. И уже в 2014 г. «Уральские локомотивы» выпустили первый вагон «Ласточки» на базе российских и немецких технологий. Максимальный выпуск вагонов в 2019 г. был отмечен в IV (65 вагонов), минимальный (39) в I квартале. Всего за год Свердловское предприятие выпустило 207 вагонов, что равно объему выпуска предыдущего года.

Тверской вагоностроительный завод обеспечивает железнодорожную отрасль широким рядом пассажирских вагонов, вагонами грузовыми и специального назначения, производит тележки для пассажирских вагонов локомотивной тяги и запчасти, а также электропоезда «Иволга» трех видов: ЭГ2Тв «Иволга», ЭГ2Тв «Иволга 1.0» и ЭГ2Тв «Иволга 2.0» (составностью

от 5 до 10 вагонов) [11]. В 2019 г. максимальный выпуск вагонов на заводе пришелся на IV квартал – 77 вагонов, а минимальный на III – 42 вагонов, в целом за год выпущено 227 вагонов, а в 2018 г. серийное производство еще не осуществлялось. Поезда, вышедшие на маршруты в 2017 г., являлись опытными составами и в общей годовой статистике не учитывались.

За анализируемый период предприятиями по производству электропоездов вагонов была выпущена 791 единица подвижного состава, что превышает объем производства предыдущего года на 28,6 %.

В целом за 2019 г. 35,5 % продукции всех предприятий, выпускающих вагоны электропоездов, было закуплено ОАО «РЖД», остальная часть представляет собой заказы прочих компаний, например, Тверской вагоностроительный завод с 2019 г. обеспечивает отраслевой рынок такой продукцией, как электропоезда «Иволга» (ЭГ2Тв) для ОА «ЦППК» [10].

Пассажирскими вагонами локомотивной тяги отраслевой рынок обеспечивает Тверской вагоностроительный завод, это продукция по заказу отечественных операторов, вагон-ресторан двухэтажный модели 61-4525, вагон пассажирский двухэтажный купейный штабной со спальными местами и прочие вагоны, и продукция на экспорт (модель 61-4514) [26]. Так, ОАО «ТВЗ» по заказу Египетских национальных железных дорог поставил вагоны пассажирские 3-го класса с местами для сидения, осенью 2018 г. был заключен контракт стоимостью более 1 млрд евро на поставку 1300 вагонов [14]. Но в целом основным заказчиком на отраслевом рынке сегмента пассажирских вагонов локомотивной тяги является АО «ФПК» (дочерняя компания ОАО «РЖД»), доля от общего объема потребления отечественного производства за 2019 г. составила 69,7 % (в 2017 – 86, 2018 – 90,6, в 2020 г. – 56,6 %) [10]. За рассматриваемый год для Тверского завода самым продуктивным кварталом оказался IV, так как выпуск составил 258 вагонов, напротив, менее всего было произведено в III квартале – 168 вагонов. Итого за 2019 г. в соответствии с запросами операторов было произведено 822 вагона пассажирских локомотивной тяги, что по объему выпуска на 15 % меньше, чем в предыдущем аналогичном периоде.

Производством вагонов на локомотивной тяге занимался и ЗАО «ВАГОНМАШ». На предприятии выпускали вагоны для метрополитена Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Минска, Киева; пассажирские вагоны моделей Ем, Ема-502М/Ем-501М, 81-717/714, 81-540/541, НеВа и их модификации, после 2013 г. завод «Вагонмаш» признан банкротом. Старейший производитель пассажирских вагонов для железных дорог и электровагонов для подвижного состава метрополитена был наиболее успешен до 2010 г.

Стоит отметить, что в разные годы выпускались и другие модели пассажирских вагонов, не описанные в работе, но рассматривать все виды и их производителей не представляется актуальным (выбытие подвижного состава, банкротство предприятий, смена собственников, изменение типа продукции и др.).

Рыночная доля российских предприятий по производству электропоездов вагонов за 2019 г. отражена в табл. 2.

Таблица 2

Российские предприятия, выпускающие вагоны электропоездов
Russian enterprises producing electric train cars

Предприятие	Выпуск продукции за 2019 г., ед.	Рыночная доля, %
Демидовский машиностроительный завод	357	45,1
«Уральские локомотивы»	207	26,2
Тверской вагоностроительный завод	277	28,7

Данные табл. 2 показывают преимущественное положение Демидовского машиностроительного завода в сравнении с конкурентами, так как рыночная доля составляет практически половину всего отраслевого рынка – 45,1 %. Два других предприятия делят рыночные доли примерно в равных соотношениях. Расчет индекса концентрации подтверждает монополизацию данного рынка, значение CR_k равно 1, что соответствует отсутствию конкуренции. Показатель индекса Херфиндаля – Хиршмана более чувствителен к изменению долей компаний на рынке, потому получил большую распространенность. В данном случае значение индекса составило 3544,14, что полностью превышает нормативный показатель значения в 1800, и соответствует характеристикам высококонцентрированного рынка, в нашем случае – рынка монополии.

Рыночная доля российского предприятия по производству вагонов локомотивной тяги за 2019 г. составляет 100 %, Тверской вагоностроительный завод оказался единственным производителем. В то же время отраслевой рынок покупателей данной продукции представлен единственным заказчиком в лице ОАО «Федеральной пассажирской компании» (дочерняя компания ОАО «РЖД»).

В парке холдинга ОАО «РЖД», помимо упомянутых, числились поезда зарубежного производства, адаптированные под российские дороги по специальному заказу. Это 4 скоростных поезда «Аллегро» (составностью 7 вагонов), 7 «Стрижей» (составностью 20 вагонов), 16 высокоскоростных «Сапсанов» (составность 10 вагонов) (на 2019 г.).

Так, скоростные испанские поезда Talgo 9 (компания-изготовитель «Patentes Talgo, S.L.», произведены на территории Испании, модифицированы под российские дороги по заказу ОАО «РЖД» на базе испанского поезда Talgo Intercity), получившие название «Стриж», курсировали между крупными городами, например, Москва – Нижний Новгород, всего приобретено 4 состава поезда с преобладанием сидячих вагонов и 3 состава с преобладанием спальных вагонов, общее количество выпущенных вагонов составило 140 единиц. Скоростной поезд состоит из вагонов Talgo, а головной вагон – электровоз двойного питания ЭП20 (ОАО «НЭВЗ») или ЭП2К и ТЭП70БС (АО «Коломенский завод»). Ввиду того, что электроснабжение вагона Talgo для обеспечения собственных нужд осуществляется от дизель-генератора, а тянет состав электровоз, «Стрижи» можно отнести к категории электропоездов [23].

Высокоскоростной «Аллегро» разработала французская компания «Alstom» по итальянскому проекту для российских и финских железных

дорог. «Аллегро» был предназначен для маршрута между двумя городами: Санкт-Петербургом и Хельсинки, технической особенностью поезда является возможность работать как на линиях с переменным, так и постоянным током. Все 7 вагонов 4 скоростных поездов являются сидячими. Эксплуатация данных зарубежных поездов в настоящее время приостановлена на территории РФ из-за санкций.

Высокоскоростной электропоезд «Сапсан», в отличие от других зарубежных проектов, продолжает эксплуатироваться на российских железных дорогах, техническое обслуживание и капитальный ремонт составов производят своими силами. Все вагоны поезда являются также сидячими и различаются классами обслуживания, на данный момент таких поездов 16 с составностью 10 вагонов [9].

На сети российских железных дорог курсируют поезда, произведенные швейцарской компанией «Stadler Rail AG», эти составы созданы и произведены специально по заказу оператора ООО «Аэроэкспресс» и полностью адаптированы под российские условия. Электропоезд «Штадлер» предназначен для эксплуатации на электрифицированных постоянным током линиях железных дорог. Производство первых электропоездов осуществлялось в Швейцарии, далее сборка производилась в Белоруссии. Всего на балансе ООО «Аэроэкспресс» числится 11 двухэтажных поездов: 9 с составностью по 6 вагонов и 2 поезда с составностью по 4 вагона. Поезда предназначены для эксплуатации в качестве пригородных экспрессов, маршруты следования которых – Московские железнодорожные вокзалы – аэропорты.

Отразим рыночную долю различных вагонов электропоездов предприятий российского и импортного производства по состоянию на 2019 г. (весь эксплуатируемый подвижной состав) в табл. 3.

Таблица 3

**Вагоны электропоездов российских и зарубежных производителей
(скорые и высокоскоростные)**

Cars of electric trains of Russian and foreign manufacturers (fast and high-speed)

№ п/п	Предприятие	Вагоны по состоянию на 2019 г., ед.*	Рыночная доля, %
1	Тверской вагоностроительный завод, поезд «Иволга»	237	13,5
2	«Уральские локомотивы», поезд «Ласточка»	1124	64,2
3	Швейцарская компания «Stadler Rail AG», поезд «Штадлер»	62	3,5
4	Французская компания «Alstom», поезд «Аллегро»	28	1,6
5	Немецкая компания Siemens, поезд «Сапсан»	160	9,2
6	Испанская компания «Patentes Talgo, S.L.», поезд «Стриж»	140	8

* Авторы ориентируются на статистику журнала «Техника железных дорог».

По данным табл. 3 доминирующее положение принадлежит ООО «Уральские локомотивы» в сравнении с конкурентами, так как рыночная доля предприятия превышает половину всего отраслевого рынка – 64,2 %. С рыночной долей в 13,5 % на втором месте находится Тверской вагоностроительный завод. Лидирующие положения на рынке вагонов электропоездов из шести различных поставщиков занимают предприятия отечественного производства (с учетом высокого процента локализации поездов «Ласточка»).

Количество поставщиков вагонов электропоездов на российский рынок, включая отечественных и зарубежных, на 2019 г. не превысило десяти товаропроизводителей и составило шесть. По мнению экспертов, такое положение характеризует достаточно неплохие рыночные условия для игроков отраслевого рынка как внутренних, так и внешних производителей, в целом ситуация в отрасли складывалась достаточно благоприятная.

Однако современная экономическая обстановка диктует постоянно изменяющиеся правила игры для производителей подвижного состава железнодорожного машиностроения.

Заключение

Диапазон перспективных возможностей определяется следующими условиями. Они могут меняться в зависимости от реализации программ импортозамещения, в том числе инвестиционной программы «Железнодорожное машиностроение и компоненты на 2022–2024 годы» и программ развития структурообразующих отраслей машиностроения, актуальные версии которых разрабатываются ныне. От уровня их реализации зависит доля домашнего производителя (развивающее импортозамещение) в процессе активного импортозамещения (отечественное производство и импортозамещение из дружественных стран) в ближайшие 2–3 года.

В качестве базовых данных был выбран 2019 г. как год, результаты которого определялись экономическими и технологическими соображениями, а не флуктуациями, не имеющими отношения к нормальной экономической деятельности (так, например, см. рис. 5, 6). При этом объем импорта может быть рассмотрен в качестве потенциала спроса на продукцию железнодорожного машиностроения. Имеется два сценария развития сферы применения пассажирских электропоездов.

Первый сценарий предполагает успешность политики активизации инновационно-инвестиционного процесса в связке «структурообразующие отрасли машиностроения – железнодорожное машиностроение – сфера применения электропоездов». В этом случае можно ожидать роста производства в железнодорожном машиностроении и в соответствующих производствах прежде всего станкостроения. В рамках такого сценария просматривается процесс возрождения отечественного машиностроения на новой, более высокой технологической основе.

Процесс развивающего импортозамещения представляет собой довольно продолжительный временной период, эффект от которого можно увидеть в зависимости от поддержки государства, как минимум, через не-

сколько лет. Имеющиеся на сегодня производственные площадки, в том числе созданные покинувшими страну компаниями, позволяют в той или иной мере продолжать, не начиная с самого начала, технологические процессы, делая в полной мере упор на локализацию. Углубление уровня локализации в сложившихся условиях является логичным, а в определенных отраслях промышленности и необходимым, последующим этапом для развития отечественной базы железнодорожных производств.

Второй сценарий наиболее реалистичен в форме тотальной замены отечественных электропоездов на дружественный импорт, в первую очередь, от наиболее продвинутого в технологическом плане игрока (КНР) [17]. В поставках электропоездов для нашей страны заинтересован один из крупнейших мировых производителей подвижного состава – китайская корпорация CRRC. Переговоры о возможном сотрудничестве и о размерах капитальных вложений, технологической составляющей и других аспектах ведутся уже не первый год [25]. В определенном смысле это не самый плохой вариант развития, поскольку здесь просматривается отказ от автаркического развития и есть возможность сосредоточения ограниченных инновационно-емких ресурсов на обеспечении высокотехнологичных отраслей и производств, непосредственно формирующих технологическую безопасность отечественной экономики. В то же время наиболее важным и целесообразным является достижение импортонезависимости по ключевым узлам ПС, оборудованию и системному обеспечению для машиностроения, а допустимым – поставка компонентов, которые не особо важны для процесса сборки. Весь процесс активного импортозамещения может просто потерять смысл в случае отсутствия нескольких существенных деталей против сотни имеющихся позиций российского производства или импортированных из дружественных стран. Авторы в полной мере отдают себе отчет в необходимости детальной проработки обоих сценариев.

Одним из факторов наличия и сохранения на рынке отечественного железнодорожного машиностроения конкурентоспособной линейки подвижного состава, в том числе и развитие компетенций в сервисном обслуживании, а именно пассажирских электропоездов различных модификаций и технических характеристик, является практика заключения крупных долгосрочных контрактов жизненного цикла. Для обеспечения бесперебойного производства и условий разработки модификаций ПС и поддержания качества выпускаемой продукции, например, соответствие жестким требованиям заказчиков на продукцию с передовыми технологиями¹, необходимо наличие специфического заказа. В текущих условиях важнейшей задачей определяется сохранение темпов технологического развития отечественного железнодорожного машиностроения, которое наблюдалось в последние годы. Одним из направлений для российской экономики в части государственной поддержки должен быть вектор на защиту интересов железнодорожного машиностроения при распределении финансирования в структуре всех секторов машиностроения.

¹ Допустимое отклонение для установки оборудования по производству корпуса вагона электропоезда «Ласточка» не более 2 мм.

Акцент государственной политики на импортозамещение технологий производства, оборудования, комплектующих запчастей железнодорожного подвижного состава, акцент на подготовку высококвалифицированных специалистов узкого профиля за рубежом, который наблюдался в последнее десятилетие, должен быть смещен ввиду особенностей развития текущих мировых взаимоотношений на поддержку внутренних разработок и инновационных проектов [3]. Зачастую такой подход был связан с экономически нецелесообразной разработкой отечественных аналогов. Но новый подход положительно повлияет на укрепление отраслевых взаимосвязей смежных секторов экономики [18].

Добавим, согласно открытым данным и публикациям СМИ, с февраля 2022 г. в РФ принят целый комплекс мер, направленный на поддержание российских производителей и развитие отечественной научной и производственной базы, а также программного обеспечения. Получение результатов (а какими они будут – это открытый вопрос, так как ситуация на внутреннем и внешнем рынках меняется практически ежедневно) таких мер оказания поддержки, по оценкам аналитиков, ожидается в течение ближайших нескольких лет.

Список источников

1. Баранчиков Е.В. Железнодорожное машиностроение России // География в школе. 2021. № 2. С. 3–9. DOI: 10.47639/0016-7207_2021_2_3
2. Белоусов Д.Р., Сальников В.А., Апокин А.Ю., Фролов И.Э. Направления технологической модернизации ведущих отраслей российской промышленности // Проблемы прогнозирования. 2008. № 6 (111). С. 3–18.
3. Борисов В.Н., Буданов И.А., Моисеев А.К., Панфилов В.С. Необходимые условия модернизации российской обрабатывающей промышленности на примере тяжелого машиностроения // Проблемы прогнозирования. 2012. № 1 (130). С. 20–38.
4. Буданов И.А. Черная металлургия в экономике России / Рос. акад. наук, Ин-т народнохозяйственного прогнозирования. М.: МАКС Пресс, 2002. 427 с.
5. Варакса А.М., Григорьев Е.А. Оценка монополизации железнодорожного машиностроения // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 1. С. 164–167.
6. Железнодорожное машиностроение: состояние отрасли в 2021 году и предложения ИПЕМ по новым мерам поддержки // Экономика железных дорог. 2021. № 8. С. 11–12.
7. Котлярова С.Н., Лаврикова Ю.Г., Аверина Л.М. Роль локализации промышленного производства в политике импортозамещения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 5. С. 115–127. DOI: 10.15838/esc/2017.5.53.8
8. Лаврикова Ю.Г., Аверина Л.М. Стратегические основы реализации потенциала импортозамещения на примере железнодорожного машиностроения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3 (39). С. 85–99. DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.7
9. Новоселов Д.Е. Санкции как фактор развития российского производства высокоскоростных поездов для ОАО «РЖД» // Экономика и современный менеджмент: теория, методология, практика: сборник статей XIV Международной научно-практической конференции (Пенза, 05 апреля 2022 года). Пенза: Наука и Просвещение, 2022. С. 103–105.

10. Поликарпов А.А., Белов С.А. Мировой рынок подвижного состава: вызовы 2022 года для России и мира / Информационно-аналитическое агентство ROLLINGSTOCK Agency (RSA). М., 2022. 25 с.
11. Поликарпов А.А., Скок И.А. Железнодорожное машиностроение России: результаты 2019 года и перспективы отрасли // Вестник Института проблем естественных монополий: Техника железных дорог. 2020. № 1 (49). С. 37–43.
12. Российский статистический ежегодник. 2021: Стат. сб. Росстат. М., 2021. 692 с.
13. Рой Л.В., Третьяк В.П. Анализ отраслевых рынков: Учебник. М.: Инфра-М, 2008. 442 с.
14. Саакян Ю.З., Савчук В.Б., Поликарпов А.А. и др. Мировой рынок железнодорожного машиностроения 2019–2020. Аналитический обзор. М.: ИПЕМ, 2021. 144 с.
15. Татаркин А.И., Баженов С.И., Макарова И.В. Конкурентные тренды формирования отраслевого рынка транспортного машиностроения // Экономическое возрождение России. 2015. № 3 (45). С. 50–61.
16. Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации. Годовой сборник. М.: ФТС России, 2010–2020.
17. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А., Мустафаев А.А. Инновационное развитие железнодорожного транспорта в государствах Центральной Азии // Региональные проблемы преобразования экономики. 2011. № 2 (28). С. 84–102.
18. Шувалова Д.Г., Овчинникова Ю.А., Лыкова О.А. Сравнительный анализ отраслевых рынков энергомашиностроительной отрасли и энергетики // E-Management. 2022. Т. 5, № 2. С. 109–120. URL: <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-2-109-120>
19. Эволюция электрички // Тематическое приложение к ежедневной деловой газете РБК. Понедельник. 4 декабря 2017. № 209 (2706). С. 12–13.
20. Янков К.В., Плотникова Д.А. Конкуренция между пассажирскими компаниями на сети российских железных дорог // Экономика железных дорог. 2019. № 6. С. 60–67.
21. Ярошевич Н.Ю. Модель структурирования промышленного рынка машиностроения // Journal of New Economy. 2019. Т. 20, № 3. С. 101–115. DOI: 10.29141/26585081-2019-20-3-7
22. Стратегия развития транспортного машиностроения Российской Федерации на период до 2030 года (с изменениями на 13 октября 2022 года). Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2017 года N 1756-р. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_222901/c431dcfc83314136adc03be82f485ee7413a192d/ (дата обращения: 20.12.2022).
23. Высокоскоростное и скоростное движение в России. «Инновационный дайджест». [Информационный ресурс компании ОАО «РЖД»]. URL: http://www.rzd-expo.ru/innovation/high_speed_traffic_and_infrastructure/skorostnoy-passazhirskiy-poezd-strizh/ (дата обращения: 12.12.2022).
24. Демиковский машиностроительный завод. [Официальный сайт]. URL: <http://www.dmzavod.ru/products/> (дата обращения: 05.12.2022).
25. ОАО «РЖД». [Официальный сайт]. URL: <https://company.rzd.ru/ru/9401/page/78314?id=140034> (дата обращения: 11.12.2022).
26. ОАО «ТВЗ». [Официальный сайт]. URL: <http://www.tvz.ru/catalog/> (дата обращения: 06.12.2022).

References

1. Baranchikov E.V. Zheleznodorozhnoe mashinostroenie Rossii [Railway engineering in Russia], *Geografija v shkole [Geography at school]*, 2021, no. 2, pp. 3–9. DOI: 10.47639/0016-7207_2021_2_3

2. Belousov D.R., Sal'nikov V.A., Apokin A.Ju., Frolov I.Je. Napravlenija tehnologicheskoy modernizacii vedushhih otraslej rossijskoj promyshlennosti [Directions of technological modernization of the leading branches of the Russian industry], *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting], 2008, no. 6 (111), pp. 3–18.
3. Borisov V.N., Budanov I.A., Moiseev A.K., Panfilov V.S. Neobhodimye uslovija modernizacii rossijskoj obrabatyvajushhej promyshlennosti na primere tjazhelogo mashinostroenija [Necessary conditions for the modernization of the Russian manufacturing industry on the example of heavy engineering], *Problemy prognozirovaniya* [Forecasting problems], 2012, no. 1 (130), pp. 20–38.
4. Budanov I.A. Chernaja metallurgija v jekonomike Rossii [Ferrous metallurgy in the Russian economy]. Ros. akad. nauk, In-t narodnohozjajstvennogo prognozirovaniya. Moscow, MAKSS Press, 2002. 427 p.
5. Varaksa A.M., Grigor'ev E.A. Ocenka monopolizacii zheleznodorozhnogo mashinostroenija [Assessment of the monopolization of railway engineering], *Vestnik jekonomiki, prava i sociologii* [Vestnik of Economics, Law and Sociology], 2020, no. 1, pp. 164–167.
6. Zheleznodorozhnoe mashinostroenie: sostojanie otrasli v 2021 godu i predlozhenija IPeM po novym meram podderzhki [Railway engineering: the state of the industry in 2021 and IPeM proposals for new support measures], *Jekonomika zheleznih dorog* [Economics of Railways], 2021, no. 8, pp. 11–12.
7. Kotljarkova S.N., Lavrikova Ju.G., Averina L.M. Rol' lokalizacii promyshlennogo proizvodstva v politike importozameshhenija [The role of localization of industrial production in the policy of import substitution], *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2017, vol. 10, no. 5, pp. 115–127. DOI: 10.15838/esc/2017.5.53.8
8. Lavrikova Ju.G., Averina L.M. Strategicheskie osnovy realizacii potenciala importozameshhenija na primere zheleznodorozhnogo mashinostroenija [Strategic foundations for realizing the potential of import substitution on the example of railway engineering], *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2015, no. 3 (39), pp. 85–99. DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.7
9. Novoselov D.E. Sankcii kak faktor razvitija rossijskogo proizvodstva vysokoskorostnyh poezdov dlja OAO «RZhD» [Sanctions as a factor in the development of Russian production of high-speed trains for Russian Railways]. *Jekonomika i sovremennij menedzhment: teorija, metodologija, praktika: sbornik statej XIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Penza, 05 aprelja 2022 goda). Penza: Nauka i Prosveshhenie, 2022. Pp. 103–105.
10. Polikarpov A.A., Belov S.A. Mirovoj rynek podvizhnogo sostava: vyzovy 2022 goda dlja Rossii i mira [The global rolling stock market: the challenges of 2022 for Russia and the world]. Informacionno-analiticheskoe agentstvo ROLLINGSTOCK Agency (RSA). Moscow, 2022. 25 p.
11. Polikarpov A.A., Skok I.A. Zheleznodorozhnoe mashinostroenie Rossii: rezul'taty 2019 goda i perspektivy otrasli [Railway engineering in Russia: results of 2019 and prospects for the industry], *Vestnik Instituta problem estestvennyh monopolij: Tehnika zheleznih dorog* [Vestnik of the Institute for Problems of Natural Monopolies: Railway Engineering], 2020, no. 1 (49), pp. 37–43.
12. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2021: Stat. sb. [Russian Statistical Yearbook]. Rosstat. Moscow, 2021. 692 p.
13. Roj L.V., Tret'jak V.P. Analiz otraslevyh rynkov: Uchebnik [Analysis of industrial markets: Textbook]. Moscow, Infra-M, 2008. 442 p.
14. Saakjan Ju.Z., Savchuk V.B., Polikarpov A.A. et al. Mirovoj rynek zheleznodorozhnogo mashinostroenija 2019–2020 [World market of railway engineering 2019–2020]. Analiticheskij obzor. Moscow, IPeM, 2021. 144 p.

15. Tatarkin A.I., Bazhenov S.I., Makarova I.V. Konkurentnye trendy formirovaniya otraslevogo rynka transportnogo mashinostroeniya [Competitive trends in the formation of the industry market of transport engineering], *Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic revival of Russia], 2015, no. 3 (45), pp. 50–61.
16. Tamozhennaja statistika vneshnej trgovli Rossijskoj Federacii [Customs statistics of foreign trade of the Russian Federation]. Godovoj sbornik. Moscow, FTS Rossii, 2010–2020.
17. Cvetkov V.A., Zoidov K.H., Medkov A.A., Mustafaev A.A. Innovacionnoe razvitie zheleznodorozhnogo transporta v gosudarstvah Central'noj Azii [Innovative development of railway transport in the states of Central Asia], *Regional'nye problemy preobrazovanija jekonomiki* [Regional problems of transformation of the economy], 2011, no. 2 (28), pp. 84–102.
18. Shuvalova D.G., Ovchinnikova Ju.A., Lykova O.A. Sravnitel'nyj analiz otraslevykh rynkov jenergomashinostroitel'noj otrasli i jenergetiki [Comparative analysis of industry markets in the power engineering industry and energy], *E-Management*, 2022, vol. 5, no. 2, pp. 109–120. URL: <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-2-109-120>
19. Jevoljucija jelektrichki [The evolution of the electric train], *Tematicheskoe prilozhenie k ezheдневной деловой газете RBK* [Thematic supplement to the daily business newspaper RBC], Ponedel'nik, 4 dekabrja, 2017, no. 209 (2706), pp. 12–13.
20. Jankov K.V., Plotnikova D.A. Konkurencija mezhdru passazhirskimi kompanijami na seti rossijskikh zheleznyh dorog [Competition between passenger companies on the network of Russian railways], *Jekonomika zheleznyh dorog* [Economics of Railways], 2019, no. 6, pp. 60–67.
21. Jaroshevich N. Ju. Model' strukturirovaniya promyshlennogo rynka mashinostroeniya [Model of structuring the industrial market of mechanical engineering], *Journal of New Economy*, 2019, vol. 20, no. 3, pp. 101–115. DOI: 10.29141/26585081-2019-20-3-7
22. Strategija razvitiya transportnogo mashinostroeniya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda (s izmenenijami na 13 oktjabrja 2022 goda). [Strategy for the development of transport engineering of the Russian Federation for the period up to 2030 (with changes as of October 13, 2022)]. Utverzhdena rasporjazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 17 avgusta 2017 goda N 1756-r. [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_222901/c431dcfc83314136adc03be82f485ee7413a192d/ (accessed: 20.12.2022).
23. Vysokoskorostnoe i skorostnoe dvizhenie v Rossii. «Innovacionnyj dajdzhest» [High-speed and high-speed traffic in Russia. “Innovation Digest”]. [Informacionnyj resurs kompanii OAO «RZhD»]. Available at: http://www.rzd-expo.ru/innovation/high_speed_traffic_and_infrastructure/skorostnoy-passazhirskiy-poezd-strizh/ (accessed: 12.12.2022).
24. Demihovskij mashinostroitel'nyj zavod. [Demikhov Machine-Building Plant [Official site]. Available at: <http://www.dmzavod.ru/products/> (accessed: 05.12.2022).
25. OAO «RZhD». [Russian Railways]. [Official site]. Available at: <https://company.rzd.ru/ru/9401/page/78314?id=140034> (accessed: 11.12.2022).
26. OAO «TVZ». [JSC “TVZ”]. [Official site]. Available at: <http://www.tvz.ru/catalog/> (accessed: 06.12.2022).

Сведения об авторах:

В.Н. Борисов – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, Москва, Российская Федерация.

Д.А. Плотникова – младший научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, Москва, Российская Федерация.

Information about the authors:

V.N. Borisov – Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

D.A. Plotnikova – Junior Researcher, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

<i>Статья поступила в редакцию</i>	<i>12.01.2023</i>	<i>The article was submitted</i>	<i>12.01.2023</i>
<i>Одобрена после рецензирования</i>	<i>20.01.2023</i>	<i>Approved after reviewing</i>	<i>20.01.2023</i>
<i>Принята к публикации</i>	<i>28.01.2023</i>	<i>Accepted for publication</i>	<i>28.01.2023</i>

Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 129–139
Vestnik NSUEM. 2023. No. 1. P. 129–139

Научная статья

УДК 339

DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-129-139

РОЛЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО МАКРОРЕГИОНА В СОХРАНЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ СО СТРАНАМИ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

Меджидов Заур Уруджалиевич

Дагестанский государственный университет народного хозяйства

Zaur-medzhidov@mail.ru

Аннотация. Сегодня Россия развивает давние внешнеэкономические связи со многими странами Азиатского континента, с некоторыми из них имеется внушительная сухопутная и морская граница. Для дальнейшего развития отношений с этими государствами необходим учет современных тенденций их развития, включая новые интеграционные форматы, прежде всего действующие на Азиатском континенте. Цель статьи – исследовать роль Дальневосточного макрорегиона России в сохранении экономического потенциала со странами Азиатского региона. Предметом настоящего исследования выступают организационно-экономические отношения, возникающие в процессе взаимодействия между Россией и, в частности, Дальневосточным регионом и азиатскими странами. В работе применялись общенаучные методы исследования (системность, сравнение, анализ). К результатам работы следует отнести систематизацию перспективных направлений сотрудничества России и Дальнего Востока с азиатскими странами, а также анализ текущего состояния взаимодействия между странами на рынке торговли. Результаты проведенного исследования могут быть использованы органами внешнеэкономической деятельности в контексте развития Дальневосточного макрорегиона.

Ключевые слова: Дальний Восток, Азия, азиатские страны, партнеры, взаимодействие

Для цитирования: Меджидов З.У. Роль Дальневосточного макрорегиона в сохранении экономического потенциала России со странами Азиатского региона // Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 129–139. DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-129-139.

Original article

THE ROLE OF THE FAR EASTERN MACROREGION IN KEEPING THE ECONOMIC POTENTIAL OF RUSSIA WITH THE COUNTRIES OF THE ASIAN REGION

Medzhidov Zaur U.

Dagestan State University of National Economy

Zaur-medzhidov@mail.ru

Abstract. Today, Russia is developing longstanding foreign economic relations with many countries of the Asian continent, with some of which there is an impressive land and sea border. For the further development of relations with these states, it is necessary to

© Меджидов З.У., 2023

take into account the current trends in their development, including their new integration formats, primarily operating on the Asian continent. The purpose of the article is to explore the role of the Far Eastern macroregion of Russia in maintaining the economic potential with the countries of the Asian region. The subject of this study is the organizational and economic relations that arise in the process of interaction between Russia and, in particular, the Far East region and Asian countries. The work used general scientific research methods (consistency, comparison, analysis). The results of the work include the systematization of promising areas of cooperation between Russia and the Far East with Asian countries, as well as an analysis of the current state of interaction between countries in the trade market. The results of the study can be used by the authorities for foreign economic activity in the context of the development of the Far Eastern macroregion.

Keywords: Far East, Asia, Asian countries, partners, interaction

For citation: Medzhidov Z.U. The role of the Far Eastern macroregion in keeping the economic potential of Russia with the countries of the Asian region. *Vestnik NSUEM*. 2023; (1): 129–139. (In Russ.). DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-129-139

Введение

Сегодня в условиях проведения специальной военной операции на Украине, на нашу страну оказывается беспрецедентное внешнее влияние путем осуществления санкционной политики в различных секторах экономики. Россия испытывает колоссальное давление на внешнеполитической арене, обострились внешнеэкономические отношения с «коллективным Западом». В этой связи наша страна нуждается в поиске новых партнеров либо наращивании взаимодействия с уже устоявшимися. Исходя из этого одним из приоритетных векторов внешнеторговой политики Российской Федерации выступает – азиатский. Действительно, в последние годы под влиянием смещения центра тяжести мировой экономики в Азиатский регион во внешней торговле РФ повышается доля азиатских стран. Украинский кризис способствовал переориентации внешней политики нашей страны в сторону Азии, которая получила несколько серьезных стимулов дальнейшего развития.

В настоящее время является активным участником ряда международных альянсов и площадок, локализованных на азиатский рынок. В первую очередь это Шанхайская организация сотрудничества, ориентированная на решение задач по пресечению терроризма в странах-участниц, а также развитие экономического партнерства, энергетического сотрудничества и пр. Участие России в ШОС позволяет укрепить и расширить государственные интересы в различных направлениях сотрудничества с азиатскими коллегами, в том числе с экономическими сильными стратегическими партнерами – Индия и КНР.

Помимо участия в ШОС, наша страна является членом Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (Asian Infrastructure Investment Bank, АИВ). Банк – институт стимулирования финансового сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), финансирования инфраструктурных проектов в Азии в сфере транспорта, связи, недвижимости и т.д. Кроме того, Россия – полномасштабный партнер по диалогу с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (ASEAN).

Следует также упомянуть о постоянном участии России в саммитах Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, Азиатского экономического форума. Подобную инициативу наблюдаем и со стороны азиатских партнеров, принимающих активное участие на полях Российского инвестиционного форума, Восточного экономического форума, Петербургского международного экономического форума.

Немаловажное значение для России имеет участие в Расширенной Туманганской Инициативе (РТИ), которое является «перспективным вектором направлений сотрудничества приграничных регионов Дальневосточного федерального округа (ДВФО) со странами Северо-Восточной Азии (КНДР, КНР, Монголия и Республика Корея)» [7]. Помимо прочего РТИ служит инструментом стимулирования долгосрочного социально-экономического развития регионов ДВФО.

Подобные обстоятельства сулят нашей стране и Дальневосточным регионам солидные перспективы, несмотря на возникающие сложности, с которыми сталкивается макрорегион.

Дальневосточный макрорегион России имеет важное геополитическое местоположение и особое значение в организации трансграничного сотрудничества со странами АТР. Именно здесь сосредоточено основное внимание азиатских партнеров, планируемых реализовать инвестиционные проекты в нашей стране. Множество территорий опережающего развития, особых экономических зон, а также наличие свободного порта «Владивосток» делают ДВФО привлекательной площадкой для стимулирования инвестиций и дальнейшего наращивания сотрудничества со странами Азии.

Сотрудничество с Азиатским регионом традиционно считается среди российских приоритетов несмотря на то, что в прошлом оно не развивалось столь интенсивно, как сегодня. Тем не менее мы наблюдаем такую ситуацию, когда не только весь потенциал Дальнего Востока в этом контексте не активизирован, но и потенциал евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП).

В этой связи проведение исследования о тенденциях и перспективах дальнейшего наращивания взаимодействия России и регионов Дальнего Востока с рядом государств Азиатского континента требует тщательного изучения и позволяет считать настоящее исследование актуальной научной проблемой и насущной практической задачей.

Литературный обзор

Научной основой проводимого исследования послужили труды ряда отечественных ученых. Вопросы изучения интеграции российской экономики со странами Азиатского региона стали предметом исследования Д.А. Изотова. Автор считает, что «У России с территориально близкими странами АТР имеется заметный потенциал для расширения торгово-экономического сотрудничества. Вместе с тем введенные со стороны ряда азиатских стран (Япония, Республика Корея) против России санкции могут оказать существенное негативное влияние на ее производственный сектор, в связи с запретом на экспорт в нашу страну критически необходимых инвестиционных и инновационных товаров» [3, с. 44].

Весомый вклад в развитие Дальнего Востока и поиска новых направлений взаимодействия макрорегиона с азиатскими странами внес выдающийся ученый, академик РАН П.А. Минакир. Особое значение он уделяет развитию отношений ДВФО в контексте со странами Северо-Восточной Азии [5].

Исследованием степени влияния на развитие мировой экономики Евразийского экономического союза, куда входит РФ, и китайской инициативы «Один пояс, один путь» занимается Н.С. Степанов. По мнению автора, «Такие международные альянсы не соревнуются друг с другом, а стремятся дополнить друг друга» [8]. Помимо прочего автор оценивает влияние новой геополитической реальности на перспективы интеграционных процессов в Северо-Восточной Азии в контексте развития Расширенной Туманганской Инициативы (РТИ) [9].

Кроме вышеперечисленных авторов указанной проблематикой занимались и другие ученые: Л.Б. Вардомский [2], П.Я. Бакланов [1], Б.Х. Краснопольский [4], Б.А. Хейфец [10] и др.

Указанная проблематика нашла отражение и в работах зарубежных исследователей. N. Song отмечает, что «За последние годы эскалации международной напряженности из-за украинского кризиса еще больше ускорила российскую политику “поворота к Азии”, которая делает упор на сотрудничество между ее странами Дальнего Востока и Восточной Азии». По сути, Дальний Восток является существенным и концептуальным «пограничным» как для России, так и для Азии [11].

Влиянию японской политики на развитие Дальнего Востока посвящено исследование А. Yoshio [12]. В статье S.B. Hyun и S.J. Myong сделаны выводы для корейско-российского сотрудничества путем анализа тенденций участия западных и японских компаний в санкциях против России на Дальнем Востоке после начала специальной военной операции на Украине. Авторы интерпретируют различные сценарии дальнейшего корейско-российского сотрудничества [18].

Анализу инвестиционной политики приграничных стран в отношении Дальнего Востока с точки зрения данных о притоке прямых иностранных инвестиций (ПИИ) посвящена работа H.-S. Lee. Автор рассуждает, что «для России, несмотря на значительный объем китайских и японских ПИИ по сравнению с Южной Кореей, Южная Корея по-прежнему остается наиболее привлекательным партнером с точки зрения отсутствия внешних угроз: китайского экспансионизма и спора о Курильских островах с Японией» [13].

Развитие Дальнего Востока с позиции сельскохозяйственной площадки стало предметом исследования N. Noie. Ученый предполагает, что «развитие агробизнеса в регионе могло бы стать привлекательным стимулом для китайских, корейских и японских инвестиций, и вкпе решить проблему с продовольственной безопасностью как в России, так и в азиатских странах» [14]. В свою очередь новой восточной политике России и трансграничному сотрудничеству в целях развития на Дальнем Востоке посвящено исследование S. Park [15].

Таким образом, можно предполагать, что указанная проблематика носит весьма актуальное значение.

Основные результаты

В условиях, когда экономический рост России, ее торговых и инвестиционных связей замедлился, требуется поиск новых путей и средств для преодоления данных негативных тенденций. В сложившейся ситуации важнейшую роль получает стратегия «поворота на восток» внешнеэкономических связей, что открывает большие нереализованные резервы.

Развитие интеграционных процессов в Азиатском регионе является для России, с одной стороны, возможностью для укрепления многовекторности внешнеэкономических отношений, с другой – вызовом, поскольку российская экономика остается на «периферии» торгово-экономических взаимодействий в субглобальной экономике, что объясняется различного рода ограничениями для ее сближения с азиатскими странами. При этом надо уделить особое значение именно Дальневосточному региону, который может выступить в качестве «оператора» расширения взаимосвязей национальной экономики с субглобальной.

Рассмотрим внешнеэкономическую деятельность Дальнего Востока за последние годы по отношению к азиатским странам (рисунок). По данным Дальневосточного таможенного управления крупнейшими странами-контрагентами Азиатского континента во внешнеторговом обороте являются [16]:

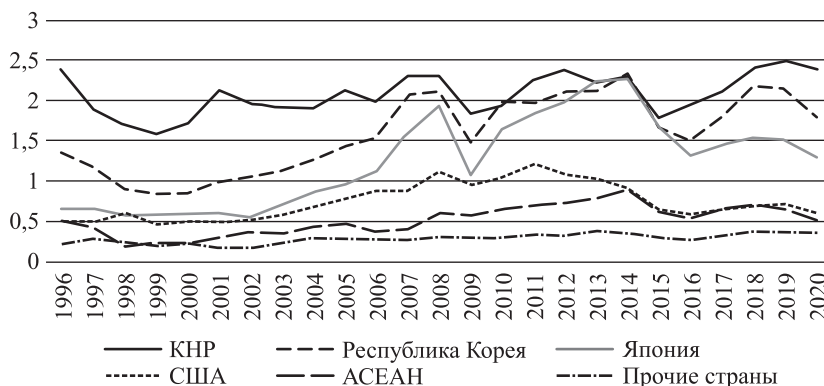
КНР – 13 891,7 млн долл. США или 35,5 % стоимости товарооборота Дальнего Востока. Увеличение стоимости на 27,5 % или на 2996,0 млн долл. США.

Республика Корея – 10 325,0 млн долл. США или 26,4 %. Увеличение стоимости на 32,4 % или на 2524,0 млн долл. США.

Япония – 5270,1 млн долл. США или 13,5 %. Уменьшение стоимости на 5,7 % или на 320,4 млн долл. США.

Индия – 967,7 млн долл. США или 2,5 %. Увеличение стоимости товарооборота на 26,5 % или на 202,8 млн долл. США.

Тайвань (Китай) – 717,4 млн долл. США или 1,8 %. Увеличение стоимости товарооборота на 11,0 % или на 71,4 млн долл. США.

Доля России во внешнеторговом обороте ведущих экономик АТР, % [22]
Share of Russia in the foreign trade turnover of the leading economies of the Asia-Pacific Region, %

Вместе с тем доля России в товарообороте с Азиатско-Тихоокеанским регионом к 2020 г. составляла 1,0 %, что больше в 1,8 раза по сравнению с 1996 г.

В таблице представлены основные торговые партнеры Дальнего Востока при экспорте и импорте.

Географическая структура торговли Дальневосточного региона с азиатскими странами [16]
Geographic structure of trade of the Far East region with Asian countries

Страна (группа стран)	Год							
	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Экспорт, %								
КНР	29,7	36,7	40,1	43,5	47,0	49,9	29,7	30,6
Япония	18,8	18,7	13,2	11,5	10,4	9,9	18,8	14,0
Республика Корея	15,6	17,1	14,6	13,3	14,9	14,2	15,6	17,5
Индия	2,1	3,2	4,1	3,3	7,7	3,2	2,4	3,2
АСЕАН	9,8	6,9	9,0	9,4	7,7	6,1	5,8	5,4
Импорт, %								
КНР	50,1	49,4	52,8	52,2	52,7	52,5	50,1	48,7
Япония	13,2	9,6	8,7	8,3	8,9	8,7	13,2	11,9
Республика Корея	9,4	6,4	7,1	7,9	7,1	7,8	9,4	12,5
Индия	0,5	0,5	1,5	1,3	1,4	1,1	1,2	1,5
АСЕАН	7,1	10,3	10,4	11,2	10,5	10,0	10,1	9,9

По вышепредставленным данным можно сделать вывод, что доля экспорта Дальневосточного региона с азиатскими странами демонстрирует неординарную динамику. Как пример, в случае с КНР до 2019 г. идет рост доли экспорта, однако затем наступает некоторый спад. Высока доля импорта с КНР, где приходится половина от общего показателя с другими странами. КНР по-прежнему остается стратегическим партнером России и Дальнего Востока, в частности, на Азиатском континенте. Об этом еще в декабре 2022 г. Президент В.В. Путин отмечал в беседе с китайским коллегой Си Цзиньпином: «В условиях усиливающейся геополитической напряженности возрастает значимость российско-китайского стратегического партнерства как стабилизирующего фактора» [17].

Безусловно, тот факт, что в список «недружественных стран и территорий», утвержденный Правительством РФ, вошли Республика Корея, Тайвань (Китай) и Япония свидетельствует о том, что в ближайшее время отношения с этими странами не будут носить перспективный характер [6]. Все это складывается на фоне лишения торгового статуса России с режимом наибольшего благоприятствования Японией и Южной Кореей [19]. Кроме того, с 12 мая 2022 г. Японией введены меры в отношении физических и юридических лиц страны по запрету новых инвестиций в Россию, которые дадут им долю в 10 и более процентов. Отныне их можно осуществлять только по особым разрешениям.

Тем не менее отношения с азиатскими государствами не являются столь туманными и имеют определенные предпосылки к нормализации.

Япония по-прежнему не спешит выходить из крупнейших совместных проектов с Россией, в частности, нефтегазового проекта «Сахалин-2», где японские банки Mitsubishi UFJ и Sumitomo Mitsui владеют 12,5 и 10 % акций соответственно [20]. Помимо прочего 60 % произведенного сжиженного природного газа импортируется именно в Японию. Санкционная политика сильнее всего ударила по японским предприятиям. По данным издания Asahi Shimbun под негативное влияние санкций подпали 15 тыс. японских компаний, прямо или косвенно ведущих бизнес с РФ [21]. Несмотря на то, что Япония отказалась от некоторых товарных групп (зерно, рыба, морепродукты, уголь), поставки автомобилей в нашу страну в ноябре 2022 г. выросли на 7,7 %, а объем экспорта медицинских изделий на 115 %.

В последние годы с Республикой Кореей у Дальневосточного региона сложилось прочное гуманитарное и экономическое взаимодействие. Несмотря на серьезное давление со стороны США Южная Корея требует для себя особые условия в поддержании торгово-экономических связей с Россией. Уже анонсировано продолжение поставок автомобильной техники, занимающей весомый сегмент на отечественном автомобильном рынке. Намечено продолжение поставок мобильных устройств, бытовой техники. Со стороны РФ по-прежнему поставляются энергоресурсы, где до 70 % отечественного экспорта в Южную Корею – энергоносители. В свою очередь для Дальневосточного региона важно сохранить поставки рыбопродуктов и морепродуктов. Позитивным моментом является то, что в ноябре 2022 г. между российской и корейской сторонами было подписано соглашение о начале мультимодального транспортного сообщения между подмосковным агрохабом и южнокорейским портом Донхэ через порты Владивостока. Предполагается, что на российский рынок будут поставляться корейские автомобили, иные промышленные товары, а в обратную сторону – сельскохозяйственные товары, а также продукция глубокой переработки древесины. В целом Южная Корея ожидает развития отношений с Россией после окончания украинского кризиса.

Особую роль на азиатском рынке имеет развитие сотрудничества между Россией и АСЕАН. Безусловно, здесь не следует ожидать каких-то прорывных проектов, как в отношениях с Индией и КНР, так как этому способствуют: географическая удаленность России и стран АСЕАН, недостаточная пропускная способность российских портов и железных дорог, отсутствие прямых рейсов между крупными городами России (кроме Москвы) и Юго-Восточной Азии.

Вместе с тем между Россией и странами Юго-Восточной Азии есть ряд направлений, по которым в настоящее время осуществляется сотрудничество: национальная безопасность, продовольственная безопасность, высокие технологии.

Особого внимания заслуживают перспективы развития России с Индией и КНР. С января по август 2022 г. товарооборот между Россией и Индией вырос на 130 %, достигнув 17 млрд долл. США, что на 13,8 млрд долл. США больше, чем за аналогичный период прошлого года. Причиной столь резкого роста стали поставки в Индию российской нефти по большим скидкам. В обратном направлении последовало несколько сотен товаров,

которых затронула санкционная политика, в частности, это поставки запчастей для российских поездов, автомобилей и самолетов. Продолжается сотрудничество в области атомной энергетики, космической и военно-технической сферах.

Наилучшая ситуация с товарооборотом складывается с КНР, где по данным главного таможенного управления КНР по итогам 2022 г. товарооборот между нашими странами увеличился на 29,3 %, составив 190,2 млрд долл., достигнув, таким образом, рекордного значения между странами.

Заключение

С момента проведения специальной военной операции на Украине азиатские компании не объявляли о массовом уходе из отечественного рынка, в отличие от ряда западных коллег. По сути, азиатские партнеры зачастую применяли практику о временной остановке своей деятельности на территории РФ. Такому решению способствовало наличие определенных факторов, связанных с финансами, нестабильность обменного курса и репутационные издержки. Возникли существенные проблемы с логистикой, так как ведущие мировые транспортные компании (Maersk, Mediterranean Shipping Company) прекратили поставки в РФ.

Практика показывает, что азиатские партнеры проводят предусмотрительную политику в отношении ведения экономических дел. Многие из них взяли паузу с целью определить риски санкционной и контрсанкционной политики. Обусловлено это тем, что большая часть таких компаний связана с США и опасается попасть под американские вторичные санкции.

Список источников

1. *Бакланов П.Я.* Пространственное развитие приморских регионов: географические факторы // *Геосистемы Северо-Восточной Азии: географические факторы динамики и развития их структур: сборник научных статей Десятой научно-практической конференции.* Владивосток, 2022. С. 6–10.
2. *Вардомский Л.Б.* Об азиатском векторе развития России // *ЭКО.* 2017. № 7 (517). С. 99–111.
3. *Изотов Д.А.* Интеграция российской экономики со странами АТР: возможности и риски // *Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление.* 2022. № 2 (102). С. 28–47.
4. *Краснопольский Б.Х.* Системно-синергетическая интерпретация роли инфраструктуры в пространственном развитии Дальнего Востока и Северо-Восточной Азии // *Системный анализ в экономике – 2014: мат-лы III Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Г.Б. Клейнера.* 2015. С. 62–65.
5. *Минакир П.А., Исаев А.Г., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М.* Экономические макрорегионы: интеграционный феномен или политико-географическая целесообразность? Случай Дальнего Востока // *Пространственная экономика.* 2020. Т. 16, № 1. С. 66–99.
6. Распоряжение Правительства РФ от 5 марта 2022 года № 430-р.
7. *Степанов Н.С.* Институты развития Расширенной Туманганской Инициативы (РТИ) как одного из факторов влияния на экономику региона // *Финансы и управление.* 2021. № 2. С. 75–88.

8. Степанов Н.С. Влияние ЕАЭС и ОПОП на ускорение модернизации экономических моделей развития России и Китая // *Россия и современный мир*. 2020. № 3 (108). С. 109–129.
9. Степанов Н.С. Перспективы развития Расширенной Туманганской Инициативы (РТИ) в новой геополитической реальности // *Финансы и управление*. 2022. № 4. С. 34–41.
10. Хейфец Б.А. Страны Евразийского экономического союза и китайская инициатива «пояс и путь»: возможности и риски // *Вестник института экономики НАН Беларуси: сборник научных статей*. Минск, 2021. С. 134–145.
11. Song N. Centralising the «Far East»: Historical Dynamic of Northeast Eurasia // *The Political Economy of Pacific Russia*. 2017. No. 1. Pp. 53–75.
12. Yoshio A. Globalization of Japan as «the Far East» from the Viewpoint of Transportation and Telecommunication Infrastructure // *Geographical review of Japan*. 2017. Series B 90 (4). Pp. 279–299.
13. Lee H.S. The impact of the Turn to the East Policy on foreign direct investment in the Russian Far East // *RUDN Journal of Economics*. 2019. No. 27 (2). Pp. 366–374.
14. Horie N. Chinese Land Deals and Migration in the Russian Far East // *Geo-Politics in Northeast Asia*. 2022. 1st Edition. P. 19.
15. Park S. Russia's New Eastward Policy and Transnational Development Cooperation in the Far East // *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography*. 2021. Pp. 278–291.
16. Дальневосточное таможенное управление. [Электронный ресурс]. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/> (дата обращения: 15.01.2023).
17. Российско-китайские переговоры. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70303>. (дата обращения: 15.01.2023).
18. Hyun S.B., Myong S.J. Analysis of the Activity Trends of Foreign Companies in the Far East of Russia after the Ukrainian War and Policy Implications. [Электронный ресурс]. URL: <https://scholar.kyobobook.co.kr/article/detail/4010036832689> (дата обращения: 14.01.2023).
19. Japan to revoke Russia's most favored nation trade status. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/03/16/national/russia-most-favored-nation-status-revoke/>. (дата обращения: 14.01.2023).
20. No easy exit for Japan from Russia's Sakhalin-2 LNG project. [Электронный ресурс]. URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Energy/No-easy-exit-for-Japan-from-Russia-s-Sakhalin-2-LNG-project>. (дата обращения: 14.01.2023).
21. The Asahi Shimbun. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.asahi.com/ajw/>. (дата обращения: 15.01.2023).
22. World Integrated Trade Solution / World Bank. [Электронный ресурс]. URL: <https://wits.worldbank.org/>. (дата обращения: 13.01.2023).

References

1. Baklanov P.Ja. Prostranstvennoe razvitie primorskih regionov: geograficheskie faktory [Spatial development of coastal regions: geographical factors]. *Geosistemy Severo-Vostochnoj Azii: geograficheskie faktory dinamiki i razvitija ih struktur: sbornik nauchnyh statej Desjatoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Vladivostok, 2022. Pp. 6–10.
2. Vardomskij L.B. Ob aziatskom vektore razvitija Rossii [On the Asian vector of Russia's development], *JeKO [ECO]*, 2017, no. 7 (517), pp. 99–111.
3. Izotov D.A. Integracija rossijskoj jekonomiki so stranami ATR: vozmozhnosti i riski [Integration of the Russian Economy with the Asia-Pacific Countries: Opportunities and Risks], *Izvestija Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Jekonomika i upravlenie [Tidings of the Far Eastern Federal University. Economics and Management]*, 2022, no. 2 (102), pp. 28–47.

4. Krasnopol'skij B.H. Sistemno-sinergeticheskaja interpretacija roli infrastruktury v prostranstvennom razvitii Dal'nego Vostoka i Severo-Vostochnoj Azii [System-Synergetic Interpretation of the Role of Infrastructure in the Spatial Development of the Far East and Northeast Asia]. Sistemnyj analiz v jekonomike – 2014: mat-ly III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Pod obshh. red. G.B. Klejnera. 2015. Pp. 62–65.
5. Minakir P.A., Isaev A.G., Dem'janenko A.N., Prokapalo O.M. Jekonomicheskie makroregiony: integracionnyj fenomen ili politiko-geograficheskaja celesoobraznost'? Sluchaj Dal'nego Vostoka [Economic macro-regions: integration phenomenon or political and geographical expediency? Case of the Far East], *Prostranstvennaja jekonomika* [Spatial Economics], 2020, vol. 16, no. 1, pp. 66–99.
6. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 5 marta 2022 goda № 430-r [Decree of the Government of the Russian Federation of March 5, 2022, No. 430-r].
7. Stepanov N.S. Instituty razvitija Rasshirennoj Tumanganskoj Inicijaty (RTI) kak odnogo iz faktorov vlijaniya na jekonomiku regiona [Development institutions of the Expanded Tumangan Initiative (RTI) as one of the factors influencing the regional economy], *Finansy i upravlenie* [Finance and Management], 2021, no. 2, pp. 75–88.
8. Stepanov N.S. Vlijanie EAJeS i OPOP na uskorenie modernizacii jekonomicheskikh modelej razvitija Rossii i Kitaja [Influence of the EAEU and the OBOR on accelerating the modernization of economic development models in Russia and China], *Rossija i sovremennyy mir* [Russia and the modern world], 2020, no. 3 (108), pp. 109–129.
9. Stepanov N.S. Perspektivy razvitija Rasshirennoj Tumanganskoj Inicijaty (RTI) v novoj geopoliticheskoy real'nosti [Prospects for the development of the Expanded Tumangan Initiative (RTI) in the new geopolitical reality], *Finansy i upravlenie* [Finance and Management], 2022, no. 4, pp. 34–41.
10. Hejfec B.A. Strany evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza i kitajskaja iniciativa «pojas i put'»: vozmozhnosti i riski [Countries of the Eurasian Economic Union and the Chinese Belt and Road Initiative: Opportunities and Risks]. Vestnik instituta jekonomiki NAN Belarusi: sbornik nauchnyh statej. Minsk, 2021. Pp. 134–145.
11. Song N. Centralising the «Far East»: Historical Dynamic of Northeast Eurasia, *The Political Economy of Pacific Russia*, 2017, no. 1, pp. 53–75.
12. Yoshio A. Globalization of Japan as «the Far East» from the Viewpoint of Transportation and Telecommunication Infrastructure, *Geographical review of Japan*, 2017, Series B 90 (4), pp. 279–299.
13. Lee H.S. The impact of the Turn to the East Policy on foreign direct investment in the Russian Far East, *RUDN Journal of Economics*, 2019, no. 27 (2), pp. 366–374.
14. Horie N. Chinese Land Deals and Migration in the Russian Far East. Geo-Politics in Northeast Asia. 2022. 1st Edition. P. 19.
15. Park S. Russia's New Eastward Policy and Transnational Development Cooperation in the Far East. Proceedings of Topical Issues in International Political Geography. 2021. Pp. 278–291.
16. Dal'nevostochnoe tamozhennoe upravlenie [Far Eastern Customs Administration]. [Electronic resource]. Available at: <https://dvtu.customs.gov.ru/> (accessed: 15.01.2023).
17. Rossijsko-kitajskie peregovory. [Electronic resource]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/70303> (accessed: 15.01.2023).
18. Hyun S.B., Myong S.J. Analysis of the Activity Trends of Foreign Companies in the Far East of Russia after the Ukrainian War and Policy Implications. [Electronic resource]. Available at: <https://scholar.kyobobook.co.kr/article/detail/4010036832689> (accessed: 14.01.2023).
19. Japan to revoke Russia's most favored nation trade status. [Electronic resource]. Available at: <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/03/16/national/russia-most-favored-nation-status-revoke/> (accessed: 14.01.2023).

20. No easy exit for Japan from Russia's Sakhalin-2 LNG project. [Electronic resource]. Available at: <https://asia.nikkei.com/Business/Energy/No-easy-exit-for-Japan-from-Russia-s-Sakhalin-2-LNG-project> (accessed: 14.01.2023).
21. The Asahi Shimbun. [Electronic resource]. Available at: <https://www.asahi.com/ajw/> (accessed: 15.01.2023).
22. World Integrated Trade Solution / World Bank. [Electronic resource]. Available at: <https://wits.worldbank.org/> (accessed: 13.01.2023).

Сведения об авторе:

З.У. Меджидов – кандидат экономических наук, кафедра «Информационные технологии и информационная безопасность», Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Российская Федерация.

Information about the author:

Z.U. Medzhidov – Candidate of Economic Sciences, Department of Information Technology and Information Security, Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russian Federation.

<i>Статья поступила в редакцию</i>	<i>23.01.2023</i>	<i>The article was submitted</i>	<i>23.01.2023</i>
<i>Одобрена после рецензирования</i>	<i>30.01.2023</i>	<i>Approved after reviewing</i>	<i>30.01.2023</i>
<i>Принята к публикации</i>	<i>06.02.2023</i>	<i>Accepted for publication</i>	<i>06.02.2023</i>

Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 140–157

Vestnik NSUEM. 2023. No. 1. P. 140–157

Научная статья

УДК 332.87

DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-140-157

КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОБЕСПЕЧЕНИЮ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМОВ

Свистунов Андрей Валерьевич¹, Торчин Игорь Александрович²

¹ *Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Муромский институт (филиал)*

² *Производственное Объединение Муромский машиностроительный завод*

¹ svistunov-murom@yandex.ru

² torchin_igor@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема предоставления конкурентоспособной услуги в сфере управления многоквартирными домами. Представлен обзор практики обслуживания жилого фонда управляющими организациями, не обеспечивающими требуемый уровень конкурентоспособности по соотношению показателей качества и величины тарифа, что и обуславливает недовольство потребителей. В рамках формирования клиентоориентированного подхода к обслуживанию управляющими организациями предложена комплексная система целевых показателей качества услуг по управлению многоквартирными домами, направленная на достижение требуемого уровня конкурентоспособности в этой сфере.

Ключевые слова: управление многоквартирными домами, управляющая организация, клиентоориентированная услуга, целевые показатели качества, конкурентоспособность

Для цитирования: Свистунов А.В., Торчин И.А. Клиентоориентированный подход к обеспечению конкурентоспособного обслуживания многоквартирных домов // Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 140–157. DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-140-157.

Original article

CUSTOMER-ORIENTED APPROACH TO COMPETITIVE APARTMENT BUILDING MANAGEMENT SERVICES

Svistunov Andrey V.¹, Torchin Igor A.²

¹ *Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs, Murom Institute (branch)*

² *Production Association Murom Machine Building Plant*

¹ svistunov-murom@yandex.ru

² torchin_igor@mail.ru

Abstract. The article addresses the issue of providing a competitive service in the field of apartment building management. An overview of housing management practices is presented. Management organizations do not provide the required level of competitiveness

© Свистунов А.В., Торчин И.А., 2023

in terms of the ratio of quality indicators and tariff value. This problem causes consumer discontent. A comprehensive system of target indicators for the quality of services for managing apartment buildings is proposed within the framework of a client-oriented approach to servicing by managing organizations. It is aimed at achieving the required level of competitiveness in this area.

Keywords: management of apartment buildings, managing organization, customer-oriented service, quality targets, competitiveness

For citation: Svistunov A.V., Torchin I.A. Customer-oriented approach to competitive apartment building management services. *Vestnik NSUEM*. 2023; (1): 140–157. (In Russ.). DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-140-157.

Введение

Эффективное функционирование рынка услуг по управлению многоквартирными домами (МКД) имеет важное значение для социально-экономического развития каждого города страны. Жилищные условия и уровень качества обслуживания жилого фонда формируют качество жизни населения.

В настоящее время наибольшую долю рынка по обслуживанию МКД (свыше 90 %) составляют управляющие организации. По оценкам экспертов, на одну управляющую организацию приходится в среднем обслуживание 41 МКД с общей площадью помещений 144 тыс. кв. м [7]. При этом собственники помещений МКД часто отмечают невысокое качество услуг, предоставляемых управляющими организациями, при постоянном росте тарифов на обслуживание.

По данным различных социологических исследований более половины жителей МКД недовольны качеством обслуживания домов [12], а по результатам опроса, проводимого исследовательским агентством Zoom Market в нескольких крупных городах страны, доля недовольных превышает 80 % [14].

Чаще всего жителям не нравится несвоевременное реагирование управляющих организаций на обращения граждан, завышенные тарифы, неудовлетворительное состояние домов, уборку в подъездах и на придомовой территории.

В свою очередь низкое качество услуг способствует недостаточно высокому уровню платежной дисциплины населения, что негативно влияет на финансовые результаты и стабильность функционирования управляющих организаций. По данным Минстроя размер задолженности в сфере ЖКХ в России оценивается в 1,4 трлн руб. и продолжает расти [10].

Вопросам эффективного управления МКД, в том числе связанным с методами формирования рыночных механизмов и конкурентной среды, посвящены научные работы В.В. Акимкина, А.Н. Кирилловой [1], И.А. Башмакова [11], С.А. Кирсанова [3], А.Н. Ряховской [6], Д.С. Оборотова и др. Результаты исследования проблем формирования клиентоориентированного подхода в предоставлении услуг, в том числе в сфере управления МКД, отражены в трудах отечественных и зарубежных ученых И.М. Лифица [5], Б. Робертсона, М.Д. Джонсона, А. Херрманна [2], Р.Г. Тваури [8] и др.

При этом недостаточная проработанность комплексной системы технико-эксплуатационных показателей, которая должна быть базовым ориентиром для управляющих организаций в процессе клиентоориентированного обслуживания МКД, обуславливает необходимость изучения этой проблемы с применением научного подхода.

**Практика обслуживания домов управляющими организациями
и проблема соответствия уровня предоставления услуг
требованиям потребителей**

В настоящее время на рынке обслуживания МКД фактически отсутствует классический принцип предложения конкурентоспособной услуги. Выбор управляющей организации зачастую навязан гражданам по результатам проведенных конкурсов, не предполагающих ценовой конкуренции. В результате цена обслуживания, как правило, не взаимосвязана с качеством, что и обуславливает недовольство населения.

Большинство управляющих организаций использует обычную реактивную эксплуатацию жилого фонда, не имеющую ничего общего с эффективным управлением и работающую по принципу латания дыр без ориентации на созидание и увеличение срока службы дома за счет эффекта технологии. Рост прибыли обеспечивается за счет постоянного повышения тарифов.

В небольших муниципальных образованиях, где количество управляющих организаций невелико, рынок обслуживания МКД, как правило, поделен между тремя–четырьмя компаниями, созданными на основе бывших муниципальных ремонтно-эксплуатационных организаций, которые и задают уровень качества предоставляемых услуг и тарифов, не соответствующий требованиям потребителей, что еще больше не способствует формированию реальной конкуренции.

В качестве типового примера рассмотрим рынок услуг по управлению МКД в округе Муром Владимирской области.

По состоянию на 01.09.2022 г. на территории округа Муром расположены 1544 МКД площадью почти 2,5 млн кв. м. Сегментация рынка услуг по управлению МКД в зависимости от способа управления представлена в табл. 1.

Таблица 1

**Структура рынка по управлению МКД в округе Муром
Murom district apartment building management market structure**

Способ управления МКД	Количество МКД, шт.	Площадь помещений МКД, кв. м
1. Управляющие организации	860	1 789 823,34
2. ТСЖ и ЖК, из них:	129	535 424,39
ТСН	48	188 619,89
ТСЖ	48	192 718,89
ЖСК	33	154 085,61
3. Непосредственное управление, в том числе:	481	139 479,08
с обслуживающей организацией	344	119 098,19
без обслуживающей организации	137	20 380,89
4. Без управления	74	12 307,39

Основное место на рынке услуг по управлению МКД в округе Муром занимают управляющие организации (более 70 %). При этом несмотря на то, что на данном сегменте рынка функционируют девять управляющих организаций, основная доля принадлежит трем управляющим организациям – ООО «Домоуправ», ООО «РЕМСТРОЙ Южный», ООО «Фортуна», которые совокупно занимают более 58,6 % рынка (табл. 2, рис. 1).

Таблица 2

Доли рынка управляющих организаций по обслуживанию МКД
в округе Муром
Murom district apartment building services market shares held
by management organizations

Наименование управляющей организации	Количество многоквартирных домов в управлении, шт.	Площадь помещений многоквартирных домов в управлении, кв. м	Доля от общей площади помещений, %
ООО ДУК «Территория»	44	172 252,37	9,6
ООО «Верб»	86	236 312,50	13,2
ООО «Домоуправ»	270	390 950,78	21,8
ООО «РЕМСТРОЙ Южный»	97	338 535,50	18,9
ООО «Союз»	194	237 074,15	13,2
ООО «Фортуна»	102	320 364,16	17,9
ООО УК «Новая Слобода»	18	29 318,0	1,6
ООО УК «Партнер»	48	60 390,58	3,4
ООО «Теплосервис»	2	4 625,30	0,3

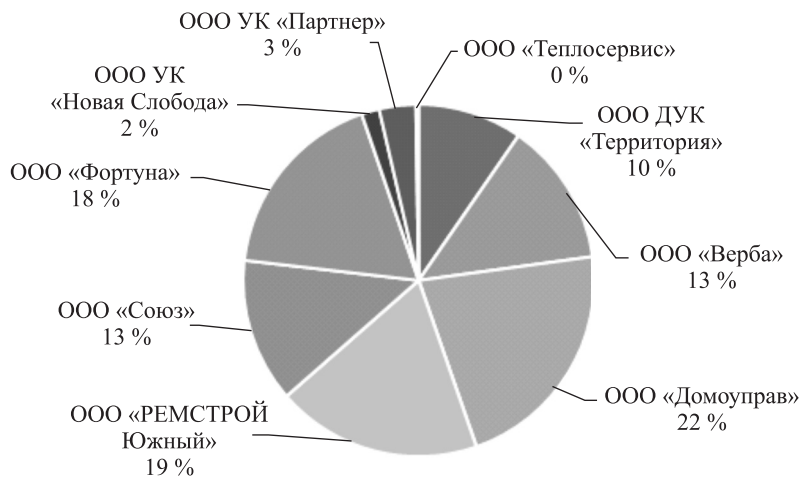

Рис. 1. Рынок услуг управляющих организаций по обслуживанию МКД
в округе Муром
Murom district apartment building services management organization market

Динамика выручки основных управляющих организаций округа Муром, отражающая объем оказанных услуг в денежном выражении, представлена на рис. 2.

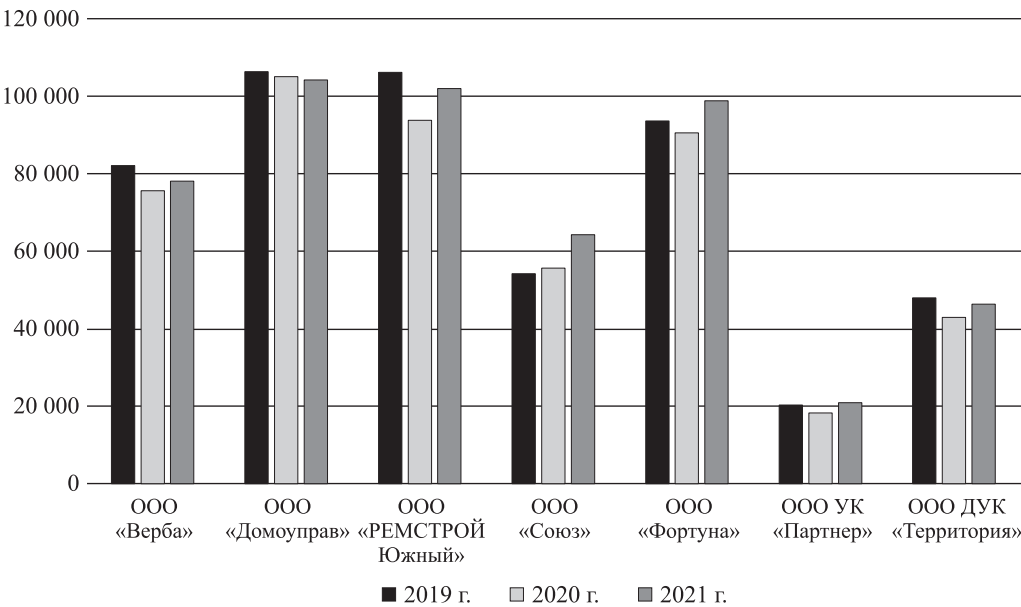

Рис. 2. Динамика выручки управляющих организаций в округе Муром, тыс. руб.
Dynamics of revenue of management organizations in Murom district, thousand rubles

Изменения в объеме оказываемых услуг управляющими организациями, представленные на рис. 2, незначительны, что свидетельствует о достаточной стабильности этого рынка в округе Муром.

При этом ни одна управляющая организация на территории муниципального образования не оказывает услуги по управлению МКД в полном соответствии с требованиями потребителей. Управляющие организации достаточно часто взаимодействуют с собственниками помещений в МКД через контрольно-надзорные органы.

Кроме того, управляющие организации обычно выравнивают свои предложения по цене, качеству и перечню предлагаемых услуг в соответствии с критериями основных конкурентов (табл. 2), которым принадлежит наибольшая доля рынка не в связи с их лидерскими конкурентными позициями, а в силу сложившихся обстоятельств их формирования на базе бывших производственных жилищных ремонтно-эксплуатационных предприятий (ПЖРЭП) и использования ими соответствующей инфраструктуры. Законодательные особенности перехода потребителей из одной организации в другую (через общее собрание собственников жилья) и инертность самих потребителей дополнительно не способствуют развитию реальной конкуренции на данном рынке.

Похожая проблема несоответствия уровня конкурентоспособности требованиям потребителей наблюдается в большинстве муниципальных образований страны. Лицензирование этого бизнеса в 2013 г. не привело к кардинальному улучшению работы управляющих организаций. Некоторые из них нередко занижают тарифы, чтобы за счет большего количества обслуживаемых домов просто получить доступ к большим финансовым потокам, при этом особо не заботясь о качестве предоставляемых услуг. Для

изменения ситуации необходимы кардинальные перемены на рынке услуг по управлению МКД с формированием единых подходов и критериев обеспечения развития конкуренции.

В 2023 г. в соответствии с проектом плана реализации Стратегии развития строительной отрасли до 2030 года на государственном уровне запланировано внедрение единого стандарта по управлению и эксплуатации МКД в части регламентации услуг по осуществлению текущего ремонта, уборки подъездов, ухода за придомовой территорией и других услуг с усилением контроля за ценообразованием в этой сфере. В документе предполагается ввести нормы обслуживания в зависимости от класса жилья, его технического состояния и расположения во взаимосвязи со стоимостью обслуживания и четким разграничением работ по выполнению текущего и капитального ремонта [13].

Вместе с тем некоторые представители экспертного сообщества предупреждают о возможных негативных последствиях введения такого тотального нормирования и контроля за деятельностью в сфере обслуживания МКД, выражающихся в снижении самостоятельности и гибкости в технологии работы настоящих профессионалов по своевременному и конкурентоспособному обслуживанию с учетом технических конструкций домов и климатических особенностей. Это в свою очередь может привести к удалению с рынка конкурентов на фоне еще большего разрастания власти «дружественных» управляющих организаций [13] и, как следствие, к еще большему росту тарифов без улучшения качества обслуживания.

Для решения обозначенной проблемы наряду с введением норм и стандартов государству необходимо создать такую конкурентную и открытую среду, в которой бизнес был бы заинтересован функционировать эффективно с позиции потребителей, т.е. предлагать свои услуги дешевле и в лучшем качестве по сравнению с конкурентами.

Формирование комплексной системы целевых показателей качества во взаимосвязи с соответствующими тарифами и методический подход к ее применению в целях достижения клиентоориентированного уровня обслуживания жилого фонда

Для развития реальной конкуренции на рынке обслуживания МКД необходимо внедрение клиентоориентированного подхода, предполагающего получение организацией устойчивого бизнес-результата за счет более полного по сравнению с конкурентами удовлетворения потребностей и формирования клиентоцентричной структуры для улучшения взаимодействия с потребителями [4]. При этом предложение организации становится ценностным тогда, когда оно соответствует ожиданиям потребителей или превосходит их, что и определяет уровень удовлетворенности.

На основе такого подхода в результате систематизации действующего жилищного законодательства выделены обобщенные виды услуг по управлению МКД с обозначением обязательных нормативов и клиентоориентированных требований к ним со стороны потребителей (табл. 3).

Таблица 3

**Виды услуг управляющих организаций с учетом нормативных
и клиентоориентированных требований**
**Types of services of management organizations for regulatory
and customer-oriented requirements**

Виды услуг по управлению МКД	Обязательные нормативные требования к услуге	Клиентоориентированные требования к услуге, соответствующие ожиданиям потребителей или превосходящие их
1. Благоприятные и безопасные условия проживания в жилом фонде	Безопасность технического состояния, пожарная, экологическая, энергетическая безопасность	Экономическая безопасность общего и личного имущества
2. Надлежащее содержание общего имущества в жилом фонде	Надлежащее санитарное содержание, минимально необходимый перечень услуг, соблюдение периодичности и порядка их выполнения	Формирование управляющей организацией планов работ по текущему ремонту, доступность и достоверность раскрываемой информации, отчетов об исполнении договоров управления, доступность пользования общедомовыми помещениями в МКД
3. Решение вопросов пользования общим имуществом	Компетенция общего собрания собственников, порядок организации и принятия им решений	Помощь и участие управляющей организации в принятии решений, заинтересованность и лояльность к инициативе собственников со стороны руководства управляющей организации в решении индивидуальных вопросов дома
4. Предоставление коммунальных услуг в границах внутридомовых инженерных коммуникаций	Нормативные показатели качества, расчет стоимости, порядок контроля, привлечения к ответственности	Количество нарушений показателей качества за период, наличие и эффективность действий управляющей организации по выявлению, устранению и предотвращению несоответствий требуемого качества

В зависимости от степени соответствия характеристик (критериев) качества оказания услуг потребностям и ожиданиям потребителей все виды услуг управляющих организаций следует дифференцировать по группам качества обслуживания в виде продуктовой линейки и соответствующему каждой группе уровню тарифа (табл. 4).

Наиболее востребованная по соотношению уровня качества и тарифа клиентоориентированная услуга должна входить в соответствующую группу качества «Оптимальная услуга» (табл. 4). Клиентоориентированная услуга повышенного качества обслуживания с тарифом выше среднего должна относиться к группе «Премиальная услуга».

На основании определенных в соответствии с клиентоориентированным подходом обобщенных видов услуг по управлению МКД и их дифференциации по группам сформирована комплексная система технико-эксплуатационных показателей (табл. 5).

Таблица 4

**Дифференциация услуг по управлению МКД в соответствии
с уровнем качества обслуживания**

**Differentiate apartment building management services according
to quality of service**

Группа качества обслуживания	Характеристика услуги в соответствии с уровнем качества обслуживания	Уровень тарифа
Стандартная услуга	Оказание услуги в соответствии с нормативными требованиями	Минимально возможный
Оптимальная услуга	Оказание услуги в соответствии с нормативными требованиями + Применение клиентоориентированного подхода путем активного взаимодействия с собственниками помещений МКД и повышение качества обслуживания за счет эффекта технологии	Средний
Премиальная услуга	Оказание услуги в соответствии с нормативными требованиями + Применение клиентоориентированного подхода путем активного взаимодействия с собственниками помещений МКД и повышение качества обслуживания за счет эффекта технологии + Оказание дополнительных услуг по облагораживанию территории, применение энергосберегающих подходов в управлении МКД, создание «умного» и «пассивного» дома	Выше среднего

Наименования показателей и критериев уровней качества услуги сформулированы в соответствии с положениями действующего законодательства в жилищной сфере:

- Жилищного кодекса РФ (ред. от 21.11.2022);
- Правил осуществления деятельности по управлению МКД (с изм. и доп. от 01.03.2019);
- Правил оказания услуг и выполнения работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в МКД (ред. от 29.06.2020);
- ГОСТ Р 56038–2014. Услуги управления многоквартирными домами. Общие требования.

Количественная оценка целевых показателей качества представлена в балльном выражении с применением экспертного подхода, исходя из десятибалльной шкалы в соответствии со следующими качественными уровнями:

1–2 – качество почти полностью или полностью не соответствует требованиям потребителей;

3–5 – качество в меньшей степени или частично соответствует требованиям потребителей;

6–8 – качество в большей степени соответствует требованиям потребителей;

9–10 – качество полностью или почти полностью соответствует требованиям потребителей.

Таблица 5

**Комплексная система целевых показателей качества услуг
по управлению МКД**
**Comprehensive system of quality targets for apartment building
management services**

Целевой показатель	Баллы	Критерии
1	2	3
1. Благоприятные и безопасные условия проживания в жилом фонде		
Текущее состояние МКД в результате деятельности управляющей организации	9–10	Заметно улучшается
	6–8	Сохраняется (поддерживается) на хорошем уровне
	3–5	Удовлетворительное или плохое и не улучшается
	1–2	Ухудшается
2. Надлежащее содержание общего имущества в жилом фонде		
Техническое обслуживание конструкций дома (по объему, периодичности, срокам, качеству в соответствии с договором, планом)	9–10	На высоком уровне в соответствии с договором (планом), претензий нет
	6–8	В отдельных случаях имеются отклонения, которые устраняются в полном объеме, значительных претензий нет
	3–5	Отклонения случаются часто, устраняются частично, есть претензии
	1–2	Имеются серьезные претензии к техническому обслуживанию
Техническое обслуживание внутридомовых инженерных систем (по объему, периодичности, срокам, качеству в соответствии с договором, планом)	9–10	Полностью соответствует, претензий нет
	6–8	В отдельных случаях имеются отклонения, которые устраняются в полном объеме, значительных претензий нет
	3–5	Отклонения случаются часто, устраняются частично, есть претензии
	1–2	Имеются серьезные претензии к техническому обслуживанию
Санитарное содержание подъездов и других помещений, относящихся к общему имуществу (по объему, периодичности, срокам, качеству в соответствии с договором, планом)	9–10	Полностью соответствует, претензий нет
	6–8	В отдельных случаях имеются отклонения, которые устраняются в полном объеме, значительных претензий нет
	3–5	Отклонения случаются часто, устраняются частично, есть претензии
	1–2	Имеются серьезные претензии к санитарному содержанию
Содержание земельного участка (придомовой территории), включая благоустройство и озеленение (по объему, периодичности, срокам, качеству в соответствии с договором, планом)	9–10	Полностью соответствует, претензий нет
	6–8	В отдельных случаях имеются отклонения, которые устраняются в полном объеме, значительных претензий нет
	3–5	Отклонения случаются часто, устраняются частично, есть претензии
	1–2	Имеются серьезные претензии к содержанию придомовой территории

Продолжение табл. 5

1	2	3
Работы по текущему ремонту (по объему, периодичности, срокам, качеству в соответствии с договором, планом)	9–10	Полностью соответствует, претензий нет
	6–8	В отдельных случаях имеются отклонения, которые устраняются в полном объеме, значительных претензий нет
	3–5	Отклонения случаются часто, устраняются частично, есть претензии
	1–2	Имеются серьезные претензии к выполнению текущего ремонта
Работы по капитальному ремонту (по объему, периодичности, срокам, качеству в соответствии с договором, планом)	9–10	Полностью соответствует, претензий нет
	6–8	В отдельных случаях имеются отклонения, которые устраняются в полном объеме, значительных претензий нет
	3–5	Отклонения случаются часто, устраняются частично, есть претензии
	1–2	Имеются серьезные претензии к выполнению работ по капитальному ремонту
Доступность информации об услугах и работах для потребителей	9–10	Сведения открыты и общедоступны для потребителей
	6–8	Получение информации потребителями требует усилий
	3–5	Получение доступа к информации требует существенных усилий со стороны потребителя
	1–2	Информация труднодоступна для потребителей
Полнота отчета управляющей организации, представляемого потребителям	9–10	Подробный отчет с плановыми и фактическими показателями, имеются четкие пояснения об отклонениях и их причинах
	6–8	Подробный отчет с плановыми и фактическими показателями, без указаний о причинах отклонений от плана
	3–5	Отчет содержит лишь фактические показатели без сопоставления с плановыми показателями и пояснений
	1–2	Необходимый отчет не представляется
3. Решение вопросов пользования общим имуществом		
Объем конструктивных предложений по повышению эффективности обслуживания, вносимых управляющей организацией	9–10	Предложенный управляющей организацией план содержит все необходимые разделы с указанием периодичности или сроков выполнения конкретных услуг или работ с учетом пожеланий собственников
	6–8	Предложенный управляющей организацией план содержит основные разделы, но не в полном объеме учитывает пожелания потребителей по содержанию и срокам выполнения
	3–5	Предложенный управляющей организацией план содержит только работы по текущему ремонту
	1–2	План работ не представлен в требуемом объеме

Продолжение табл. 5

1	2	3
Полнота представления информации потребителям, необходимой им для принятия решений по управлению домом	9–10	Управляющей организацией своевременно представлена детальная информация в интересах собственников жилья с необходимым обоснованием
	6–8	Управляющей организацией своевременно представлена достаточно полная информация, но без детального обоснования
	3–5	Информация представляется, но есть претензии к ее полноте, соответствию требованиям собственников жилья и (или) срокам
	1–2	Информация представляется формально или не представляется вообще, имеются серьезные претензии со стороны потребителей
Уровень «обратной связи» с потребителями	9–10	Заинтересованность управляющей организации в: регулярном очном и дистанционном взаимодействии с потребителями; оперативном реагировании на заявления и обращения; представлении информации по индивидуальным запросам; участии в собраниях собственников жилья и их инициировании, в том числе с применением информационно-коммуникационных каналов связи; проведении опросов (анкетировании) собственников помещений; подробных разъяснениях на официальном сайте; периодическом осуществлении рассылки и приема сообщений потребителей по информационно-коммуникационным каналам связи
	6–8	Взаимодействие с потребителями осуществляется следующими способами: прием граждан в соответствии с установленным расписанием; реагирование на заявления и обращения в установленные сроки; представление информации по индивидуальным запросам; участие в собраниях собственников жилья и их инициирование, в том числе с применением информационно-коммуникационных каналов связи; краткие ответы на частые вопросы на официальном сайте; нечастое задействование информационно-коммуникационных каналов связи для осуществления рассылки сообщений

Окончание табл. 5

1	2	3
	3–5	Взаимодействие с потребителями ограничено: традиционным приемом заявлений и обращений потребителей и ответами на них в установленные сроки; представлением информации по индивидуальным запросам; участием в плановых собраниях собственников жилья
	1–2	Взаимодействие с потребителями осуществляется только посредством приема граждан в соответствии с установленным расписанием и рассмотрением заявлений (жалоб) с последующими ответами на них
4. Предоставление коммунальных услуг в границах внутридомовых инженерных коммуникаций		
Уровень соответствия качества предоставления коммунальных услуг (водоснабжения, водоотведения, отопления и других) в МКД требованиям потребителей	9–10	Отсутствие нарушений показателей качества за период за счет своевременного выявления, устранения и предотвращения несоответствий, отсутствие претензий к предоставлению коммунальных услуг со стороны потребителей
	6–8	Возникают отдельные проблемы с предоставлением коммунальных услуг, которые решаются оперативно, серьезные претензии отсутствуют
	3–5	Проблемы с предоставлением коммунальных услуг случаются достаточно часто, имеются претензии
	1–2	Постоянные проблемы с предоставлением коммунальных услуг, серьезные претензии к управляющей организации
Уровень соблюдения требований к энергосбережению и повышению энергоэффективности дома	9–10	Проведение управляющей организацией эффективных энергосберегающих мероприятий в соответствии с нормативно-правовыми требованиями и требованиями потребителей с применением инновационных энергосберегающих и информационно-коммуникационных технологий, повышение энергоэффективности дома
	6–8	Проведение управляющей организацией эффективных энергосберегающих мероприятий в соответствии с нормативно-правовыми требованиями, количество выявленных нарушений минимально
	3–5	Проведение управляющей организацией энергосберегающих мероприятий частично соответствует нормативно-правовым требованиям, энергоэффективность дома недостаточная
	1–2	Энергосберегающие мероприятия практически не проводятся

Предлагаемая комплексная система целевых показателей качества услуг по управлению МКД может быть использована для целей оценки конкурентоспособности управляющих организаций в условиях осуществления контроля за их деятельностью, например, со стороны жилищных инспекций и органов местного самоуправления с оказанием необходимой поддержки для достижения клиентоориентированного уровня обслуживания.

В табл. 6 на основе использования сформированных целевых показателей представлены результаты расчета сводного индекса качества оптимальной клиентоориентированной услуги по управлению МКД по отношению к текущему среднему уровню обслуживания основных конкурентов, занимающих наибольшую долю на рынке округа Муром.

Таблица 6

Расчет индекса качества клиентоориентированной услуги на рынке управляющих организаций округа Муром
Calculation of customer-oriented service quality index in the Murom district management organization market

Целевые показатели качества (техничко-эксплуатационные показатели)	Единицы измерения	Клиентоориентированная услуга	Основные конкуренты	Единичный показатель, q_i (п. 3/п. 4)	Коэффициент значимости, $k_{зн}$	$q_i \times k_{зн}$
1	2	3	4	5	6	7
1. Благоприятные и безопасные условия проживания граждан						
Текущее состояние МКД в результате деятельности управляющей организации	Баллы	9	6	1,5	0,1	0,15
2. Надлежащее содержание общего имущества						
Техническое обслуживание конструкций дома (по объему, периодичности, срокам, качеству в соответствии с договором, планом)	Баллы	8	6	1,33	0,1	0,13
Техническое обслуживание внутридомовых инженерных систем (по объему, периодичности, срокам, качеству в соответствии с договором, планом)	Баллы	9	6	1,5	0,1	0,15
Санитарное содержание подъездов и других помещений, относящихся к общему имуществу (по объему, периодичности, срокам, качеству в соответствии с договором, планом)	Баллы	9	5	1,8	0,06	0,11
Содержание земельного участка (придомовой территории), включая благоустройство и озеленение (по объему, периодичности, срокам, качеству в соответствии с договором, планом)	Баллы	9	5	1,8	0,06	0,11
Работы по текущему ремонту (по объему, периодичности, срокам, качеству в соответствии с договором, планом)	Баллы	9	5	1,8	0,09	0,16
Работы по капитальному ремонту (по объему, периодичности, срокам, качеству в соответствии с договором, планом)	Баллы	8	4	2	0,1	0,2

Окончание табл. 6

1	2	3	4	5	6	7
Доступность информации об услугах и работах для потребителей	Баллы	10	7	1,43	0,05	0,07
Полнота отчета управляющей организации, представляемого потребителям	Баллы	10	5	2	0,03	0,06
3. Решение вопросов пользования общим имуществом						
Объем конструктивных предложений по повышению эффективности обслуживания, вносимых управляющей организацией	Баллы	10	5	2	0,05	0,1
Полнота представления информации потребителям, необходимой им для принятия решений по управлению домом	Баллы	8	5	1,6	0,03	0,05
Уровень «обратной связи» с потребителями	Баллы	10	5	2	0,05	0,1
4. Предоставление коммунальных услуг в границах внутридомовых инженерных коммуникаций						
Уровень соответствия качества предоставления коммунальных услуг (водоснабжения, водоотведения, отопления и др.) в МКД требованиям потребителей	Баллы	9	4	2,25	0,1	0,23
Уровень соблюдения требований к энергоэффективности и повышению энергоэффективности дома	Баллы	8	4	2	0,08	0,16
Итого		–	–	–	1	1,76
Экономический показатель						
Величина тарифа за 1 кв. м площади обслуживания	руб.	31,52	24,55	–	–	–

Расчет индекса качества произведен с применением метода групповых и единичных показателей, в соответствии с которым коэффициенты значимости ($k_{\text{зн}}$) по каждому показателю услуги определены экспертным подходом с учетом уровня приоритетности каждого показателя для массового потребителя, исходя из того, что сумма всех коэффициентов значимости составляет в совокупности требуемое качество – 100 % или единицу [9].

В результате сводный индекс качества оптимальной клиентоориентированной услуги превышает средний уровень текущего обслуживания МКД в округе Муром в 1,78 раза. Такая достаточно высокая величина показателя свидетельствует о том, что критерии качества текущего обслуживания со стороны основных конкурентов не соответствуют даже группе «Стандартная услуга» с минимально возможным тарифом.

Средний тариф обслуживания по основным конкурентам в округе Муром составляет 24,55 руб. за 1 кв. м.

Расчет ориентировочной величины тарифа предоставления клиентоориентированной услуги для округа Муром был произведен на базе небольшого жилищного фонда, который обслуживается управляющей организацией ООО ДУК «Территория» (см. табл. 1), имеющей потенциальные возможности оказания услуг из группы «Оптимальная услуга» по приемлемым для населения тарифам (табл. 7).

Таблица 7

**Расчет полной себестоимости и тарифа по предоставлению
клиентоориентированной услуги по управлению МКД
на базе ООО ДУК «Территория»**

**Calculation of the full cost and tariff for the provision
of customer-oriented services for the management of apartment buildings
on the basis of Home Management Company “Territory” LLC**

№ п/п	Показатели	Затраты на обслу- живание по плану на год, руб.
1	Ремонт конструктивных элементов жилых зданий	19 490 604
2	Ремонт и обслуживание внутридомового инженерного оборудования	16 780 445
3	Благоустройство и обеспечение санитарного состояния жилых зданий и придомовых территорий	19 172 257
4	Прочие прямые затраты по управлению жилищным фондом	14 713 381
5	Общехозяйственные расходы	14 457 960
6	Всего расходы по эксплуатации	84 614 647
7	Себестоимость содержания 1 кв. м общей площади жилья	26,26
8	Норматив рентабельности, %	20
9	Плановая прибыль за единицу услуги	5,25
10	Тариф на обслуживание 1 кв. м общей площади жилья	31,52

Сводный индекс экономических показателей рассчитывается как соотношение тарифов оцениваемой клиентоориентированной услуги и услуги основных конкурентов:

$$\frac{31,52}{24,55} = 1,28.$$

Отсюда показатель уровня конкурентоспособности равен:

$$K = \frac{1,78}{1,28} = 1,38,$$

что подтверждает конкурентоспособность клиентоориентированного обслуживания МКД даже в условиях экономически обоснованного среднего роста тарифа на 28 %.

Заключение

Оценка конкурентоспособности услуги по управлению МКД на основе сформированной системы целевых показателей качества позволяет проанализировать потенциал управляющей организации на конкретном рынке обслуживания. В результате чего у управляющей организации появляется стимул к выработке мероприятий по дальнейшему совершенствованию услуги по управлению МКД в целях повышения конкурентоспособности, увеличения доли рынка и доходности.

Предложенная комплексная система целевых показателей во взаимосвязи с тарифообразованием и методический подход к оценке конкуренто-

способности управляющих организаций могут стать основой для обоснованного конкурсного выбора этих организаций жителями и для развития клиентоориентированного обслуживания в рамках единого стандарта по управлению и эксплуатации МКД, а также для осуществления объективно необходимой поддержки управляющих организаций со стороны региональных властей и органов местного самоуправления в целях достижения требуемого в соответствии с установленными критериями уровня конкурентоспособности услуг для населения.

Список источников

1. *Акимкин В.В., Кириллова А.Н.* и др. Управление многоквартирными домами: Практическое пособие. М.: Самшит-издат, 2006. 526 с.
2. *Джонсон Д.М., Херрманн А.* Ориентация на клиента – ключевой фактор успеха предприятия // Проблемы теории и практики управления. 1999. № 2. С. 96–100.
3. *Кирсанов С.А.* Повышение эффективности предоставления жилищных и коммунальных услуг в России // Экономика. Управление. Инновации. 2018. № 2. С. 114–127.
4. *Липсиц И.В.* и др. Маркетинг-менеджмент: учебник и практикум для вузов / под ред. И.В. Липсица, О.К. Ойнер. М.: Юрайт, 2023. 379 с.
5. *Лифиц И.М.* Конкурентоспособность товаров и услуг: учебное пособие для вузов / 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 392 с.
6. *Ряховская А.Н., Таги-заде Ф.Г.* Тарифная и ценовая политика в жилищной и коммунальной сферах: Монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 124 с.
7. *Сухарева А.Н., Голубев А.А., Карасева Л.А.* Управляющие организации в сфере ЖКХ: организационно-правовые формы и количественные показатели объекта обслуживания // Финансы и кредит. 2018. Т. 24, № 6. С. 1387–1402. DOI: 10.24891/fin.24.6.1387
8. *Тваури Р.Г.* Ориентация на клиента как основа качественного управления в жилищном хозяйстве // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2015. № 2 (11). С. 21–24.
9. *Шамишин С.А., Свистунов А.В.* Особенности процесса обоснования создания инновационной продукции: учеб. пособие для студентов направлений подготовки 080000 Экономика и управление; 230000 Информатика и вычислительная техника. Муром: Изд.-полиграфический центр МИ ВлГУ, 2010. 94 с.
10. *Андрианова Д.* УК против ЖКХ // Коммерсантъ. «Дом». Приложение № 200 от 27.10.2022. С. 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5633697> (дата обращения: 12.02.2023).
11. *Баишаков И.А.* Реформа ЖКХ: мы неправильно делаем то, что задумали, или неправильно задумали то, что делаем? (Десять спорных тезисов). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cenef.ru/file/10%20questions.pdf> (дата обращения: 12.02.2023).
12. Исследование показало, сколько россиян удовлетворены качеством ЖКХ // Недвижимость. РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://realty.ria.ru/20200313/1568524417.html> (дата обращения: 12.02.2023).
13. *Перевощикова М.* Позвали в ГОСТ: власти проконтролируют цены управляющих компаний // Известия. 2023. 11 января. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1452449/mariia-perevoshchikova/pozvali-v-gost-vlasti-prokontroliruiut-tseny-upravliaiushchikh-kompanii> (дата обращения: 12.02.2023).
14. 83 % жителей России недовольны своими управляющими компаниями в сфере ЖКХ / Социологический опрос исследовательского агентства «Zoom Market». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mazm.ru/article/a-2185.php> (дата обращения: 12.02.2023).

References

1. Akimkin V.V., Kirillova A.N. et al. Upravlenie mnogokvartirnymi domami: Prakticheskoe posobie [Management of apartment buildings: A practical guide]. Moscow, Samshit-izdat, 2006. 526 p.
2. Dzhonson D.M., Herrmann A. Orientacija na klienta – kljuchevoj faktor uspeha predpriyatija [Orientation to the client – a key factor in the success of the enterprise], *Problemy teorii i praktiki upravlenija* [Problems of theory and practice of management], 1999, no. 2, pp. 96–100.
3. Kirsanov S.A. Povyshenie jeffektivnosti predostavlenija zhilishhnyh i kommunal'nyh uslug v Rossii [Improving the efficiency of providing housing and communal services in Russia], *Jekonomika. Upravlenie. Innovacii* [Economics. Control. Innovation], 2018, no. 2, pp. 114–127.
4. Lipsic I.V. et al. Marketing-menedzhment: uchebnik i praktikum dlja vuzov [Marketing management: textbook and workshop for universities]. Pod red. I.V. Lipsica, O.K. Ojner. Moscow, Jurajt, 2023. 379 p.
5. Lific I.M. Konkurentosposobnost' tovarov i uslug: uchebnoe posobie dlja vuzov [Competitiveness of goods and services: textbook for universities]. 4-e izd., pererab. i dop. Moscow, Jurajt, 2022. 392 p.
6. Rjahovskaja A.N., Tagi-zade F.G. Tarifnaja i cenovaja politika v zhilishhnoj i kommunal'noj sferah: Monografija [Tariff and pricing policy in housing and communal services: Monograph]. Moscow, INFRA-M, 2016. 124 p.
7. Suhareva A.N., Golubev A.A., Karaseva L.A. Upravljajushhie organizacii v sfere ZhKH: organizacionno-pravovye formy i kolichestvennye pokazateli ob#ekta obsluzhivaniya [Managing organizations in the sphere of housing and communal services: organizational and legal forms and quantitative indicators of the service object], *Finansy i kredit* [Finance and credit], 2018, vol. 24, no. 6, pp. 1387–1402. DOI: 10.24891/fc.24.6.1387
8. Tvauri R.G. Orientacija na klienta kak osnova kachestvennogo upravlenija v zhilishhnom hozjajstve [Orientation to the client as a basis for quality management in housing], *Evrazijskij Sojuz Uchenyh (ESU)* [Eurasian Union of Scientists (ESU)], 2015, no. 2 (11), pp. 21–24.
9. Shamshin S.A., Svistunov A.V. Osobennosti processa obosnovaniya sozdaniya innovacionnoj produkcii [Features of the process of substantiation of the creation of innovative products]: ucheb. posobie dlja studentov napravlenij podgotovki 080000 Jekonomika i upravlenie; 230000 Informatika i vychislitel'naja tehnika. Murom: Izd.-poligraficheskij centr MI VIGU, 2010. 94 p.
10. Andrianova D. UK protiv ZhKH [Criminal Code against housing and communal services], *Kommersant*#. «Dom» [Prilozhenie Kommersant. “House”. Annex], no. 200 ot 27.10.2022. P. 2. [Electronic resource]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5633697> (accessed: 12.02.2023).
11. Bashmakov I.A. Reforma ZhKH: my nepravil'no delaem to, chto zadumali, ili nepravil'no zadumali to, chto delaem? (Desjat' spornyh tezisev) [Housing and communal services reform: are we doing what we conceived incorrectly, or have we conceived what we are doing incorrectly? (Ten controversial theses)]. [Electronic resource]. Available at: <http://www.cenef.ru/file/10%20questions.pdf> (accessed: 12.02.2023).
12. Issledovanie pokazalo, skol'ko rossiyan udovletvoreny kachestvom ZhKH [The study showed how many Russians are satisfied with the quality of housing and communal services], *Nedvizhimost'. RIA Novosti* [Real Estate. RIA News]. [Electronic resource]. Available at: <https://realty.ria.ru/20200313/1568524417.html> (accessed: 12.02.2023).
13. Perevoshhikova M. Pozvali v GOST: vlasti prokontroliруют ceny upravljajushhih kompanij [Called to GOST: the authorities will control the prices of management companies], *Izvestija* [Izvestia], 2023, 11 janvarja. [Electronic resource]. Available at: <https://>

iz.ru/1452449/mariia-perevoshchikova/pozvali-v-gost-vlasti-prokontroliruiut-tceny-upravliaiushchikh-kompanii (accessed: 12.02.2023).

14. 83 % zhitelej Rossii nedovol'ny svoimi upravljajushhimi kompanijami v sfere ZhKH [83 % of Russians are dissatisfied with their management companies in the housing and communal services sector]. Sociologicheskij opros issledovatel'skogo agentstva «Zoom Market». [Electronic resource]. Available at: <https://www.mazm.ru/article/a-2185.php> (accessed: 12.02.2023).

Сведения об авторах:

А.В. Свистунов – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Муромский институт (филиал), Муром, Российская Федерация.

И.А. Торчин – ведущий специалист отдела финансового анализа и планирования, Производственное Объединение Муромский машиностроительный завод, Муром, Российская Федерация.

Information about the authors:

A.V. Svistunov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs, Murom Institute (branch), Murom, Russian Federation.

I.A. Torchin – Leading Specialist of Financial Analysis and Planning Department, Production Association Murom Machine Building Plant, Murom, Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

<i>Статья поступила в редакцию</i>	<i>13.02.2023</i>	<i>The article was submitted</i>	<i>13.02.2023</i>
<i>Одобрена после рецензирования</i>	<i>15.02.2023</i>	<i>Approved after reviewing</i>	<i>15.02.2023</i>
<i>Принята к публикации</i>	<i>16.02.2023</i>	<i>Accepted for publication</i>	<i>16.02.2023</i>

Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 158–168
Vestnik NSUEM. 2023. No. 1. P. 158–168

Научная статья

УДК 334

DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-158-168

**ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПАНИЙ КАК ФАКТОРА
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА
В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ
И ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР**

Саченок Людмила Ивановна

Севастопольский государственный университет

Lyudmila.sachenok@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обуславливается тем, что в условиях рыночной экономики анализ доходов, расходов и финансовых результатов предпринимательских структур позволяет дать оценку эффективности деятельности, а также выявить основные тенденции его развития и пути совершенствования хозяйственной деятельности. В работе автором проведен структурно-динамический анализ доходов, расходов и финансовых результатов телекоммуникационного рынка Российской Федерации. А соответственно проанализированы динамика и структура количества пользователей широкополосным доступом к сети Интернет в России. Исследована и дана оценка эффективности деятельности организации для разработки направлений по совершенствованию и развитию телекоммуникационного рынка.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, финансовая деятельность, анализ-факторы, доходы, расходы, оценка компаний цифрового и ИТ-сектора, телекоммуникации

Для цитирования: Саченок Л.И. Оценка экономической эффективности деятельности компаний как фактора устойчивого развития региона в условиях нестабильности социально-экономической среды и ограничительных мер // Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 158–168. DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-158-168.

Original article

**ASSESSMENT OF THE ECONOMIC EFFICIENCY
OF COMPANIES' ACTIVITIES AS A FACTOR
OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGION
IN CONDITIONS OF INSTABILITY OF THE SOCIO-ECONOMIC
ENVIRONMENT AND RESTRICTIVE MEASURES**

Sachenok Lyudmila I.

Sevastopol State University

Lyudmila.sachenok@mail.ru

© Саченок Л.И., 2023

Abstract. The relevance of the research topic is due to the fact that in a market economy, the analysis of income, expenses and financial results of business structures allows us to assess the effectiveness of activities, as well as to identify the main trends in its development and ways to improve economic activity. In this paper, the author conducted a structural and dynamic analysis of income, expenses and financial results of the telecommunications market of the Russian Federation. And accordingly, the dynamics and structure of the number of users with broadband Internet access in Russia are analyzed. The effectiveness of the organization's activities for the development of directions for the improvement and development of the telecommunications market is investigated and evaluated.

Keywords: socio-economic development, financial activity, analysis of factors, income, expenses, valuation companies in the digital and IT sectors, telecommunications

For citation: Sachenok L.I. Assessment of the economic efficiency of companies' activities as a factor of sustainable development of the region in conditions of instability of the socio-economic environment and restrictive measures. *Vestnik NSUEM*. 2023; (1): 158–168. (In Russ.). DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-158-168.

Доходы, расходы и финансовые результаты деятельности предприятия являются ключевыми показателями результативности предпринимательской деятельности и определяют уровень развитости производственной базы, эффективности использования материальных, трудовых и финансовых ресурсов предприятия, а также главным индикатором конкурентоспособности предприятия на рынке функционирования. Посредством данных показателей можно определить перспективы развития предприятия в будущем, возможности расширения и воспроизводства основных фондов, развития социальной базы на предприятии и основные тенденции его производственной и коммерческой деятельности [1].

В современных условиях, с целью обеспечения успешности ведения бизнеса предпринимательские структуры стремятся развивать деятельность по различным направлениям, поэтому источники их доходов отличаются многообразием. Расходы, связанные с получением таких доходов, разнообразны. В этой связи анализ доходов предприятия позволяет выявить наиболее перспективные направления деятельности, определить структуру доходов и отследить тенденции роста или снижения тех или иных доходов [2].

Актуальность выбранной темы обуславливается тем, что в условиях рыночной экономики анализ доходов, расходов и финансовых результатов предпринимательских структур позволяет дать оценку эффективности деятельности, а также выявить основные тенденции его развития и пути совершенствования хозяйственной деятельности.

Существующие на сегодняшний день методики анализа доходов и затрат позволяют комплексно и поэтапно оценить результаты деятельности предприятия, выявить резервы повышения эффективности его деятельности и разработать рекомендации по улучшению финансовых показателей.

Расходы любого предприятия являются одним из определяющих факторов его прибыльности. От величины расходов и их структуры зависит конечный финансовый результат и прибыльность деятельности. Рациональность использования ресурсов предприятия и оптимизация расходов возможны только при качественном проведении экономического анализа.

Размер доходов, расходов и финансовых результатов телекоммуникационных компаний обусловлен большим числом факторов.

На уровень доходов телекоммуникационных компаний влияет востребованность данных услуг. Так, современное развитие информационных технологий, внедрение их во все сферы управления, коммерческой деятельности и обычную жизнь населения приводят к росту востребованности услуг средств телекоммуникаций.

Важным фактором объема и динамики доходов телекоммуникационных компаний является географическое месторасположение компании. Так, в промышленно развитых регионах сфера телекоммуникационных технологий существенно более востребована и технические возможности развития материально-техническую базы телекоммуникационных компаний гораздо больше, что позволяет создать крупную инфраструктуру телекоммуникационных сетей, охватить значительный объем абонентов и, таким образом, получить существенный объем доходов. В то же время в сельской местности востребованность на телекоммуникационные услуги значительно ниже. Одновременно с этим в сельской местности ввиду значительного расстояния между населенными пунктами требуются существенные инвестиции в создание телекоммуникационной сети, которые не будут покрыты последующим доходом от оказания услуг телекоммуникационной связи и телевидения [3].

Объем доходов телекоммуникационной компании также зависит от наличия компаний смежных услуг. Так, вышки мобильной связи могут быть использованы для установки оборудования для распространения спутникового телевидения, что позволяет существенно сократить инвестиции в установку оборудования (вышек), одновременно с этим охватить существенный пласт абонентов без дополнительных расходов.

Важное значение для уровня доходности телекоммуникационной компании имеет уровень конкуренции. Наличие в одном населенном пункте нескольких компаний – провайдеров сети Интернет или предоставляющих услуги кабельного и спутникового телевидения способствует распределению абонентов среди них, а следовательно, ограничивает возможность увеличения дохода и приводит к необходимости применения различных программ лояльности для абонентов, что отрицательно сказывается на уровне доходности компании.

Исследование проводилось по материалам телекоммуникационных компаний Крыма и телекоммуникационного рынка в России.

В 2020 г. существенное влияние на уровень доходности телекоммуникационных компаний оказала пандемия коронавируса. Пандемия COVID-19 и перспективы повторения всплеск вирусных инфекций в будущем формируют общественный запрос на изменение существующего уклада жизни, сложившихся социальных и экономических процессов, подходов к ведению бизнеса.

Такие изменения приводят к необходимости быстрого и массового перехода людей к общению в онлайн-режиме и автономной удаленной работе. Они могут способствовать усилению роли компаний цифрового и ИТ-сектора в экономике, будут являться стимулом к развитию технологий

и сетей связи, инфраструктуры обработки и хранения данных, которые способны абсорбировать лавинообразный рост потребления трафика, обеспечить достаточную пропускную способность сети, стабильность сетевого подключения, а главное – предоставить широкий спектр востребованных цифровых сервисов населению, бизнесу и государству.

Согласно отчетам ведущих мировых телекоммуникационных компаний, негативный финансовый эффект, непосредственно связанный с пандемией COVID-19, в среднем составил 4–8 % от объема выручки. Наиболее пострадавшим сегментом бизнеса операторов стал роуминговый бизнес в связи с сокращением клиентами числа поездок. Также снизилось количество покупок продвинутых моделей смартфонов: как следствие закрытия ряда розничных магазинов и сетей.

При этом вынужденная удаленная работа в совокупности с повышенным спросом на домашние развлечения в условиях самоизоляции привела к устойчивому росту трафика данных, в основном по оптоволокну, а также по мобильной связи [3].

На уровень расходов телекоммуникационных компаний оказывают влияние такие внешние факторы, как курс рубля, степень развитости материально-технической базы и количество обслуживаемых абонентов. Поскольку на сегодняшний день телекоммуникационные компании используют в основном импортное оборудование и комплектующие, падение курса рубля приводит к росту стоимости запасных частей, приборов и комплектующих, которые необходимы для текущего технического обслуживания и ремонта технической инфраструктуры компании.

В современных создавшихся условиях в связи с санкциями и эмбарго на поставку импортного телекоммуникационного оборудования объем расходов телекоммуникационных компаний существенно увеличится, поскольку закупать оборудование предприятия будут вынуждены через третьи страны, что ведет к существенному удорожанию телекоммуникационного оборудования (по оценкам специалистов на треть) [4].

Определенное влияние на уровень расходов телекоммуникационных компаний оказывает цена на цветные металлы, поскольку от этого зависит цена на кабельную продукцию, которая является основой телекоммуникационных сетей. Кроме того, влияние на объем расходов оказывает местонахождение телекоммуникационной компании и ореола его обслуживания, при обслуживании абонентов в крупных многоквартирных районах города объем использованных кабельной продукции, приборов и установок существенно меньше, чем в тех районах, где уровень заселения ниже, а расстояние между домовладениями значительно.

На уровень расходов телекоммуникационных компаний также оказывает влияние собственная материально-техническая база. Способность оборудования одновременно оказывать услуги и сети Интернет, и кабельного телевидения приводит к снижению совокупных расходов, поскольку для этого может использоваться смежное оборудование.

Следовательно, факторами влияния на доходы и расходы телекоммуникационных компаний являются географическое положение компании, уровень востребованности телекоммуникационных технологий, обуслов-

ленный ростом промышленного производства и активным внедрением информационных технологий во все сферы промышленного производства, коммерческую и управленческую деятельность субъектов экономики. Важное значение для уровня доходов и расходов также имеет уровень конкуренции – чем большее количество телекоммуникационных компаний в одном населенном пункте, тем ниже доходы от оказания телекоммуникационных услуг, и тем выше расходы на оказание дополнительных услуг и внедрение программ лояльности для привлечения абонентов. На уровень расходов существенное влияние оказывают объем обслуживаемых абонентов, курс рубля, внешнеполитические факторы и состояние материально-технической базы. Чем больше объем обслуживаемых абонентов, тем больше расходов несет предприятие на их обслуживание. Падение курса рубля и санкции последних месяцев ведут к удорожанию материалов и комплектующих импортного производства, что негативно скажется на уровне расходов предприятия [5].

Основные тенденции телекоммуникационного рынка России в современных условиях

Телекоммуникационный рынок России, как и другие отрасли экономики нашей страны, подвержен влиянию общеэкономических факторов мировой и отечественной экономики. Так, в период пандемии COVID-19 сфера телекоммуникаций, как и большинство других отраслей экономики, подверглась негативному влиянию ее последствий.

Необходимость внедрения удаленной работы для офисных работников, перевод обучающихся на дистанционное обучение, сферу ритейла – в сеть Интернет вызвала повышенную нагрузку на операторов связи.

В 2020 г. во всем мире насчитывалось около 7,9 млрд действующих абонентов мобильной связи, во многом за счет активного развертывания сетей 4G LTE. В 2021 г. количество действующих абонентов увеличилось до 8,2 млрд человек. Мобильные технологии и подключения доминируют в телекоммуникациях сегодня, и в перспективе этот тренд будет иметь тенденцию к росту в связи с потенциалом развертывания сетей следующего поколения (5G).

По состоянию на 2020 г. в мире насчитывалось более 1,1 млрд абонентов фиксированной широкополосной связи; в 2021 г. их количество выросло на 3,2 %. В сегменте широкополосного доступа в Интернет (ШПД) имеются перспективы для роста, особенно в странах, где до сих пор низкий охват абонентов.

Так как стандартными услугами глобальный рынок телекоммуникаций уже насыщен, основные телеком-операторы вынуждены формировать новые сегменты, в том числе и сети следующего поколения.

Несмотря на то, что перспективы внедрения каналов связи 5G пока до конца неизвестны, аналитики предполагают, что они станут драйвером существенного роста отрасли, прежде всего с точки зрения возможностей расширения абонентской базы, дальнейшего проникновения новых технологий, капитальных вложений и доходов операторов.

По мнению аналитиков, основными мировыми трендами развития телекоммуникационных технологий на сегодняшний день являются следующие:

- сближение телекома с контентом: видео и игры;
- смещение роста в смежные направления: информационная безопасность, ЦОД и IoT;
- работа с новыми для телекома отраслями: финтех, умный дом, цифровая медицина и образование;
- развитие новых направлений вокруг потребностей клиента: дом, мобильность, безопасность, работа, общение [5].

При этом основными тенденциями развития мировых телекоммуникационных компаний являются:

- рост спроса на цифровые (ИКТ) сервисы в постковидной реальности;
 - сближение фиксированного и мобильного доступа – конвергенция.
- Рост спроса на вертикальные (отраслевые) решения и частные сети (LTE, а затем и 5G);
- активная цифровизация государственных органов управления;
 - снижение доходности на инвестиции (ROIC) и усиливающееся давление на затраты.

В динамике объем доходов телекоммуникационных услуг в России на протяжении последних семи лет постоянно увеличивался за исключением 2020 г. (рис. 1).

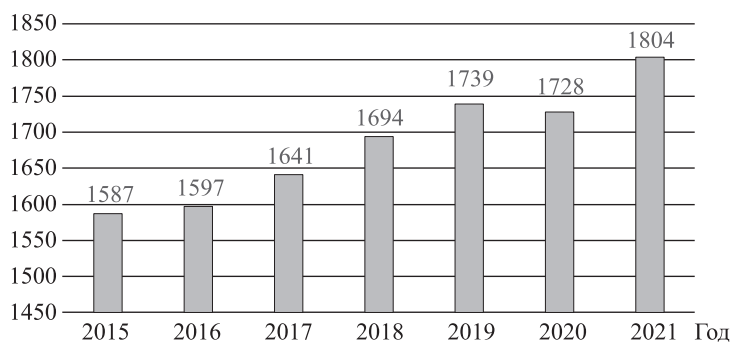

Рис. 1. Динамика доходов российского телекоммуникационного рынка, млрд руб. [6].

Income dynamics of the Russian telecommunications market, billion rubles

Постоянный рост доходов телекоммуникационных компаний в России вызван ростом востребованности широкополосной сети Интернет, поскольку интернет-технологии проникли практически во все сферы жизни населения и экономики страны.

Наиболее высокие темпы роста доходов телекоммуникационных компаний в России наблюдаются в 2017 г. – темп прироста составил 2,76 %, в 2018 г. – 3,23 % и в 2019 г. – 2,65 %. В 2020 г., несмотря на рост востребованности телекоммуникационных услуг в связи с карантинными мерами, объем доходов телекоммуникационных компаний сократился на 0,63 %, что связано с насыщением рынка и попытками экономии субъектами хозяйствования практически на всем, включая интернет-связь.

Однако уже в 2021 г. доходы телекоммуникационных компаний снова увеличились – темп прироста составил 4,4 %, что вызвано как восстановлением экономики, так и переориентацией многих торговых предприятий на интернет-площадки с учетом предыдущего опыта интернет-ритейла в 2020 г. и расширением продвижения торговых интернет-площадок, видео-каналов для просмотра фильмов и игр, последовавшим за этим продвижением рекламного контента в интернет-ресурсах.

В структуре российского телекоммуникационного рынка самую большую долю порядка 57 % занимают услуги мобильной связи (рис. 2).

Рис. 2. Структура телекоммуникационного рынка в России за 2021 г., % [6]
The structure of the telecommunications market in Russia in 2021, %

В 2020–2021 гг. наблюдается прирост наиболее современных видов телекоммуникационных технологий (рис. 3).

В 2020 г. объем доходов мобильной связи увеличился на 0,9 %, в 2021 г. на 4,4 %. Рост дохода интернет-доступа в 2020 г. составил 3,0 %, в 2021 г. – 3,5 %.

По итогам 2020 г. количество абонентов мобильной связи несколько сократилось – на 1,3 %, что связано с карантинными мерами и невозможностью посещать салоны мобильной связи для оформления сим-карт, а также в связи с тем, что в результате закрытия границ сократилось коли-

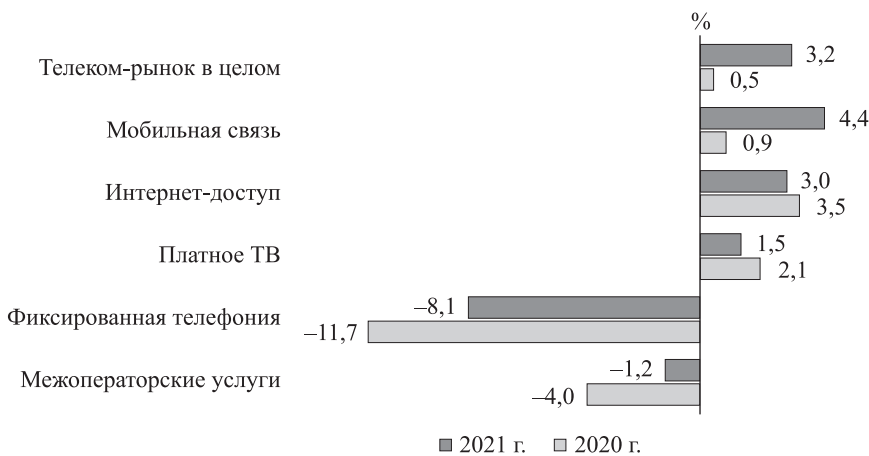

Рис. 3. Динамика доходов телекоммуникационных компаний в 2020–2021 гг., % [6]
Dynamics of income of telecommunication companies in 2020–2021, %

чество трудовых мигрантов, которые пользовались услугами российских туроператоров.

В 2021 г. доходы от мобильной связи увеличились незначительно – всего лишь на 4,4 %, что связано с отсутствием карантинных мер.

Российский рынок широкополосного доступа в 2020 г. составил 20,1 млрд руб., в 2021 г. увеличился незначительно – на 3 %. Охват рынка широкополосного доступа в 2021 г. составил 61 %. Абонентская база увеличилась на 0,8 %.

В B2C-сегменте увеличение числа абонентов в первую очередь было обусловлено распространением конвергентных продуктов операторов, однако на фоне высокого насыщения рынка темпы роста замедлились.

Основную долю российского рынка широкополосного доступа сети Интернет занимают домохозяйства (73 %), что вызвано как востребованностью наличия сети Интернет в каждой семье, так и ростом числа подключений в связи с перспективами продолжения пандемии коронавируса и ожиданиями работы и учебы на дому.

Количество пользователей увеличилось на 2,1 %, до 36,1 млн человек, из них корпоративных пользователей – 1,6 млн организаций, частных пользователей – 34,5 млн абонентов (рис. 4).

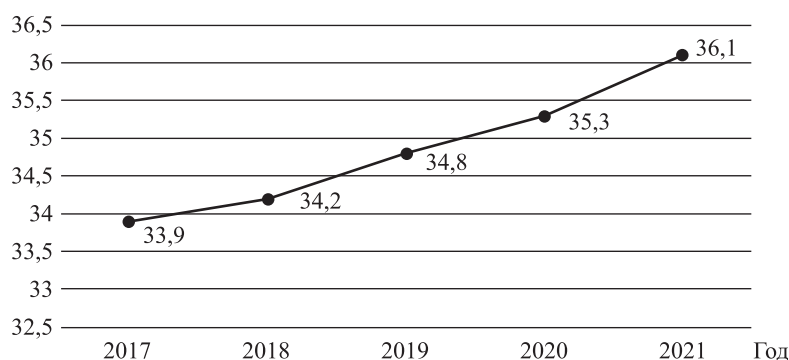

Рис. 4. Динамика количества пользователей широкополосным доступом к сети Интернет в России, млн чел. [6]

Dynamics of the number of users of broadband access to the Internet in Russia, million people

Охват рынка России широкополосным доступом к сети Интернет в 2021 г. составил 61 %, т.е. на сегодняшний день существуют еще широкие перспективы для расширения данного рынка. Помимо расширения покрытия операторами, росту числа клиентов способствовало подключение в период самоизоляции абонентов, пользовавшихся до этого исключительно мобильным интернетом. Основными технологиями платного телевидения в России являются спутниковое, кабельное и интерактивное.

Если на мировом рынке платного ТВ по итогам 2020 г. наблюдалось сокращение вследствие оттока абонентов в связи с пандемией, то в России положительная динамика платного ТВ сохранилась. Операторы ШПД успешно осваивали потенциал перевода своих пользователей на пакетные тарифы с интерактивным ТВ (IPTV), количество отключений сократилось.

Повышенный спрос на услугу платного ТВ, вызванный вынужденным карантинном, многие крупные операторы поддерживали акциями для новых абонентов.

В результате в 2020 г. количество абонентов увеличилось и превысило 46,4 млн человек (рис. 5).

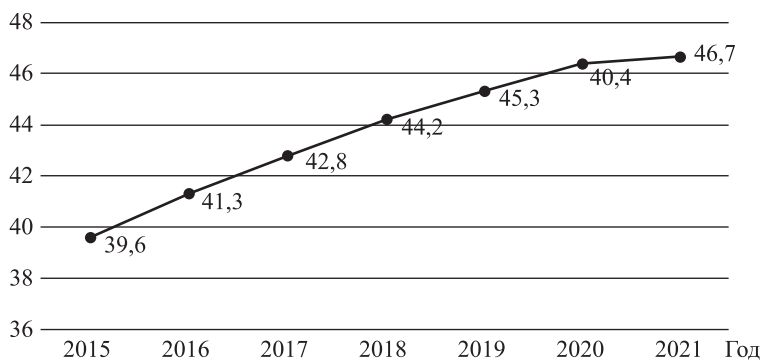

Рис. 5. Динамика развития рынка кабельного телевидения в России в 2015–2021 гг., млн чел. [6]

Dynamics of development of the cable television market in Russia in 2015–2021, million people

Услугами платного телевидения по состоянию на 2020 г. охвачено 81 % населения.

По итогам 2021 г. рынок платного телевидения приостановился – абонентская база увеличилась всего лишь на 0,5 %, количество абонентов составило 46,4 млн человек. Рынок кабельного телевидения охвачен на 82 %.

Доходы от услуг кабельного телевидения увеличились на 1,5 % и составили 106,1 млрд руб. (рис. 6).

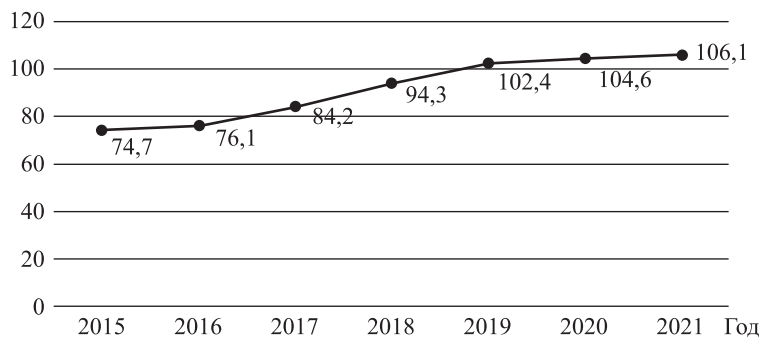

Рис. 6. Динамика доходов рынка кабельного телевидения в России в 2015–2021 гг., млн чел. [6]

Dynamics of income of the cable television market in Russia in 2015–2021, million people

При этом необходимо отметить, что темпы роста доходов кабельного телевидения в 2021 г. сократились, что связано не только с сокращением притока новых абонентов, но и повышением тарифов на кабельные телевидение.

Итак, проведенный анализ рынка телекоммуникационных услуг показал, что данный рынок является перспективным. Наблюдается постоянный прирост практически всех сегментов телекоммуникации, за исключением устаревших форм (стационарных средств телефонной связи и почтовых услуг). Наибольшие темпы роста показывает мобильная связь, широкополосный доступ к сети Интернет и кабельное телевидение. Данные сегменты становятся все более востребованными как в связи с более активным внедрением их в повседневную жизнь населения и деятельность коммерческих предприятий, так и в связи с развитием информационных технологий. Необходимо отметить, что темпы роста доходов от мобильной связи сокращались в 2020 г. в связи с карантинными мерами и невозможностью подключать новых абонентов, в то же время темпы роста доходов от услуг кабельного телевидения и широкополосного доступа к сети Интернет в 2020 г. увеличивались. В 2021 г. наблюдалась обратная картина – темпы роста доходов услуг мобильной связи увеличивались, в то время как темпы роста кабельного телевидения и широкополосного доступа к сети Интернет сокращались, что связано с насыщением рынка.

Список источников

1. *Агарков А.П., Голов Р.С., Теплышев В.Ю. и др.* Экономика и управление на предприятии: учебник для бакалавров / под ред. д.э.н., проф. А.П. Агаркова. М.: Дашков и К, 2019. 400 с.
2. *Афонин И.В.* Управление развитием предприятия. Стратегический менеджмент, инновации, инвестиции, цены: учебное пособие. М.: Дашков и К, 2018. 380 с.
3. *Волков О.И., Девяткин О.В.* Экономика предприятия (фирмы): учебник / изд. 3-е, перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2015. 601 с.
4. *Лысенко Д.В.* Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности: учебник для вузов. М.: ИНФРА-М, 2019. 320 с.
5. Телекоммуникационный рынок России: влияние пандемии и перспективы развития. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/telekommunikatsionnyy-rynok-rossii-vliyanie-pandemii-i-perspektivy-razvitiya/>
6. «ТМТ Консалтинг»: российский рынок телекоммуникаций 2021. URL: <https://www.cableman.ru/article/tmt-konsalting-rossiiskii-rynok-telekommunikatsii-2021/>

References

1. Agarkov A.P., Golov R.S., Teplyshev V.Ju. et al. Jekonomika i upravlenie na predpriyatii: uchebnik dlja bakalavrov [Economics and management at the enterprise: Textbook for bachelors]. Pod red. d.je.n., prof. A.P. Agarkova. Moscow, Dashkov i K, 2019. 400 p.
2. Afonin I.V. Upravlenie razvitiem predpriyatija. Strategicheskij menedzhment, innovacii, investicii, ceny: uchebnoe posobie [Enterprise development management. Strategic management, innovations, investments, prices. Tutorial]. Moscow, Dashkov i K, 2018. 380 p.
3. Volkov O.I., Devjatkin O.V. Jekonomika predpriyatija (firmy): uchebnik [Economics of an enterprise (firm): textbook]. Izd. 3-e, pererab. i dop. Moscow, INFRA-M, 2015. 601 p.
4. Lysenko D.V. Kompleksnyj jekonomicheskij analiz hozjajstvennoj dejatel'nosti: uchebnik dlja vuzov [Comprehensive economic analysis of economic activity: a textbook for universities]. Moscow, INFRA-M, 2019. 320 p.

5. Telekommunikacionnyj rynek Rossii: vlijanie pandemii i perspektivy razvitiya [Russian telecommunications market: the impact of the pandemic and development prospects]. Available at: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/telekommunikatsionnyy-rynek-rossii-vliyanie-pandemii-i-perspektivy-razvitiya/>
6. «TMT Konsalting»: rossijskij rynek telekommunikacij 2021 [“TMT Consulting”: Russian telecommunications market 2021]. Available at: <https://www.cableman.ru/article/tmt-konsalting-rossiiskii-rynok-telekommunikatsii-2021/>

Сведения об авторе:

Л.И. Саченок – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация.

Information about the author:

L.I. Sachenok – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit, Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation.

<i>Статья поступила в редакцию</i>	<i>03.01.2023</i>	<i>The article was submitted</i>	<i>03.01.2023</i>
<i>Одобрена после рецензирования</i>	<i>20.01.2023</i>	<i>Approved after reviewing</i>	<i>20.01.2023</i>
<i>Принята к публикации</i>	<i>17.02.2023</i>	<i>Accepted for publication</i>	<i>17.02.2023</i>

Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 169–183

Vestnik NSUEM. 2023. No. 1. P. 169–183

Научная статья

УДК 314.44

DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-169-183

КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Галушин Павел Викторович¹, Галушина Елена Николаевна²

¹ Сибирский юридический институт МВД России

² Красноярский государственный медицинский университет
им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого

¹ galushin@gmail.com

² e.n.galushina@gmail.com

Аннотация. Социально значимые болезни по-прежнему остаются проблемой здравоохранения в Российской Федерации, для противодействия этих заболеваний утверждены различные ведомственные целевые программы. В данной статье делается попытка осуществления подобной классификации. В результате кластерного анализа были выделены пять кластеров. Среди субъектов Российской Федерации могут быть достаточно уверенно выявлены кластеры по уровню заболеваемости социально значимыми заболеваниями (по большинству указанных заболеваний между выделенными кластерами существуют статистически значимые различия). Выделенные кластеры имеют также достаточно ярко выраженную географическую общность: в целом кластеры сгруппированы по степени удаленности от Москвы.

Ключевые слова: социально значимые болезни, кластерный анализ, R, метод Краскелла–Уоллиса, поправка Бонферрони на множественное сравнение

Для цитирования: Галушин П.В., Галушина Е.Н. Кластерный анализ социально значимых заболеваний в Российской Федерации // Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 169–183. DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-169-183.

Original article

CLUSTER ANALYSIS OF SOCIALLY SIGNIFICANT DISEASES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Galushin Pavel V.¹, Galushina Elena N.²

¹ *Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation*

² *Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University*

¹ galushin@gmail.com

² e.n.galushina@gmail.com

Abstract. Socially significant diseases still remain a public health problem in the Russian Federation, and various departmental targeted programs have been approved to counteract these diseases. This article attempts to implement such a classification. As a result of cluster analysis, five clusters were identified. Among the constituent entities of the Russian Federation, clusters can be identified quite confidently in terms of the incidence of socially significant diseases (for most of these diseases, there are statistically significant differences between the identified clusters). The identified clusters also have a fairly noticeable geographical commonality: in general, the clusters are grouped according to the degree of remoteness from Moscow.

Keywords: socially significant diseases, cluster analysis, R, Kruskal–Wallis test, Bonferroni correction for multiple comparison

For citation: Galushin P.V., Galushina E.N. Cluster analysis of socially significant diseases in the Russian Federation. *Vestnik NSUEM*. 2023; (1): 169–183. (In Russ.). DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-169-183.

Введение

Согласно [7] социально значимые заболевания – это заболевания, которые в силу своей демографической распространенности и социальной значимости последствий требуют специальных мер диагностики, профилактики и лечения. В соответствии с постановлением правительства Российской Федерации [16] в перечень социально значимых заболеваний входят туберкулез, инфекции, передающиеся преимущественно половым путем, гепатит В, гепатит С, болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), злокачественные новообразования, сахарный диабет, психические расстройства и расстройства поведения, болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением.

Для противодействия распространению данными заболеваниями приказом Министерства здравоохранения РФ от 5 апреля 2019 г. № 199 [14] была утверждена ведомственная целевая программа «Предупреждение и борьба с социально значимыми инфекционными заболеваниями», которая фокусируется на борьбе с туберкулезом и ВИЧ-инфекцией. Борьба с другими социально-значимыми заболеваниями предусмотрена в целевой программе “Развитие здравоохранения”, утвержденной постановлением Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1640 [15].

Регионы России могут существенно отличаться друг от друга своими природными условиями, уровнем социально-экономического развития и другими параметрами. Поэтому эффективность предпринимаемых мер может быть обеспечена только при учете региональных особенностей и соответствующего определения приоритетов. С другой стороны, рассмотрение каждого субъекта Федерации как уникального может быть оправдано с точки зрения региональных властей, но существенно затруднить планирование и замедлить принятие адекватных мер федеральными органами власти.

Таким образом, выделение небольшого количества групп субъектов Федерации, характеризующихся похожими паттернами распространения социально значимых заболеваний, является вполне обоснованным. Для каждой из этих групп могут быть разработаны типовые программы по борьбе с социально значимыми заболеваниями, учитывающие специфику каждой группы. Количество программ будет невелико, поэтому их можно будет разработать достаточно тщательно за разумное время. В данной статье делается попытка осуществления подобной классификации.

Следует отметить, что изучение динамики распространения социально значимых заболеваний и борьба с ними достаточно активно развивается в трудах отечественных ученых. В статье [2] приведены группы детерминант, которые обуславливают развитие социально значимых заболеваний различной этиологии (как неинфекционной, так и инфекционной).

В работе [4] определены причины разнонаправленной динамики заболеваемости социально значимыми болезнями, а также представлены гендерные различия в заболеваемости социально значимыми болезнями. Кроме того, рассмотрены региональные различия в заболеваемости социально значимыми болезнями по показателю численности пациентов, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях, в результате чего приведена группировка из 10 регионов России с высокими и низкими показателями численности пациентов в 2018 г.

В статье [11] вместе с динамикой заболеваемости населения социально значимыми болезнями в РФ за 1995–2018 гг. рассматриваются факторы, которые могут оказывать влияние на заболеваемость социально значимыми болезнями.

В статье [17] рассматриваются региональные различия в уровнях заболеваемости населения социально значимыми болезнями, на основе которого выделяются наиболее социально благополучные и неблагополучные регионы в России.

В статье [3] рассматриваются различия в динамике заболеваемостью социально значимыми болезнями по территориальному признаку, определяются федеральные округа с наибольшей и наименьшей заболеваемостью по каждой группе болезней.

В работе [13] был произведен факторный анализ социально значимых заболеваний, который позволил разбить регионы Российской Федерации на 4 группы в зависимости от уровня общей заболеваемости социально значимыми болезнями и заболеваемости болезнями инфекционной и неинфекционной этиологии.

Данные и методы

Эмпирическую базу исследования составили данные статистического сборника «Здравоохранение в России» [6].

Для определения групп субъектов Российской Федерации, схожих по заболеваемости социально значимыми болезнями, применялся иерархический кластерный анализ с помощью языка программирования R в среде разработки R-Studio.

Для определения меры сходства между объектами использовался квадрат евклидова расстояния, для вычисления расстояний между кластерами – метод Уорда [1, 20]. Джо Уорд предложил общую агломеративную иерархическую процедуру кластеризации, в которой критерий выбора пары кластеров для слияния на каждом шаге основан на оптимальном значении целевой функции, в качестве которой используется внутрикластерная дисперсия.

По каждому кластеру регионов были рассчитаны средние показатели заболеваемости социально значимыми болезнями. Полученные различия в средних показателях между кластерами были оценены с помощью непараметрического метода сравнения нескольких групп Краскелла–Уоллиса с поправкой Бонфферони на множественное сравнение.

Результаты

Иерархический кластерный анализ показателей заболеваемости социально значимыми болезнями всех регионов Российской Федерации за 2020 г. позволил разделить субъекты на два кластера (рис. 1).

Полученная структура дендрограммы (раннее отделение кластеров, состоящих из одного наблюдения) свидетельствует о существенной неоднородности данных, что может серьезно повлиять на результаты кластеризации. Поэтому особый кластер из следующих регионов: Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Республика Тыва, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Саха (Якутия) был отделен от остальных регионов, после чего кластерный анализ методом Уорда был применен к оставшимся регионам.

Агломеративные процедуры кластеризации не требуют предварительного задания числа кластеров, оно может быть определено после завершения кластеризации на основании полученных данных. Для определения оптимального количества кластеров был использован метод силуэта [8, 9], который основан на построении графика зависимости общей внутренней суммы квадратов отклонений от количества кластеров. Для анализируемых данных соответствующий график показан на рис. 2.

На представленном графике можно видеть, что повышение качества кластеризации (выражающегося в снижении внутренней суммы квадратов отклонений) практически прекращается после четырех кластеров.

Поэтому оставшиеся регионы Российской Федерации были разбиты на четыре кластера (рис. 3). Субъекты Федерации, входящие в один и тот же кластер, выделены прямоугольниками.

Согласно полученной кластеризации, в первый кластер входят Белгородская, Брянская, Владимирская, Ивановская, Калужская, Костромская,

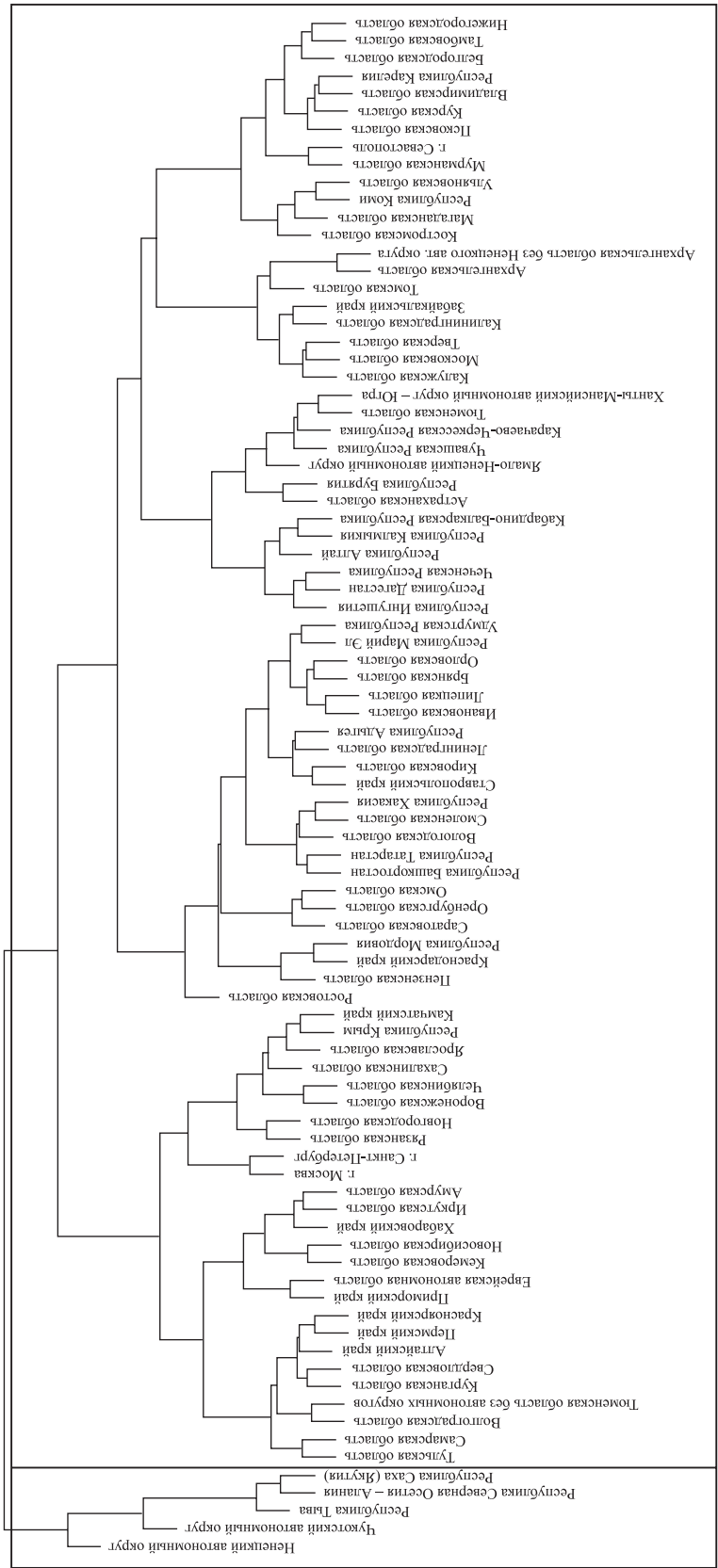

Рис. 1. Иерархический кластерный анализ субъектов РФ за 2020 г.
Hierarchical cluster analysis of subjects of the Russian Federation for 2020

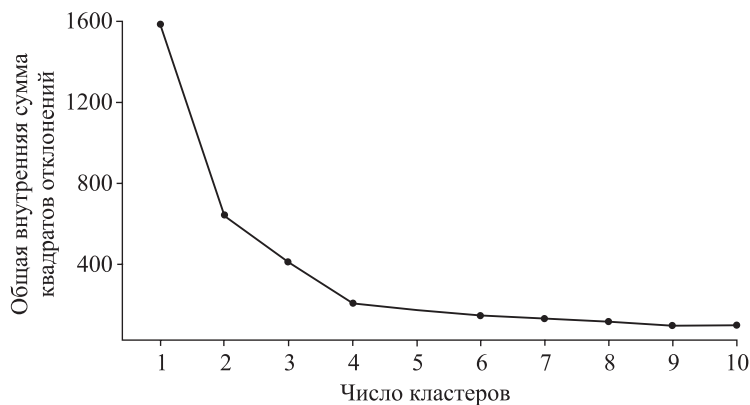

Рис. 2. Определение оптимального числа кластеров (метод силуэта)
Determination of the optimal number of clusters (silhouette method)

Курская, Липецкая, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская области, г. Москва, Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Архангельская область (без Ненецкого автономного округа), Вологодская, Калининградская, Мурманская, Псковская области, Краснодарский край, Ростовская область, г. Севастополь, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Кировская, Нижегородская, Пензенская, Самарская, Ульяновская области, Республика Хакасия, Магаданская область (16 из 18 регионов Центрального федерального округа, 7 из 11 субъектов Северо-Западного федерального округа, 10 из 14 субъектов Приволжского федерального округа).

Второй кластер составляют Воронежская, Ярославская, Новгородская области, г. Санкт-Петербург, Республика Крым, Оренбургская, Саратовская, Челябинская, Омская, Томская области, Камчатский край, Сахалинская область.

Третий кластер: Ленинградская область, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Астраханская область, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика, Ставропольский край, Республика Башкортостан, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Алтай, Республика Бурятия (6 из 7 Северо-Кавказского федерального округа).

Четвертый кластер: Волгоградская область, Пермский край, Курганская, Свердловская области, Тюменская область без автономных округов, Алтайский край, Красноярский край, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская области, Забайкальский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская автономная область (5 из 10 Сибирского федерального округа, 5 из 11 Дальневосточного федерального округа).

Пятый кластер (особый кластер, в который были выделены субъекты Федерации, существенно выделяющиеся при первичной кластеризации): Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Республика Тыва, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Саха (Якутия).

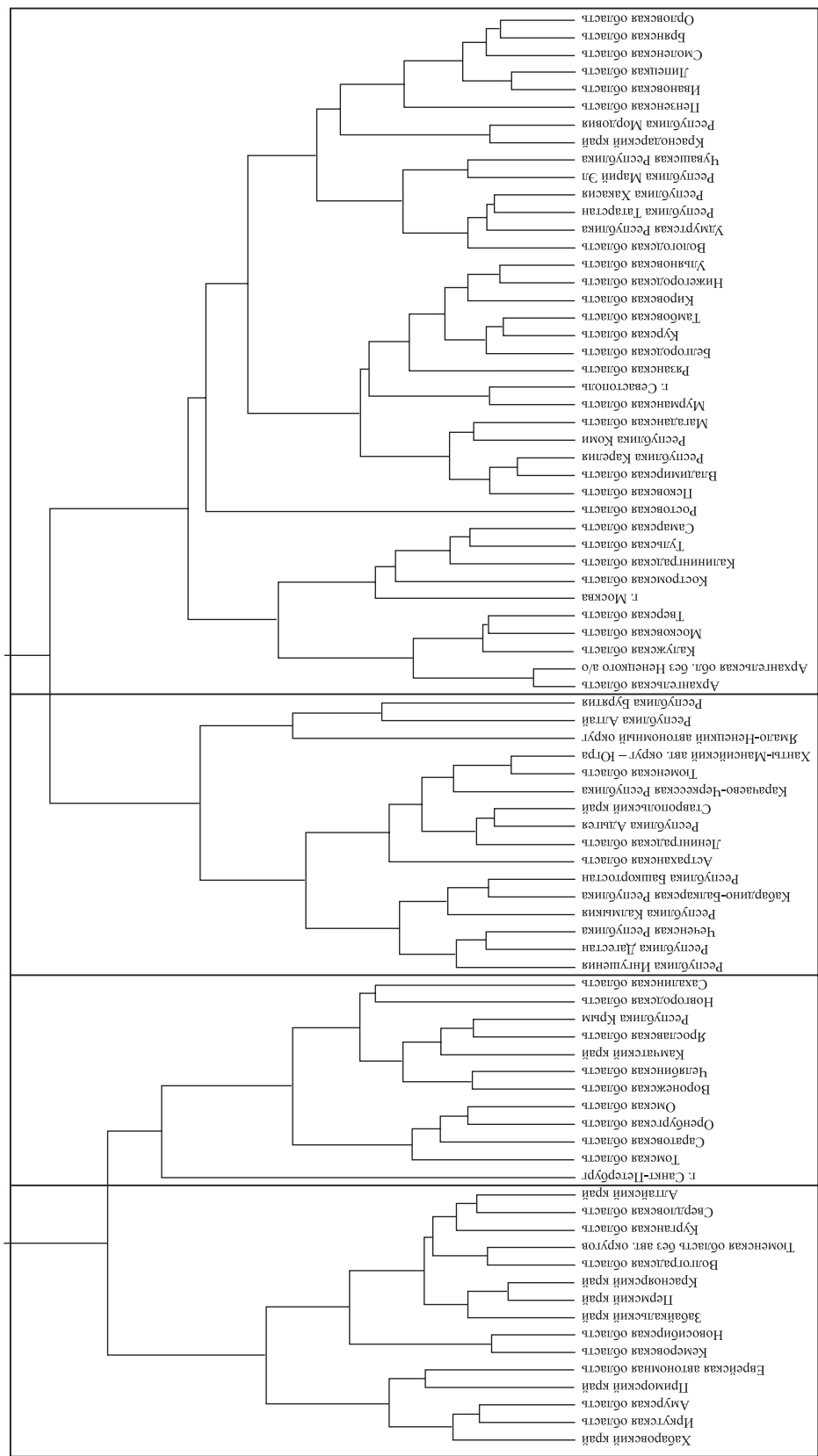

Рис. 3. Иерархический кластерный анализ 82 субъектов Российской Федерации
Hierarchical cluster analysis of 82 subjects of the Russian Federation

По показателям заболеваемости социально значимыми болезнями были вычислены средние значения заболеваемости по кластерам. Они представлены в табл. 1. Полужирным выделены максимальные значения внутри кластера по каждому из заболеваний, курсивом – минимальные.

Таблица 1

Средние значения заболеваемости по кластерам
Average incidence values by clusters

Номер кластера	1	2	3	4	5	Средний показатель по Российской Федерации
Активный туберкулез	<i>0,23</i>	0,355	0,304	0,572	0,583	0,3399406
Злокачественные новообразования	4,24	4,32	2,63	4,09	2,36	3,821388
Сифилис	0,0854	0,105	<i>0,0692</i>	0,0991	0,132	0,0901495
Гонококковая инфекция	<i>0,0457</i>	0,0678	0,0773	0,105	0,396	0,0849899
Гепатит В	<i>0,0305</i>	0,0612	0,041	0,0376	0,247	0,0503557
Гепатит С	0,131	0,237	<i>0,088</i>	0,169	0,134	0,1442404
Сахарный диабет	2,24	2,62	1,94	2,05	<i>1,87</i>	2,183942
Болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением	8,59	9,26	7,95	8,24	6,72	8,397591
Психические расстройства и расстройства поведения	<i>0,272</i>	0,635	0,301	0,291	0,535	0,3458272
Алкоголизм и алкогольные психозы	0,475	0,485	<i>0,233</i>	0,546	1,26	0,489261
Наркомания	0,0623	0,0918	<i>0,05</i>	0,132	0,074	0,0768534

Согласно табл. 1, первый кластер характеризуется самыми низкими показателями заболеваемости активным туберкулезом, гонококковой инфекцией, психическими расстройствами и расстройствами поведения.

Второй кластер характеризуется самым высоким средним показателем среди всех кластеров по заболеваемости онкологическими новообразованиями, болезнями, характеризующимися повышенным кровяным давлением, т.е. болезнями с наибольшим вкладом в смертность Российской Федерации за 2020 г. [18], а также гепатитом С, сахарным диабетом, психическими расстройствами и расстройствами поведения. А остальные показатели (кроме гонококковой инфекции и алкоголизма и алкогольных психозов) превышают средние показатели соответствующих болезней по России.

В третьем кластере самые низкие средние показатели заболеваемости сифилисом, гепатитом С, алкоголизмом и алкогольными психозами, наркоманий. Кроме того, по остальным болезням в данном кластере показатели ниже средних по всей России.

В четвертом кластере наблюдается самый высокий средний показатель по заболеваемости наркоманией, он превышает средний показатель по России почти в два раза.

В пятом кластере получены самые высокие средние показатели по заболеваемости активным туберкулезом, сифилисом, гонококковой инфекцией, гепатитом В, алкоголизмом и алкогольными психозами; и самые низкие средние показатели по заболеваемости злокачественными новообразованиями, сахарным диабетом, болезнями, характеризующимися повышенным кровяным давлением.

На основе табл. 1 определим для каждого кластера количество заболеваний, по которым данный кластер имеет наименьшую или наибольшую заболеваемость (табл. 2).

Таблица 2

Количество экстремальных значений по кластерам
Number of extreme values by clusters

Кластер	Наибольшая заболеваемость	Наименьшая заболеваемость
1	0	4
2	5	0
3	0	4
4	1	0
5	5	3

Анализируя табл. 1 и 2, можно заключить, что наиболее благополучными регионами можно назвать регионы третьего кластера, наиболее неблагоприятными – регионы второго кластера. В пятом кластере наблюдается наиболее поляризованная картина заболеваемости: высокий уровень заболеваемости одними социально значимыми заболеваниями сочетается с низким по другим.

Четвертый кластер может быть описан как типичный, т.е. такой, в котором заболеваемость большинством социально значимых заболеваний (за исключением наркомании) принимает не крайние, а промежуточные значения. Это означает, что регионы, входящие в данный кластер, могут быть использованы в качестве «пилотных» для различных программ по борьбе с социально значимыми заболеваниями.

Статистическая значимость полученных различий среди кластеров в средних показателях заболеваемости социально значимыми болезнями была оценена непараметрическим методом сравнения нескольких независимых групп – тестом Краскелла–Уоллиса [10]. Результаты тестов представлены в табл. 3, где полужирным выделены заболевания, статистическая значимость различий в которых между кластерами подтвердилась тестом на уровне значимости 0,05.

Поскольку проводилось множественное сравнение на одних и тех же статистических данных, оправдано применение поправки Бонферрони на множественное сравнение [5, 12, 19]. Подправленные уровни статистической значимости представлены в табл. 4, полужирным выделены заболевания, статистическая значимость различий в которых между кластерами подтвердилась тестом даже с учетом поправки Бонферрони.

Таблица 3

Результаты тестов Краскелла – Уоллиса
Kruskell –Wallis test results

Заболевание	Уровень статистической значимости (наблюдаемый)	p-значение
Активный туберкулез	0,00000005537	< 0,05
Злокачественные новообразования	0,000000001238	< 0,05
Сифилис	0,1371	> 0,05
Гонококковая инфекция	0,00002035	< 0,05
Гепатит В	0,01677	< 0,05
Гепатит С	0,0002293	< 0,05
Сахарный диабет	0,2942	> 0,05
Болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением	0,8093	> 0,05
Психические расстройства и расстройства поведения	0,0000004607	< 0,05
Алкоголизм и алкогольные психозы	0,0001369	< 0,05
Наркомания	0,000001224	< 0,05

Таблица 4

Результаты тестов Краскелла – Уоллиса с поправкой Бонферрони
на множественное сравнение
Kruskal –Wallis test scores with Bonferroni correction for multiple comparisons

Заболевание	Уровень статистической значимости (наблюдаемый)	p-значение с учетом поправки Бонферрони
Активный туберкулез	0,00000005537	< 0,004545
Злокачественные новообразования	0,000000001238	< 0,005
Сифилис	0,1371	> 0,016667
Гонококковая инфекция	0,00002035	< 0,007143
Гепатит В	0,01677	> 0,0125
Гепатит С	0,0002293	< 0,01
Сахарный диабет	0,2942	> 0,025
Болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением	0,8093	> 0,05
Психические расстройства и расстройства поведения	0,0000004607	< 0,005556
Алкоголизм и алкогольные психозы	0,0001369	< 0,008333
Наркомания	0,000001224	< 0,00625

Таким образом, различия в кластерах по большинству заболеваний (7 из 11) не случайны и носят закономерный характер.

Обсуждение и заключение

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Среди субъектов Российской Федерации могут быть достаточно уверенно выявлены кластеры по уровню заболеваемости социально значимыми заболеваниями (по большинству указанных заболеваний между выделенными кластерами существуют статистически значимые различия). Исключение составляют Республика Саха (Якутия), Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Республика Тыва, Республика Северная Осетия – Алания, которые сильнее всего отличаются от остальных субъектов Федерации вместе взятых.

2. Выделенные кластеры имеют также достаточно ярко выраженную географическую общность: в целом кластеры сгруппированы по степени удаленности от Москвы. Это может быть объяснено зависимостью уровня социально-экономического развития регионов от их географического положения. Поиск и анализ конкретных детерминант заболеваемости социально значимыми заболеваниями является возможным направлением дальнейших исследований.

3. Наиболее благополучными (по заболеваемости социально значимыми заболеваниями) являются третий и первый кластеры, т.е. субъекты Федерации, наиболее близкие к Москве, а также относящиеся к Северо-Кавказскому федеральному округу. Таким образом, данные субъекты требуют наименьшего внимания федеральных властей. Но следует ожидать, что в субъектах, относящихся к данному кластеру, ощутимые результаты в плане снижения заболеваемости социально значимыми заболеваниями будет получить труднее всего.

4. Наименее благополучными являются субъекты второго кластера (в основном Северо-Запад и Западная Сибирь). Эти субъекты Федерации требуют наибольшего внимания федерального центра. С другой стороны, в этих субъектах с большой вероятностью любые меры и программы будут приносить положительный результат в силу эффекта низкой базы.

5. Субъекты четвертого кластера (в основном Сибирь и Дальний Восток) можно отнести к типичным, т.е. таким, в которых уровни заболеваемости социально значимыми заболеваниями близки к средним уровням по Российской Федерации в целом. Они могут рассматриваться как кандидаты для осуществления различных пилотных и экспериментальных программ, так как их результаты с большой вероятностью будут точны и для страны в целом. Кроме того, в этих субъектах наиболее широко распространена наркомания, соответственно именно в них целесообразны меры по борьбе с немедицинским использованием наркотиков.

6. Субъекты пятого кластера (Республика Саха (Якутия), Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Республика Тыва, Республика Северная Осетия – Алания) характеризуются «полярной» картиной заболеваемости: высокая по одним заболеваниям, а по другим – низкая. В данных субъектах необходим тщательный выбор фокуса мер по борьбе с социально значимыми заболеваниями.

Список источников

1. *Арлашкин И.Ю.* Кластеризация российских регионов по уровню долговой устойчивости // Финансовый журнал. 2021. Т. 13, № 5. С. 108–124. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-5-108-124
2. *Бояркина С.И.* Детерминанты социально значимых болезней в странах Европы и в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12, № 4. С. 350–367. DOI: 10.21638/spbu12.2019.404
3. *Будилова Е.В., Лагутин М.Б.* Динамика и территориальная дифференциация социально значимых болезней в 2005–2016 гг. в России // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2019. № 3. С. 82–100. DOI: 10.32521/2074-8132.2019.3.082-100
4. *Будилова Е.В., Мигранова Л.А.* Распространение социально значимых болезней и борьба с ними в России // Народонаселение. 2020. Т. 23, № 2. С. 85–98. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.8
5. *Григорьев С.Г., Корнеев А.А., Попович И.Г.* Выбор метода математико-статистического доказательства эффективности пептидного препарата эпифиза // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2019. № 4. С. 103–114. DOI: 10.24411/2312-2935-2019-10083
6. Здравоохранение в России. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 171 с.
7. *Каркищенко В.Н., Каркищенко Н.Н., Шустов Е.Б.* Фармакологические основы терапии. Тезаурус: Руководство для врачей и студентов / 3-е изд. Санкт-Петербург: Айсинг, 2018. 288 с. ISBN 978-5-91753-138-0
8. *Кирилук И.Л., Сенько О.В.* Оценка качества кластеризации панельных данных с использованием методов Монте-Карло (на примере данных российской региональной экономики) // Компьютерные исследования и моделирование. 2020. Т. 12, № 6. С. 1501–1513. DOI: 10.20537/2076-7633-2020-12-6-1501-1513
9. *Кисляков А.Н., Поляков С.В.* Иерархические методы кластеризации в задаче поиска аномальных наблюдений на основе групп с нарушенной симметрией // Управленческое консультирование. 2020. № 5 (137). С. 116–127. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-5-116-127
10. *Кобзарь А.И.* Прикладная математическая статистика / 2-е изд. М.: Физматлит, 2012. 816 с.
11. *Куленцан А.Л., Марчук Н.А.* Анализ динамики заболеваемости населения социально значимыми болезнями в РФ // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2020. № 3 (45). С. 67–70.
12. *Максимов А.В., Клевно В.А.* Многофакторный клинико-анатомический анализ летального исхода // Кубанский научный медицинский вестник. 2019. Т. 26, № 6. С. 107–116. DOI: 10.25207/1608-6228-2019-26-6-107-116
13. *Макушева Т.С., Галушина Е.Н., Апанович М.С.* Факторный анализ социально значимых заболеваний в Российской Федерации // Вестник НГУЭУ. 2019. № 2. С. 85–93. DOI: 10.34020/2073-6495-2019-2-085-093
14. Об утверждении ведомственной целевой программы «Предупреждение и борьба с социально значимыми инфекционными заболеваниями»: приказ Министерства здравоохранения РФ от 5 апреля 2019 г. № 199.
15. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1640.
16. Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих: постановление Правительства РФ от 01.12.2004 № 715 (ред. от 31.01.2020).

17. Овечкина Н.И., Шмарихина Е.С. Заболеваемость населения социально значимыми болезнями в контексте изучения демографической безопасности страны // Вестник НГУЭУ. 2019. № 4. С. 208–219. DOI: 10.34020/2073-6495-2019-4-208-219
18. Попова Л.А., Тараненко Н.Н. Смертность населения России по причинам на пороге новых вызовов // Россия: тенденции и перспективы развития: материалы XX Национальной научной конференции с международным участием, Москва, 14–15 декабря 2020 года. № 16. Ч. 1. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. С. 735–742.
19. Буненков Н.С., Буненкова Г.Ф., Комок В.В. и др. SAS Enterprise Guide 6.1 для врачей: сравнение групп // Медицинский академический журнал. 2019. Т. 19, № 4. С. 33–40. DOI: 10.17816/MAJ17736
20. Шитиков В.К., Мاستицкий С.Э. Классификация, регрессия, алгоритмы Data Mining с использованием R. Электронная книга. 2017. URL: <https://github.com/ranalytics/data-mining> (дата обращения: 16.11.2022).

References

1. Arlashkin I.Ju. Klasterizacija rossijskich regionov po urovnju dolgovoju ustojchivosti [Clusterization of Russian regions by the level of debt sustainability], *Finansovyy zhurnal [Financial magazine]*, 2021, vol. 13, no. 5, pp. 108–124. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-5-108-124
2. Bojarkina S.I. Determinanty social'no znachimyh boleznej v stranah Evropy i v Rossii [Determinants of socially significant diseases in European countries and in Russia], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologija [Vestnik of St. Petersburg University. Sociology]*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 350–367. DOI: 10.21638/spbu12.2019.404
3. Budilova E.V., Lagutin M.B. Dinamika i territorial'naja differenciacija social'no znachimyh boleznej v 2005–2016 gg. v Rossii [Dynamics and territorial differentiation of socially significant diseases in 2005–2016 in Russia], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 23: Antropologija [Vestnik of the Moscow University. Series 23: Anthropology]*, 2019, no. 3, pp. 82–100. DOI: 10.32521/2074-8132.2019.3.082-100
4. Budilova E.V., Migranova L.A. Rasprostranenie social'no znachimyh boleznej i bor'ba s nimi v Rossii [The spread of socially significant diseases and the fight against them in Russia], *Narodonaselenie [Population]*, 2020, vol. 23, no. 2, pp. 85–98. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.8
5. Grigor'ev S.G., Korneenkov A.A., Popovich I.G. Vybora metoda matematiko-statisticheskogo dokazatel'stva jeffektivnosti peptidnogo preparata jepifiza [Choice of the method of mathematical and statistical evidence of the effectiveness of the peptide preparation of the pineal gland], *Sovremennye problemy zdravoohraneniya i medicinskoj statistiki [Modern problems of health care and medical statistics]*, 2019, no. 4, pp. 103–114. DOI: 10.24411/2312-2935-2019-10083
6. Zdravoohranenie v Rossii [Health care in Russia]. 2021: Stat. sb. Rosstat. Moscow, 2021. 171 p.
7. Karkishhenko V.N., Karkishhenko N.N., Shustov E.B. Farmakologicheskie osnovy terapii. Tezaurus: Rukovodstvo dlja vrachej i studentov [Pharmacological bases of therapy. Thesaurus: A guide for physicians and students]. 3-e izd. Sankt-Peterburg: Ajsing, 2018. 288 p. ISBN 978-5-91753-138-0
8. Kiriljuk I.L., Sen'ko O.V. Ocenka kachestva klasterizacii panel'nyh dannyh s ispol'zovaniem metodov Monte-Karlo (na primere dannyh rossijskoj regional'noj jekonomiki) [Evaluation of the quality of panel data clustering using Monte Carlo methods (on the example of data from the Russian regional economy)], *Komp'yuternye issledovaniya i modelirovanie [Computer Research and Modeling]*, 2020, vol. 12, no. 6, pp. 1501–1513. DOI: 10.20537/2076-7633-2020-12-6-1501-1513

9. Kisljakov A.N., Poljakov S.V. Ierarhicheskie metody klasterizacii v zadache poiska anomal'nyh nabljudenij na osnove grupp s narushennoj simmetrijei [Hierarchical clustering methods in the problem of searching for anomalous observations based on groups with broken symmetry], *Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Management consulting]*, 2020, no. 5 (137), pp. 116–127. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-5- 116-127
10. Kobzar' A.I. Prikladnaja matematicheskaja statistika [Applied mathematical statistics]. 2-e. izd. Moscow, Fizmatlit, 2012. 816 p.
11. Kulencan A.L., Marchuk N.A. Analiz dinamiki zabolevaemosti naselenija social'no znachimymi boleznyami v RF [Analysis of the dynamics of the incidence of socially significant diseases in the Russian Federation], *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Serija: Jekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom [News of higher educational institutions. Series: Economics, finance and production management]*, 2020, no. 3 (45), pp. 67–70.
12. Maksimov A.V., Klevno V.A. Mnogofaktornyj kliniko-anatomicheskij analiz letal'nogo ishoda [Multifactorial clinical and anatomical analysis of lethal outcome], *Kubanskij nauchnyj medicinskij vestnik [Kuban Scientific Medical Vestnik]*, 2019, vol. 26, no. 6, pp. 107–116. DOI: 10.25207/1608-6228-2019-26-6-107-116
13. Makusheva T.S., Galushina E.N., Apanovich M.S. Faktornyj analiz social'no znachimyh zabolevanij v Rossijskoj Federacii [Factor analysis of socially significant diseases in the Russian Federation], *Vestnik NGUJeU [Vestnik NSUEM]*, 2019, no. 2, pp. 85–93. DOI: 10.34020/2073-6495-2019-2-085-093
14. Ob utverzhdenii vedomstvennoj celevoj programmy «Preduprezhdenie i bor'ba s social'no znachimymi infekcionnymi zabolevanijami» [On approval of the departmental target program “Prevention and control of socially significant infectious diseases”]: prikaz Ministerstva zdravooohranenija RF ot 5 aprelja 2019 g. № 199.
15. Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Razvitie zdravooohranenija» [On the approval of the state program of the Russian Federation “Health Development”]: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26 dekabrja 2017 g. № 1640.
16. Ob utverzhdenii perechnja social'no znachimyh zabolevanij i perechnja zabolevanij, predstavljajushchih opasnost' dlja okruzhajushchih [On approval of the list of socially significant diseases and the list of diseases that pose a danger to others]: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 01.12.2004 № 715 (red. ot 31.01.2020).
17. Ovechkina N.I., Shmarihina E.S. Zabolevaemost' naselenija social'no znachimymi boleznyami v kontekste izuchenija demograficheskoi bezopasnosti strany [Morbidity of the population with socially significant diseases in the context of studying the country's demographic security], *Vestnik NGUJeU [Vestnik NSUEM]*, 2019, no. 4, pp. 208–219. DOI: 10.34020/2073-6495-2019-4-208-219
18. Popova L.A., Taranenko N.N. Smertnost' naselenija Rossii po prichinam na poroge novyh vyzovov [Mortality of the Russian population for reasons on the verge of new challenges]. Rossiya: tendencii i perspektivy razvitija: materialy XX Nacional'noj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 14–15 dekabrja 2020 goda. № 16. Ch. 1. Moscow, Institut nauchnoj informacii po obshhestvennym naukam RAN, 2021. Pp. 735–742.
19. Bunenkov N.S., Bunenkova G.F., Komok V.V. et al. SAS Enterprise Guide 6.1 dlja vrachej: sravnenie grupp [SAS Enterprise Guide 6.1 for Physicians: Group Comparison], *Medicinskij akademicheskij zhurnal [Medical Academic Journal]*, 2019, vol. 19, no. 4, pp. 33–40. DOI: 10.17816/MAJ17736
20. Shitikov V.K., Mastickij S.Je. Klassifikacija, regressija, algoritmy Data Mining s ispol'zovanijem R. [Classification, regression, data mining algorithms using R]. [Electronic book]. 2017. Available at: <https://github.com/ranalytics/data-mining> (accessed: 16.11.2022).

Сведения об авторах:

П.В. Галушин – кандидат технических наук, доцент кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники, Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Российская Федерация.

Е.Н. Галушина – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры медицинской кибернетики и информатики, Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск, Российская Федерация.

Information about the authors:

P.V. Galushin – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Information and Legal Disciplines and Special Equipment, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Krasnoyarsk, Russian Federation.

E.N. Galushina – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor of the Department of Medical Cybernetics and Informatics, Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk, Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

<i>Статья поступила в редакцию</i>	<i>28.11.2022</i>	<i>The article was submitted</i>	<i>28.11.2022</i>
<i>Одобрена после рецензирования</i>	<i>15.12.2022</i>	<i>Approved after reviewing</i>	<i>15.12.2022</i>
<i>Принята к публикации</i>	<i>30.01.2023</i>	<i>Accepted for publication</i>	<i>30.01.2023</i>

Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 184–205
Vestnik NSUEM. 2023. No. 1. P. 184–205

Научная статья

УДК 311.2

DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-184-205

ТИПОЛОГИЯ АДАПТАЦИИ СЛОЖНОСТНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В РАКУРСЕ ОРГАНИЗМЕННОГО ПОДХОДА

Алексеев Михаил Анатольевич¹, Фрейдина Елизавета Васильевна²,
Серга Людмила Константиновна³

^{1–3} Сибирский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

³ Новосибирский государственный университет экономики
и управления «НИИХ»

¹ m.a.alekseev@nsuem.ru

² evfreydina@socio.pro

³ l.k.serga@nsuem.ru

Аннотация. Устойчивое развитие любого класса сложности социально-экономических систем принципиально неустойчивых в связи с ускорением изменений, разрастания неопределенности, турбулентных проявлений и хаоса во внешней среде является доминирующей парадигмой современности. В исходном посыле содержатся явные противоречия, и научный мир сделал вывод: выживание и развитие социально-экономических систем в сложившихся условиях потребует перевести их деятельность в режим повседневной адаптации к сложной реальности. Предложено понятие адаптации как необходимое, направленное изменение, обеспечивающее устойчивость, рост и развитие системы в пределах достигнутой нормы реакции и за счет компенсационного эффекта. Показано, что изменения отличаются множеством разнообразия и это влечет за собой множества разнообразия адаптационных действий и необходимость объединения их в некоторые типологические группы.

Адаптация по законам эволюции – универсальное свойство биологических систем, позволяющих им входить в устойчивое состояние, расти и развиваться во времени и пространстве. Подключением к исследованию социально-экономических систем организменного подхода обоснован поиск изоморфизма в адаптационных действиях двух разной природы систем. Цель состоит в том, чтобы раскрыть способности к адаптации биологических систем, их типологию и портировать накопленные знания в теорию адаптации социально-экономических систем. В статье приведены типологии адаптации сложностных (сетевые, системной интеграции, бизнес-экосистемы) систем, построенных по двум мегатипам адаптации: системной подобие генотипической, средовой подобие фенотипической.

Ключевые слова: адаптация, организменный подход, сложностность, социально-экономические системы, типология, устойчивое развитие

Для цитирования: Алексеев М.А., Фрейдина Е.В., Серга Л.К. Типология адаптации сложностных социально-экономических систем в ракурсе организменного подхода // Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 184–205. DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-184-205.

© Алексеев М.А., Фрейдина Е.В., Серга Л.К., 2023

Original article

TYPOLOGY OF ADAPTATION OF COMPLEXITY SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS IN TERMS OF ORGANISMIC APPROACH

Alekseev Mikhail A.¹, Freydina Elizaveta V.², Serga Lyudmila K.³

¹⁻³ *Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

³ *Novosibirsk State University of Economics and Management*

¹ m.a.alekseev@nsuem.ru

² evfreydina@socio.pro

³ l.k.serga@nsuem.ru

Abstract. The sustainable development of socio-economic systems, of any class of complexity and principally unstable due to acceleration of changes, growth of uncertainty, turbulent manifestations and chaos in the external environment, is a dominant paradigm of modern times. The initial point contains explicit contradictions and the scientific world drew a conclusion: the survival and development of socio-economic systems in the established conditions would require the transition of their activity to the mode of daily adaptation to complicated reality. The article offers the notion of adaptation as a necessary, directed change, which provides sustainability, growth and development of the system within the reached norm of reaction and through compensation effect. It was shown that the changes are diverse and it leads to a variety of adaptation actions and a need for their typological grouping.

In accordance with the laws of evolution, adaptation is a universal property of biological systems which allows them to enter a sustainable state, grow and develop in time and space. The organismic approach was added to the research of socio-economic systems because of the search for isomorphism in adaptive actions of the two systems of different nature. The goal lies in the revelation of capabilities to adaptation of biological systems and their typology, as well as in the porting of accumulated knowledge to the theory of adaptation of socio-economic systems. The article presents the typologies of adaptation of complexity (network, system integration, business ecosystems) systems, built on two metatypes of adaptation: systematic – genotypical alike, environmental – phenotypical alike.

Keywords: adaptation, organismic approach, complexity, socio-economic systems, typology, sustainable development

For citation: Alekseev M.A., Freydina E.V., Serga L.K. Typology of adaptation of complexity socio-economic systems in terms of organismic approach. *Vestnik NSUEM*. 2023; (1): 184–205. (In Russ.). DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-184-205.

Введение

Адаптация по законам эволюции относится к одному из универсальных свойств биологических систем, позволяющим им входить в устойчивое состояние, расти и развиваться. Теория адаптации систем неорганического мира зарождалась подходом к пониманию системы как «биологического единства» (Л. фон Бергаланфи, 1937). Направленность на расширенное изучение организационных систем с позиции ее «биологического единства» возросла с повышением сложности в устройстве системы и фактом

ее функционирования в пограничье «порядка и хаоса». Этими факторами социально-экономические системы переведены в класс сложных систем. В статье в класс сложных отнесены системы, развивающиеся в пространстве окружающей среды: сетевые, системной интеграции и бизнес-экосистемы.

Подключению организменного подхода к развитию теории адаптации социально-экономических систем способствовали методологические аспекты, введенные в теорию систем: «система – организм»; подобно организму система должна обладать регуляцией, самоорганизацией, самовоспроизводством; модель хозяйственных отношений между системами представляется моделями биологических видов. Когнитивный сдвиг в понимании существования сходства организационных систем со свойствами биологических систем открыл возможность обосновать в той или иной мере эквивалентное преобразование способностей к адаптации систем неорганического мира. Чтобы справиться с решением такой задачи входим в контекст связности двух методологий: общая теория систем, исследуя систему как «организованную сущность, и организменная с представлением системы «биологическим единством».

Обобщение знаний о природе адаптации биологических систем позволило прийти к выводу, что адаптация – это эволюционное преобразование в системе, необходимое, направленное изменение, обеспечивающее устойчивость, рост и развитие системы в пределах достигнутой нормы реакции и за счет компенсационного эффекта.

Природа изменений, происходящих в организационной системе, «многообразна, изменения все время отличаются друг от друга и непоследовательны. Разнообразие изменений приводит к множеству разнообразия адаптационных процессов по созданию устойчивости функционирования и развития сложных организационных систем. В науках об органическом мире множества разнообразия действий по адаптации живых систем сведены в типологию.

Создано представление, что типология адаптации биологических систем выстроена по иерархическому принципу: мегатип, тип, подтип, процесс. Подобная структура группирования адаптационных процессов социально-экономических принята в качестве базовой. В статье типология адаптации раскрывает содержание действий, объединенных в мегатипы и типы. Мегатипы – системная (генотипическая) и средовая (фенотипическая) адаптации. Системная адаптация составлена с использованием сравнительно-типологического инструмента для установления изоморфизма между адаптационными действиями биологических и сложных социально-экономических систем. Исходной позицией для формирования средовой адаптации системы, вызванной изменением ею формы организации деятельности, послужили модели отношений видов или популяций органического мира.

Между системной и средовой адаптацией устанавливается определенная связность. Обеспечение устойчивости функционирования при сложившейся форме организации деятельности – это системная адаптация, переход в новую форму организации деятельности, происходящий в зоне

бифуркации с перестройкой внешнего окружения – это средовая адаптация. Предложенные в статье результаты исследования вносят новые аспекты в типологическое представление адаптации сложностных социально-экономических систем и в целенаправленное управление адаптацией.

1. Социально-экономические системы класса «сложностные»

Обращение к категории «сложностность» системы объясняется тем, что «современная цивилизация вступила в эпоху экспоненциально растущей сложности систем в условиях турбулентности, неопределенности и возникновения новых глобальных рисков» [6]. Сложностность связываем с объективными условиями эволюции реальных социально-экономических систем. Эволюция наблюдается: 1) в усложнении организационного устройства систем: от «хорошо организуемых» к саморегулирующимся и самоорганизующимся; 2) в радикальном изменении формы организации деятельности систем; 3) в функционировании и развитии системы в пограничье «порядка и хаоса». Соединение возбуждающих социально-экономическую систему принципиальных изменений вводит ее в класс сложностных организационных образований.

К сложностным относят системы при изменении формы организации деятельности, когда в качестве «направляющей руки» выступают принципы самоорганизации и эволюции [16]:

- принцип дивергенции, означающий «расхождение» или «размножение» новых форм организации,
- принцип конвергенции, означающий «схождение» или «сходимости» в новое образование.

В экономике стремление бизнес-систем к эволюционному изменению формы организации деятельности (к новому фенотипу) вызвано:

а) накоплением системой энергии (капитала, интеллектуального ресурса), при которой она способна воздействовать на окружающую среду с доминированием кооперации над конкуренцией, что приводит к новой макро- или мезохозяйственной системе, способной активно работать в новом сложившемся миропорядке;

б) диффузией технологий, диффузией капитала, сменой технологического уклада, выступающих во взаимосвязанной последовательности [9, с. 260].

На современном уровне развития экономики действует шестой технологический уклад, ядро которого (вскрытое частично) составляют: информационные технологии, когнитивные науки и технологии, аддитивные технологии и НБИКС-конвергенция (NBIC).

Из множества фенотипов конструкций современных социально-экономических систем, выстроенных на идеях принципов дивергенции и конвергенции, раскрытию категории сложностных систем подлежат наиболее распространенные формы организации их деятельности:

- сетевая система как результат «расхождения» или «размножения» «корневой» системы с мягкой связностью с периферийными системами, входящими в пространство образуемой сети;

– системная интеграция – результат «схождения» или «сходимости» автономных систем с разными формами организации деятельности и жесткой связанностью в линейной цепи взаимодействия;

– бизнес-экосистема представляют собой организм делового мира, который постепенно переходит от случайного набора элементов (систем сателлитов) к более структурированному сообществу.

Причина того, что системы сетевые, системной интеграции и бизнес-экосистемы относятся к сложностным, состоит в том, что система пытается удержать себя в устойчивом состоянии между хаосом внешней среды и порядком ее устройства. «Причем и к хаосу и порядку трудно применять традиционно понятные термины “простое” и “сложное”, так как хаос – это сверхсложное состояние внешней среды, под влиянием которого выстраивается сверхсложный порядок» [22] в устройстве самоорганизующихся и саморазвивающихся систем, характеризующихся «принципиальной неустойчивостью» и «принципиальной стохастичностью».

Соединение сложности устройств системы, расширенного состава функций и образуемого единого пространства для управления взаимодействием экономических субъектов является фактором ввода сформированной целостности в виде сетевых, системной интеграции и бизнес-экосистемы в категорию сложностных (сверх сложных) систем.

2. Адаптация – категория эволюции сложностных социально-экономических систем

Адаптация по законам эволюции относится к одному из универсальных свойств систем, позволяющих им входить в некоторое устойчивое состояние [19].

История науки о развитии адаптационной способности биологических систем прослеживается, начиная с трудов Ч. Дарвина. Он является основоположником в понимании адаптации и как процесса, и как результата приобретения живыми организмами свойств, необходимых для выживания и развития в конкретных условиях их существования.

Обратим внимание на то, что понятия «выживание и развитие» имеют существенное отличие. Выживание – сохранение организма, а так как организационная система – организм, то ее цель состоит в сохранении своей целостности. Тогда как эволюция – необратимое и, в известной мере, направленное развитие любого класса систем, сопровождающееся постепенными непрерывными количественными и качественными изменениями. В то же время способности социально-экономической системы к преодолению изменений с целью выживаемости и развития в рамках сложившихся и доминирующих представлений об адаптации сведены в один процесс – приспособление.

Устойчивое развитие разнообразия биологических систем (популяций, видов) и их эволюция в окружающих с непрерывным изменением условий обеспечивается адаптацией. Изучение понятия адаптации, сформулированного отечественными физиологами, а также введенного в законы теории эволюции, показало, что оно имеет расширенную трактовку. Адаптация по

определению П.К. Анохина – это компенсаторное (от лат. *compensatio* – возмещаю) приспособление. Поясняется, что «всякая компенсация нарушенных функций может иметь место только при мобилизации значительного числа физиологических компонентов, зачастую расположенных в различных отделах центральной нервной системы и рабочей периферии, тем не менее, всегда функционально объединенных на основе получения конечного приспособительного эффекта» [3, с. 225]. Эволюционная роль адаптации определена эффектом от компенсаторных процессов и мобилизацией функций живой системы.

Законами теории эволюции определение адаптации сформулировано так: «достигнутый результат совершившегося развития, который можно определить как *ансамбль свойств целого* (обычно организм, но и применительно к сложным, саморегулирующимся и самоорганизующимся системам), обеспечивающих его устойчивое существование и воспроизведение» [19]. В приведенном определении адаптации отсутствует понятие «приспособление», а суперординатное понятие – это совершившееся развитие.

Приходим к выводу: следует разграничить понятия «приспособление» и «адаптация». Подкрепление такому решению находим в понятии «приспособление» в русском словарном контексте – это повышение выживаемости организма, освоившегося в переменных условиях внешней среды путем приобретения нужных навыков и свойств [17, с. 596]. В итоге выводное знание; приспособление – процесс подстройки системы к сложившимся условиям с целью сохранения своей целостности, адаптация – необходимое, направленное изменение, обеспечивающее устойчивость, рост и развитие системы в пределах эволюционно достигнутой нормы реакции и за счет компенсационного эффекта [1].

Изменение представляет процесс превращения материальной целостности или ее части в «другое», вызванное причинностью, определяемое его типом и формой, имеющее предел для осуществления. Природа изменений, происходящих в организационной системе, «многообразна, изменения все время отличаются друг от друга, они непоследовательны и не являются частью паттерна» [26]. Разнообразие изменений приводит к разнообразию адаптационных процессов по созданию устойчивости функционирования и развития сложностных организационных систем.

В противоречивом единстве изменчивости и устойчивости ведущую роль играет изменчивость, ибо все новое в мире появляется лишь через нее, а устойчивость лишь фиксируют достигнутое в этом процессе. Изменчивость по Н. Моисееву «является фактом, с которым непрерывно приходится сталкиваться». И далее, «изменчивость, случайность и неопределенность проявляются не сами по себе, а в контексте необходимости, в законах, управляющих развитием ее организационных форм» [28].

Обзор публикаций по адаптации социально-экономических систем, выполненный рядом исследователей, показал, что процессы адаптации в организационном управлении представляются в виде множества тех или иных автономных действий [2], тогда как в органическом мире множества разнообразия процессов адаптации сведены в типологии.

Социально-экономическую систему по ряду признаков рассматривают в качестве аналога биологической системе. Основные проявления в аналогии: целостность и множество взаимодействующих процессов, управляемость системой «мозговым центром», воздействие окружающей среды на систему и непрерывный поиск согласия ее с природой, представленной полисубъектной рефлексивно-активной внешней средой, посредством адаптации или приспособления. В теории организационного управления закрепились общеизвестные аналогии: «система – организм» (Н.Н. Моисеев) [16], «анатомия управления», «физиология управления», «мозг фирмы» (Ст. Бир) [5], «адаптация – повседневная деятельность» (Э. Тоффлер) [24], «саморегуляция – аспект устойчивого состояния развивающейся системы» (В.С. Степин) [23], приспособительное поведение и адаптация, социально-экономические системы – класс сложных адаптивных систем (Complex Adaptive Systems, CAS) (американская компания BCG) [29], модель хозяйственных отношений между системами представляется моделями биологических видов «хищник – жертва», «сильный хищник – слабый хищник» (Дж. Мур) [27].

Когнитивный сдвиг в понимании существования сходства организационных систем (аналог) со свойствами биологических систем (прототип) открывает возможность обосновать в той или иной мере эквивалентное преобразование способностей к адаптации социально-экономических систем. Чтобы справиться с решением такой задачи, входим в контекст связности двух методологий: общая теория систем как модель «организованной сущности» [4] и организменной с представлением системы «биологическим единством».

Адаптация – это процесс, который сопровождает систему любого класса на протяжении ее жизненного цикла и отличается специфичностью и избирательностью реакций на изменение условий внешней среды. Изменения, относительно которых проводится адаптация, и в органическом, и неорганическом мире характеризуются множеством разнообразия. Дифференциация множества разнообразия действий по обеспечению жизнеспособности биологических систем отражена в типологии адаптации. Методологические аспекты ее построения: разделение адаптационных процессов на два мегатипа – генотипическую и фенотипическую адаптацию.

Генотипическая адаптация представляет внутреннюю перестройку генотипа и является исходной формой эволюции живых систем, позволяющих организму существовать в сложных условиях среды. Перестройка формы организации жизни биологической системы с целью реализации возможностей для «покорения» других популяций и расширения сферы своего влияния – фенотипическая адаптация. Каждый из мегатипов биологическими науками раскрыт через совокупность типов, находящихся в определенных отношениях между собой.

Выстроенные типологии генотипической и фенотипической адаптаций биологических систем принимаются как образец для построения типологии адаптации организационных систем. При этом в качестве аналогов мегатипов биологических систем в организационном управлении вводятся, соответственно, системная и средовая адаптации. Сущность их раскрыта

совокупностью типов, выстроенных на основе сопоставительно-типологического анализа в исследовании изоморфизма адаптации биологических систем со способностью к этому процессу социально-экономических систем. Адаптационные действия из двух типологий осуществляются в определенной последовательности их связности: при сложившейся форме организации деятельности системы адаптация ведется согласно типам системой адаптации, с переходом в новую форму организации деятельности, происходящей с перестройкой внешнего окружения, включаются типы среды адаптации.

3. Типология системной адаптации

В биологических системах процессы адаптации, обусловленные внутренней перестройкой частей, при которой, как указывает П.К. Анохин, вступают в отношения «взаимоСодействия» [3]. Цель познания генотипической адаптации – определить вектор поиска изоморфизма в процессах биологических и социально-экономических систем для установления признаков как общих, так и различия. Адаптация – это процесс, который отличается специфичностью и избирательностью реакций на изменение условий внешней среды. Различия свойств реакции живых систем находят отражение в типах адаптации, обладающих определенными признаками: приспособление к условиям окружающей среды, приспособительное поведение, морфологическая, физиологическая и генетическая адаптация [7].

Приведенные типы адаптации разнесем по степени глубины изменений, вносимых в биологическую систему, и сложности их осуществления на три группы:

- 1) простые – адаптация посредством приспособления к условиям внешней среды, приспособительного поведения видов;
- 2) сложные – морфологическая и физиологическая адаптация;
- 3) сложностные (perplexity) – генетическая адаптация.

К простому типу адаптации социально-экономических систем относим процессы поддержания устойчивого состояния и развития за счет ресурсного и интеллектуального (знание, умение) потенциала без системного вмешательства в генезис и конструкцию системы. Так, в процесс адаптации как приспособления к условиям внешней среды заложена технология доверительных действий, проявляющихся, например, через личные переговоры и отношения с экономическими субъектами, рекламу. Такое действие – это рефлексивный, развивающийся во времени процесс [11]. Вводим для рассматриваемого типа адаптации социально-экономических систем понятие «рефлексивная адаптация».

Процессы адаптации приспособительного поведения живых организмов проявляются как защитные и как агрессивные действия. В социально-экономических системах защитными процессами считаются накопление запасов, действие по обеспечению устойчивого функционирования предприятия. Понятие «агрессия» в менеджменте означает «наступать, двигаться вперед». Агрессивные адаптационные процессы: завоевание лидерских позиций на рынке; агрессивная реклама; агрессивный маркетинг

и агрессивная стратегия и тактика; методы конкурентной борьбы. Будем считать, что в менеджменте проявление агрессии выступает как способ относительно быстрого преодоления внешних и внутренних неблагоприятных факторов, возникающих в процессе достижения поставленных целей. Рассмотренные процессы не являются системообразующими, поэтому относим их к аддитивным (прибавленным) действиям, суммарный эффект от которых равен сумме эффектов от каждого из них. Тогда адаптацию посредством выполнения таких процессов будем именовать как аддитивную адаптацию.

Сложный уровень морфологической и физиологической адаптации живых систем определен тем, что организм подвергается существенной трансформации в результате естественного отбора, адаптационная роль которого состоит в эволюционном преобразовании отдельных органов и формы биологического вида с целью его адаптации к изменениям в окружающей среде. Морфологическая адаптация биологических систем – создание «опорной конструкции тела», позволяющей обеспечивать жизнедеятельность в тех или иных условиях среды. В социально-экономических системах опорная конструкция – организационная структура. Разнообразие подходов к постановке целей и развитие моделей ведения бизнеса, а также хаотичное состояние турбулентной внешней среды стимулируют социально-экономические системы к динамичной структурной перестройке. О подвижности конструкции организационной структуры свидетельствует разработанная Г. Минцбергом типология «чистых типов», отражающая их разнообразие [14, с. 252]. Каждый из типов описывает базовый вид организационной структуры и условия ее применения. Эволюция опорной конструкции социально-экономических систем с целью усиления ее способности к адаптации заложена концепцией организационной амбидекстрии [21, с. 117]. Вид адаптации посредством перестройки организационной структуры именуется как морфологическая адаптация.

Естественно в качестве аналогии физиологической адаптации рассмотреть функциональную деятельность социально-экономической системы, направленной на достижение поставленных целей, интегрирующей совокупность рутинных и адаптационных действий. Управление функциональной деятельностью осуществляется посредством избирательного отбора функций на допустимом множестве, состав и структура которого меняются во времени и зависят от состояния внутренней и внешней среды. При неявном изоморфизме функциональной деятельностью и физиологической адаптацией тем не менее допускаем переход от биологического термина «физиологическая» адаптация к термину «функциональная» адаптация.

К сложностному (perplexity) типу адаптации отнесена генетическая адаптация системы. Выведем из содержания факторов эволюции живых систем общее предназначение генетической адаптации – посредством внутренней перестройки организма создать биологический вид, способный к устойчивому существованию и развитию. Необходимо принять во внимание, что создаваемая устойчивость живой системы не характеризуется стабильностью процессов внутри нее, наоборот, они динамичны и постоянно меняются и это изменение ограничено «нормой» колебания физиоло-

гических показателей ее гомеостаза. Естественным образом возникает для решения задача: определить пути, каким способом портировать действия генетической адаптации живых систем для обеспечения устойчивости функционирования и развития социально-экономических систем.

Процессы генетической адаптации социально-экономических систем определены бионическими принципами [1]. К основным из них относятся: построение оцифрованного гомеостатического пространства с регуляторами (гомеостазом) на входе в систему и выходе из нее; маневрирование в определенных пределах «плавающим равновесием», создавая временной аттрактор.

Итогом проведенного сопоставительно-типологического анализа в исследовании изоморфизма адаптации биологических систем со способностью к этому процессу социально-экономических систем сформирована совокупность типов внутренней адаптации социально-экономических систем, основанная на установленных признаках общего и различия, с адаптацией биологических систем (табл. 1).

Таблица 1

Сопоставление типов генотипической и системной адаптации
Comparison of types of genotypic and systemic adaptation

Генотипическая адаптация	Системная адаптация
Приспособление к условиям внешней среды	Рефлексивная
Приспособительное поведение	Аддитивная
Физиологическая	Функциональная
Морфологическая	Морфологическая
Генетическая	Генетическая

Установлением типов адаптации организационных систем и сопоставлением их с типами адаптации живых систем (табл. 1) определилась «сетка координат» для нахождения процессов адаптации по каждому ее типу. Выделенные типы адаптации представляют процессы целенаправленного вмешательства в поведение и устройство системы, что отражено в определении сущности каждого типа адаптации. Стратификация типов адаптации, приведенная в табл. 2, представляет варианты направленности действий социально-экономической системы от «простого» к «сложностному» адаптационному процессу с получением компенсационного эффекта.

Отметим важные особенности для управления адаптацией: 1) осуществление того или иного типа адаптации из табл. 2, согласно явлению диффузии не происходит изолированно; 2) компенсационный эффект от адаптации зависит от степени соответствия «биоритмов организации» динамике изменения внешней среды. Такое явление в организации, как диффузия, обуславливает неравновесный процесс распространения влияния результата вносимого изменения одним адаптационным действием на другое. И при этом практически в системе нельзя установить непроницаемые перегородки, ограничивающие перенос влияния по некоторой цепочке связей между элементами системы, подлежащими перестройке [25, с. 77–80].

Таблица 2

Типология системной адаптации социально-экономических систем
Typology of Systemic Adaptation of Socio-Economic Systems

Тип адаптации	Определение
Рефлексивная	Развивающиеся во времени процессы воздействия на потребителя встраиванием в его сознание доверия к принятию предложений как проявлению рациональности в его действиях и поведении с целью выживания, развития и обогащения бизнеса
Аддитивная	Осуществление агрессивных и защитных процессов поведения и процессов обеспечения устойчивого функционирования системы посредством создания материальных запасов на входе в систему и на выходе из нее, запасов капитала, человеческих ресурсов и интеллектуальной продукции. Суммарный эффект аддитивных процессов с позиции адаптации системы равен сумме эффектов от каждого из них
Функциональная	Процесс перехода организационного управления от одной парадигмы к другой с изменением состава и технологии функций введением информационных технологий (стандартов управления). Процесс освоения автоматизированных и роботизированных технологий производства и другие преобразования, вызванные научно-техническим прогрессом и усиливающие экономическую эффективность деятельности системы
Морфологическая	Процессы создания в социально-экономической системе «опорной конструкции» ее целостности, под которой понимается организационная структура, позволяющая обеспечивать жизнеспособность системы в тех или иных условиях среды с изменением ее стратегической направленности
Генетическая	Процессы динамической трансформации «плавающего равновесия», фактора «жизни» системы, как реакции на изменение воздействующих факторов в пределах отстроенного гомеостатического пространства для поддержания ее устойчивого состояния путем периодической сборки специальных информационных структур параметров порядка (гомеостазов), обеспечивающие достижение компенсационного эффекта

С формальной позиции организационная диффузия определяет в качестве основного концепта сложности системы нелинейность взаимодействия ее процессов по цепочке внутренних причинно-следственных связей. Свойство нелинейности связей между организационными единицами существенно усложняет управление адаптацией системы.

Принцип соответствия «биоритмам организации» динамике изменения внешней среды выведен М. Рейнором в форме: «организационные изменения являются действенной ответной мерой по отношению к изменениям среды только, когда темп изменения среды соответствует “биоритмам организации”» [21, с. 96]. В то же время в теории организационного управления взаимосвязь между «биоритмами» внешней среды и подготовленностью адаптационного ответа организации можно считать недостаточно раскрытой и обсуждаемой. Такая функция должна получить развитие в построении «интеллекта» механизма робастного управления, владеющего статистическим инструментарием по отслеживанию и обработке информации о

влиянии того или иного фактора внешней среды и регулятором диапазона допустимого изменения параметров гомеостаза. Обратим внимание на то, что по числовой последовательности диапазона допустимого изменения параметров гомеостаза выстраиваются варианты подготовленных стратегий с процессами адаптации.

4. Типология средовой адаптации

Введение понятия средовой адаптации социально-экономических систем, прототипом которой служит фенотипическая адаптация, происходит под влиянием идентичности в периодичности изменения формы организации живых систем, инициируемого турбулентным состоянием окружающей среды. При этом отмечается, что перевод живой системы в другой фенотип формирует «влияние организма на окружающую среду и другие организмы» [3]. Выделенное положение принимаем за исходный посыл, направляющий исследование на идентификацию признаков общего между средовой и фенотипической адаптацией.

Адаптация, осуществляемая на основе принципов дивергенции и конвергенции, относящаяся к средовой адаптации, характерна для сложных организационных систем и направлена на эволюционное преобразование и поддержание формы организации деятельности системы. Средовую адаптацию, выстроенную на идеях принципа дивергенции, именуем как «дивергентная адаптация», на моделях принципа конвергенции – это «конвергентная адаптация». Приоритетное проявление средовой адаптации состоит в расширении пространства деятельности, конструируя деловую среду, обеспечивая прирост капитала и снижение конкуренции.

Средовая адаптация для организационных систем требуется при вхождении организационной системы в фазу бифуркации и сопровождается выбором эволюционной формы организации деятельности. Термином «бифуркация» определяются поворотные пункты развития в условиях неопределенности, а также возможность формирования нескольких вариантов дальнейших событий [16]. Причинность бифуркации и образования новых форм организации выводится из следующих положений:

- 1) внутреннее нарастающее противоречие между устойчивостью и направленностью к развитию;
- 2) накопление ресурсного и интеллектуального капитала и стремление к «рассеиванию энергии на окружающую среду»;
- 3) эволюция знаний о системах в контексте развития научной рациональности: от классической к неклассической и постнеклассической рациональности.

Способность системы к вхождению в новую форму (модель) организации деятельности создается как дивергентной, так и конвергентной адаптацией. Ранее отмечалось, что на идеях принципа дивергенции образуются сетевые модели. Для раскрытия сущности дивергентной адаптации следуем идеям организменного подхода и переходим к познанию адаптационных действий сетевых биологических систем, принятых в качестве прототипа, в целях портирования их в управление адаптацией организационных систем.

В качестве прецедента рассматриваются модульные сетевые биологические системы по причине схожести между ними в структуре, состоящей из множества однотипных частей, размеры и форма которых изменяются под воздействием условий окружающей среды без разрушения целостности.

Адаптация биологических систем к изменениям условий окружающей среды построением сетевой структуры происходит за счет пластичности «тела» при сохранении его целостности, контуры которого выстраиваются саморегуляцией – подстройки к внешним требованиям (условиям среды и/или заданным параметрам) [12]. Пластичность формы состоит в том, что периодически происходит или размножение «корневой» системы или селекция периферийных систем. «Инструмент» адаптации биологических систем – это саморегуляция.

В то же время модульные сетевые биологические системы могут только тогда стать прототипами сетевых систем бизнеса, если в их плоские (без лидера) организмы ввести компонент (матрикс), несущий структурную, интегративную, защитную, коммуникативную и синхронизирующую функции [18]. Тогда лидирующий компонент в организационных сетевых системах, обозначенный матриксом, идентичен «корневой» системе с функциями управления в границах образованной сети, а ее «элементы» – это периферийные системы с делегированными функциями управления. В итоге такие аналогии, как пластичность тела – подвижные границы системы, саморегуляция – управление с поддержкой «интеллектом» принятия решений, являются базовыми для обеспечения устойчивого функционирования и развития сложностных социально-экономических систем.

Деятельность каждой из сетевых образований ориентирована на технологии отношений с потребителями, которая полностью выражена маркетинговой концепцией «4С», настраивающей менеджмент организации на удовлетворение нужд и запросов потребителей (customer need and want), соответствие цены на товар или услугу доходу потребителя (cost), быстрой доступности к товару (convenience) и налаженной коммуникации с потребителями (communication). Параллельно с вещественными потоками развивается накрывающая сетевую систему виртуальная подвижная сеть на базе информационных технологий. Сетевые системы с вещественной и виртуальной конструкциями сети занимают ведущее место в торговой и банковской сфере.

Рассмотрим способности к адаптации социально-экономических систем, преобразованных в системную интеграцию и бизнес-экосистему, выстроенных на идеях принципа конвергенции. Хозяйственно-организационное образование как системная интеграция имеет историю своего развития, начиная с 30-х гг. прошлого века. Цель ее создания – рациональное и эффективное преобразование сырья в продукцию, реализуемое объединением связанных вещественными потоками самостоятельных производственных систем. Графический образ системной интеграции представляется как строго линейная сеть, в которой промежуточные узлы имеет только один путь между любыми двумя узлами, и трофическая линейная сеть, когда для каждого звена цепи можно указать не одно, а несколько других звеньев, связанных с ними потоковым отношением.

Адаптационные действия биологических видов, образующих для существования как пищевой (строго линейной), так и трофической цепи, будем рассматривать с позиции поиска аналога для развития адаптации социально-экономических систем. Общность в действиях звеньев биологической цепи и цепи системной интеграции состоит в том, что соседние звенья связаны отношением «пища – потребитель», а первое звено не имеет предшественников, являясь продуцентом. Важной особенностью регуляции в природе цепи питания является то, что длина цепи обычно не превышает 4–5 звеньев.

Различие состоит в том, что в биологической цепи отношения «пища – потребитель» сводятся к тому, что потенциальная энергия (пища) предшествующего звена на 80–90 % переходит к ее потребителю. Адаптация достигается пожиранием некоторого биологического вида, исключением его из цепи до восстановления и поиска новой «пищи». В цепи системной интеграции происходят противоположные отношения «пища – потребитель» – это непрерывность взаимодействия и эволюция производственных звеньев. Рассмотренные признаки общего и различия позволяют прийти к выводам о наличии признаков общего в адаптации биологических видов и экономических субъектов: образование сети отношений «пища – потребитель», в конструкции сети – линейные и трофические сети, в длине сети, не превышающей соединения 4–5 звеньев.

Если адаптационные действия биологических видов происходят на заложенных природой инстинктах, то адаптация образований как системная интеграция достигается организационным управлением следующими процессами:

а) соединением различных автономных систем в одну связную контактную потоковую систему, обеспеченную сырьем (пищей), отвечающим по качеству и количеству требованиям связности объектов производства;

б) связностью между автономными системами входными вещественными потоками и обязательной когерентностью (согласованность, координация) в их действиях и поведении посредством «эстафетной информации», представляемой как передача требований от последующей к предыдущей автономной системе и обратная связь между ними;

в) работой на конечную цель по объему и качеству производимой продукции и на получение компенсационного эффекта.

В итоге отметим, что признак общего системной интеграции с устройством природного мира проявляется и в том, что если действия системы «подачи сырья» принимать производителем продукции из этого сырья как внешнюю среду, а производственную систему как внутреннюю среду, то получаем некоторый образ системной конвергенции на границе взаимодействия автономных производственных систем.

Сущность природного феномена «экосистема» определяется так: «сообщество живых существ и его среда обитания, объединенные в единое функциональное целое, возникающее на основе взаимозависимости и причинно-следственных связей между отдельными экологическими компонентами» [20, с. 599]. Понятие «экосистема» введено в научный контекст в 1930-е гг. британским ботаником А. Тэнсли. Замечая растущие параллели между биологическим и экономическим миром, Дж. Мур, стратег в биз-

несе, в 90-е гг. прошлого столетия импортировал концепцию экосистемы во все более динамичный и взаимосвязанный мир коммерции, трансформируя понятие «экосистема» в понятие «бизнес-экосистема» [27]. Идея такого научного посыла состояла в том, что успешный бизнес – это тот, который развивается быстро и активно. Но инновационный бизнес не может развиваться в вакууме. Он должен привлекать всевозможные ресурсы, втягивая капитал, партнеров, поставщиков и клиентов для создания кооперативных сетей.

Понятие «бизнес-экосистема» Дж. Муром дается в формулировке: «экономическое сообщество, поддерживаемое фундаментом взаимодействующих организаций и отдельных представителей делового сообщества, которые в совокупности не только образуют систему взаимной поддержки, но и эволюционируют сообща, то есть представляют собой организм делового мира, который постепенно переходит от случайного набора элементов к более структурированному сообществу».

Диффузия технологий при их разнообразии и диффузия капитала – главные факторы конвергенции, подвели науку и практику к формированию типов организационных экосистем. Выращенные и действующие в XXI в. бизнес-экосистемы – цифровые (гиганты Amazon, Google, Apple & Co, Alibaba и др.), технологические (запуск новых технологий, прототипов будущих), социальные, корпоративные, социально-экономические (понятие введенное Г.Б. Клейнером [8]).

Несмотря на масштабность сети охвата организационными экосистемами рыночной среды, они остаются в гигантской рыночной среде и должны быть динамичны, быстро адаптироваться с такой реакцией, которая бы исключила «пользовательской базе» переход на другую платформу [10, 13]. Бизнес-интеллект, быстрое принятие решений, а также использование новых технологий и бизнес-моделей должны быть в центре каждого решения. Такое поведение бизнеса бросает вызов к появлению управленческого менталитета «соединять и объединять» и координировать.

Использование экологических метафор для нового класса системных образований определяет вектор расшифровки возможностей их к адаптации по аналогии с экосистемами. Работой Дж. Мура «Хищники и добыча: Новая экология конкуренции» («Predators and Prey: A New Ecology of Competition») дано направление: раскрыть адаптационные способности экосистем и найти общее с ними в проявлении процессов адаптации бизнес-экосистем. Следуя этой концепции, для поиска изоморфизма в процессах адаптации двух принципиально различающихся классов систем используем распространенные в биологическом мире модели отношений популяций и видов типа «хищник – жертва» и «сильный хищник – слабый хищник».

Наукой о поведении животных – этологией раскрываются модели отношений инстинктивные адаптационные действия видов в зависимости от условий совместного существования. Выделим два варианта условий:

- а) некоторая родовая экологическая ниша (модель «хищник – жертва»);
- б) перекрывающая ниша, образуемая присоединением к родовой новой биологической ниши с близкой стратегией к выживанию и развитию (модель «сильный хищник – слабый хищник»).

В той и другой моделях между биологическими видами происходит «передача вещества и энергии от хищников низшего порядка к хищникам высшего порядка» (третий закон эволюции популяций). Этим фактом обеспечивается равновесие экосистемы» [15]. Ниша определяется как совокупность взаимодействующих между собой анатомических, физиологических и поведенческих адаптаций.

Сделаем акцент на законе биологического мира о том, что адаптация к совместному существованию хищников и жертвы, сильных хищников и слабых хищников приводит к эволюции и сильных, и слабых особей. Природа устроила так, что эволюция одного вида частично зависит от эволюции другого. Относительно экосистемы «хищник – жертва» отмечается, что в действиях многих хищников присутствует наряду с потребностью их расчетливость. Хищнику, например, невыгодно полное уничтожение всех особей жертвы, как правило, этого в природе и не случается. Хищник обычно оставляет особей быстрорастущих, плодовых, выносливых. Он может добиться этого, уничтожая в первую очередь, тех особей, которые больны или медленно растут и размножаются. Хищник проводит селекцию жертв, тем самым улучшая их виды, но и сам обязан адаптироваться к новой реальности, чтобы обеспечить себе сытное и безопасное существование. У хищника наблюдается и проявление альтруизма как увеличение шансов на выживание другому виду при одновременном уменьшении собственных шансов, но учитывая его расчетливость – это мера укрепления своего будущего.

Адаптация между экологическими сообществами экосистемы «сильный хищник – слабый хищник», имеющими близкие жизненные стратегии, проявляется в том, что сильный хищник перекрывает экологическую нишу слабого хищника, образуя общую территорию, и сводит конкуренцию между ними к минимуму. Исследование поведенческих адаптаций видов с частично перекрывающимися экологическими нишами относится к активно развивающемуся направлению этологии (полевая биология). Ученые этого научного направления стремятся выяснить, какие механизмы в естественных условиях сводят к минимуму конкуренцию между такими видами за совместно используемые ресурсы.

Кроме выделенных адаптационных действий по рассмотренным моделям отношений биологических сообществ, наблюдаются общие их адаптационные действия, состоящие в постоянном инстинктивном настрое на расширение территории экологической ниши для удовлетворения потребности, улучшения условий и процессов жизни биологических видов. Отметим, что в некоторой экологической нише не все очевидные жертвы для хищника биологического мира входят в описанные отношения с ним. В природе развивается и «индивидуальная» адаптация, именуемая авторами статьи как системная адаптация.

Рассмотренные адаптационные действия, происходящие в отношениях «хищник – жертва» и «сильный хищник – слабый хищник», по существу составляют собранный «чертеж» взаимодействия биологических видов, вовлеченных в экосистему, позволяющий снять «кальку» для проявления копии в отношениях субъектов бизнес-экосистемы. Признаки общего между адаптационным поведением биологических видов экосистемы и экономических субъектов бизнес-экосистемы приведены в табл. 3.

Таблица 3

Признаки общего в адаптации между экосистемами и бизнес-экосистемами
Signs of Commonality in Adaptation Between Ecosystems and Business Ecosystems

Модель отношений видов экосистемы	Адаптационные процессы	
	Экосистема	Бизнес-экосистема
«Хищник – жертва»	Расчетливость хищника: селекция жертв, оставляя быстрорастущих, плодovitых, выносливых и тем самым улучшая их виды, но и сам хищник обязан адаптироваться к новой реальности, чтобы обеспечить себе сытное и безопасное существование	Расчетливость инициативного собственника (якорная компания – аналог хищника): осуществление избирательного отбора партнеров (спателлитов), обеспечение их развития и закрепление в его власти посредством диффузии капитала (подвеска на финансовый крюк) и диффузии технологии (вставка в цифровую платформу) в целях формирования управляемой квазицелостности
«Сильный хищник – слабый хищник»	Сильным хищником частичный или полный захват «экологической ниши» слабого хищника с близкой жизненной стратегией. Наблюдается такой адаптационный прием, как проявление альтруизма при захвате экологической ниши слабого хищника, вселяя ему ожидание на увеличение шансов на выживание и развитие. Но так как хищник обладает врожденной расчетливостью, то выгода от использования в расширенном варианте экологической ниши будет неизбежной	Якорная компания (сильный хищник, мощный игрок), осуществляющая: а) частичный или полный захват «экономической ниши» «слабого хищника» с близкой бизнес-стратегией; б) закрепление ее власти посредством диффузии капитала (подвеска на финансовый крюк) и диффузия технологий (вставка в цифровую или технологическую платформу); в) сведение к минимуму конкуренции по совместному использованию ресурсов и реализации накопленных компетенций. Альтруизм как обеспечение капиталом, технологией вовлекаемых экономических субъектов с последующей компенсацией первоначальных расходов доходами при их развитии характерен для всех мегабизнес-экосистем
Любая модель отношения видов	Постоянный инстинктивный настрой на расширение территории и видов экологической ниши для улучшения условий и процессов совместной жизни видов	Постоянный научно обоснованный настрой на масштабирование экономической ниши посредством расширения клиентской базы с проявлением альтруизма при удовлетворении все более разнообразных потребностей клиентов. В идеальной модели отношений конечный потребитель решает все задачи внутри бизнес-экосистемы

Подводя итоги обоснованию признаков общего в адаптации экосистем и бизнес-экосистем, отметим, что в современном понимании бизнес-эко-система – это динамичное и развивающееся сообщество разнообразных экономических субъектов, деятельность которых направлена на масштабное обслуживание рынков способами, выходящими за рамки потенциала любой отдельной организации и даже отрасли. Их разнообразие и их коллективная способность учиться, адаптироваться и, что особенно важно, вводить новшества вместе – являются ключевыми факторами, определяющими их долгосрочный успех.

Заключение

Сформированные типологии системной и средовой адаптации социально-экономических систем в ракурсе организменного подхода есть основание отождествлять с входом в инновационное развитие управления адаптацией в целях обеспечения им устойчивого функционирования, роста и развития, работающих в пограничье «порядка и хаоса». Адаптационные действия из двух типологий осуществляются в определенной последовательности их связности: при сложившейся форме организации деятельности системы адаптация ведется в контексте типов системой адаптации, с переходом в новую форму организации деятельности, происходящей с перестройкой внешнего окружения, включаются типы средовой адаптации. Предложенные в статье результаты исследования вносят новые аспекты типологического представления адаптации, способствующие целенаправленному управлению адаптацией сложностных социально-экономических систем.

Список источников

1. *Алексеев М.А., Зайков К.А., Фрейдина Е.В.* Организменный подход к развитию теории адаптации социально-экономических систем // Экономика и управление. 2022. № 3. С. 226–240.
2. *Алексеев М.А., Фрейдина Е.В., Хрущев С.Е.* Управление сложными системами: пределы и преобразование информации в поведение // Развитие территорий. 2021. № 1 (23). С. 21–30.
3. *Анохин П.К.* Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975. 477 с.
4. *Берталанфи Л.К.* Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1969. С. 30–54.
5. *Бир Ст.* Мозг фирмы. М.: Изд-во «Радио и связь», 1993. 416 с.
6. *Буданов В.Г., Аршинов В.И., Свирский Я.И., Лепский В.Е.* Сложность и проблемы единства знаний. Вып. 1. К стратегии познания сложности. М.: ИФ РАН, 2018. 105 с.
7. *Каменский А.А., Крикунов Е.А., Пасечник В.В.* Общая биология: 10–11 класс. М.: Дрофа, 2005.
8. *Клейнер Г.Б.* Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 40–52.
9. *Кондратьев Н.Д.* Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности / под ред. Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева, В.М. Бондаренко. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2017. 384 с.

10. Кузнецов С.Б., Зердзински С. Оценка границы возникновения неустойчивости экономики // Развитие территорий. 2022. № 4 (30). С. 17–23.
11. Лефевр В.А. О самоорганизующихся и саморефлективных системах // Рефлективные процессы и управление. 2005. Т. 5, № 1. С. 29–35.
12. Марфенин Н.Н. Концепция модульной организации в развитии // Журнал общей биологии. 1999. Т. 60, № 1. С. 6–17.
13. Минаков В.Ф. Информационные процессы в формировании ажиотажных циклов // Развитие территорий. 2021. № 2 (24). С. 76–82.
14. Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации / пер. с англ. СПб.: Питер, 2001. 512 с.
15. Миркин Б.М., Наумова Л.Г. Основы общей экологии. Учебное пособие. М.: Университетская книга, 2005. С. 240.
16. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987. 304 с.
17. Ожегов П.С. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. 922 с.
18. Олескин А.В. Сетевые структуры в биосистемах // Журнал общей биологии. 2013. Т. 74, № 2. С. 112–138.
19. Раутиан А.С. Букет законов эволюции // Эволюция биосферы и биоразнообразия. К 70-летию А.Ю. Розанова. М.: КМК, 2006. С. 20–38.
20. Реймерс Н.Ф. Природопользование: словарь – справочник. М.: Мысль, 1990. 637 с.
21. Рейнор М. Стратегический парадокс / пер. с англ. М.: Юрайт, 2009. 399 с.
22. Свирский Я.И. Инновации и сложностное мышление. Синергетическая парадигма // Синергетика инновационной сложности. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 300–312.
23. Степин В.С. Исторические типы научной рациональности в их отношении к проблеме сложности. Синергетическая парадигма // Синергетика инновационной сложности. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 37–46.
24. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. М.: Издательство АСТ, 2002. 557 с.
25. Фрейдина Е.В. Исследование систем управления: учеб. пособие по специальности «Менеджмент организации» / под ред. Ю.В. Гусева; 7-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2014. 368 с.
26. Хэнди Ч. Время безрассудства / пер. с англ. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
27. Moore J.F. Predators and Prey: A New Ecology of Competition. Harvard Business Review. 1993, May/June. P. 75–86.
28. Философский энциклопедический словарь (2010). [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy (дата обращения: 01.02.2023).
29. Reeves M., Levin S., Ueda D. Think Biologically: Messy Management for a Complex World, 18 July, 2017. URL: <https://www.bcg.com/publications/2017/think-biologically-messy-management-for-complex-world.aspx> (дата обращения: 08.07.2019).

References

1. Alekseev M.A., Zajkov K.A., Frejdina E.V. Organizmennyj podhod k razvitiyu teorii adaptacii social'no-jekonomicheskikh sistem [Organismic Approach to the Development of the Theory of Adaptation of Socio-Economic Systems], *Jekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2022, no. 3, pp. 226–240.
2. Alekseev M.A., Frejdina E.V., Hrushhev S.E. Upravlenie slozhnymi sistemami: predeley i preobrazovanie informacii v povedenie [Management of complex systems: limits and transformation of information into behavior], *Razvitie territorij* [Territory Development], 2021, no. 1 (23), pp. 21–30.
3. Anohin P.K. Ocherki po fiziologii funkcional'nyh sistem [Essays on the physiology of functional systems]. Moscow, Medicina, 1975. 477 p.

4. Bertalanfi L.K. Obshhaja teorija sistem – obzor problem i rezul'tatov [General Systems Theory – A Review of Problems and Results]. Sistemnye issledovaniya [System Research]. Ezhegodnik. Moscow, Nauka, 1969. Pp. 30–54.
5. Bir St. Mozg firmy [The brain of the firm]. Moscow, Izd-vo «Radio i svjaz'», 1993. 416 p.
6. Budanov V.G., Arshinov V.I., Svirskij Ja.I., Lepskij V.E. Slozhnost' i problemy edinstva znaniy [Complexity and problems of the unity of knowledge]. Vyp. 1. K strategii poznaniya slozhnosti [Issue 1. Toward a strategy for understanding complexity]. Moscow, IF RAN, 2018. 105 p.
7. Kamenskij A.A., Krikunov E.A., Pasechnik V.V. Obshhaja biologija: 10–11 klass [General biology: grades 10–11]. Moscow, Drofa, 2005.
8. Klejner G.B. Jekonomika jekosistem: shag v budushhee [Economics of ecosystems: a step into the future], *Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic revival of Russia], 2019, no. 1 (59), pp. 40–52.
9. Kondrat'ev N.D. Krizisy i prognozy v svete teorii dlinnyh voln. Vzglyad iz sovremenosti [Crises and forecasts in the light of the theory of long waves. A look from the present]. Pod red. L.E. Grinina, A.V. Korotaeva, V.M. Bondarenko. Moscow, Mosk. red. izd-va «Uchitel'», 2017. 384 p.
10. Kuznecov S.B., Zerdzinski S. Ocenka granicy voznikovenija neustojchivosti jekonomiki [Evaluation of the boundary of the emergence of economic instability], *Razvitie territorij* [Territory Development], 2022, no. 4 (30), pp. 17–23.
11. Lefevr V.A. O samoorganizujushhimsja i samorefleksivnyh sistemah [On self-organizing and self-reflexive systems], *Refleksivnye processy i upravlenie* [Reflexive processes and management], 2005, vol. 5, no. 1, pp. 29–35.
12. Marfenin N.N. Konceptcija modul'noj organizacii v razvitii [The concept of modular organization in development], *Zhurnal obshhej biologii* [Journal of General Biology], 1999, vol. 60, no. 1, pp. 6–17.
13. Minakov V.F. Informacionnye processy v formirovanii azhiotaznyh ciklov [Information processes in the formation of hype cycles], *Razvitie territorij* [Territory Development], 2021, no. 2 (24), pp. 76–82.
14. Mincberg G. Struktura v kulake: sozdanie jeffektivnoj organizacii [Structure in a fist: creation of an effective organization]. Per. s angl. Saint Petersburg, Piter, 2001. 512 p.
15. Mirkin B.M., Naumova L.G. Osnovy obshhej jekologii [Fundamentals of general ecology]. Uchebnoe posobie. Moscow, Universitetskaja kniga, 2005. P. 240.
16. Moiseev N.N. Algoritmy razvitija [Development algorithms]. Moscow, Nauka, 1987. 304 p.
17. Ozhegov P.S. Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkij jazyk, 1989. 922 p.
18. Oleskin A.V. Setevye struktury v biosistemah [Network structures in biosystems], *Zhurnal obshhej biologii* [Journal of General Biology], 2013, vol. 74, no. 2, pp. 112–138.
19. Rautian A.S. Buket zakonov jevoljucii [Bouquet of laws of evolution], *Jevoljucija biosfery i bioraznoobrazija* [Evolution of the biosphere and biodiversity]. K 70-letiju A.Ju. Rozanova. Moscow, KMK, 2006. Pp. 20–38.
20. Rejmers N.F. Prirodopol'zovanie: slovar' – spravocnik [Nature management: dictionary – reference book]. Moscow, Mysl', 1990. 637 p.
21. Rejnor M. Strategicheskij paradoks [Strategic paradox]. Per. s angl. Moscow, Jurajt, 2009. 399 p.
22. Svirskij Ja.I. Innovacii i slozhnostnoe myshlenie. Sinergeticheskaja paradigma [Innovations and complex thinking. Synergetic paradigm], *Sinergetika innovacionnoj slozhnosti* [Synergetics of innovative complexity]. Moscow, Progress-Tradicija, 2011. Pp. 300–312.
23. Stjopin V.S. Istoricheskie tipy nauchnoj racional'nosti v ih otnoshenii k probleme slozhnosti. Sinergeticheskaja paradigma [Historical types of scientific rationality in their

- relation to the problem of complexity. Synergetic paradigm], *Sinergetika innovacionnoj slozhnosti* [Synergetics of innovation complexity]. Moscow, Progress-Tradicija, 2011. Pp. 37–46.
24. Toffler Je. *Shok budushhego* [Future shock]. Per. s angl. Moscow, Izdatel'stvo ACT, 2002. 557 p.
 25. Frejdina E.V. *Issledovanie sistem upravlenii* [Research of control systems]: ucheb. posobie po special'nosti «Menedzhment organizacii». Pod red. Ju.V. Guseva; 7-e izd., ster. Moscow, Omega-L, 2014. 368 p.
 26. Hjendi Ch. *Vremja bezrassudstva* [Time of recklessness]. Per. s angl. Saint Petersburg, Piter, 2001. 288 p.
 27. Moore J.F. *Predators and Prey: A New Ecology of Competition*. Harvard Business Review. 1993, May/June. P. 75–86.
 28. *Filosofskij jenciklopedicheskij slovar' (2010)* [Philosophical Encyclopedic Dictionary (2010)]. [Electronic resource]. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy (accessed: 01.02.2023).
 29. Reeves M., Levin S., Ueda D. *Think Biologically: Messy Management for a Complex World*, 18 July, 2017. Available at: <https://www.bcg.com/publications/2017/think-biologically-messy-management-for-complex-world.aspx> (accessed: 08.07.2019).

Сведения об авторах:

М.А. Алексеев – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Устойчивого развития социально-экономических систем», профессор кафедры бизнес-аналитики и статистики, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация.

Е.В. Фрейдина – доктор технических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Устойчивого развития социально-экономических систем», Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация.

Л.К. Серга – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой бизнес-аналитики и статистики, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент кафедры статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Российская Федерация.

Information about the authors:

M.A. Alekseev – Doctor of Economics, Leading Researcher of the Research Laboratory “Sustainable Development of Socio-Economic Systems”, Professor of the Department of Business Analytics and Statistics, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia Federation.

E.V. Freydina – Doctor of Technical Sciences, Professor, Leading Researcher of the Research Laboratory “Sustainable Development of Socio-Economic Systems”, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation.

L.K. Serga – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Business Analytics and Statistics, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Associate Professor of the Department of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

<i>Статья поступила в редакцию</i>	<i>30.01.2023</i>	<i>The article was submitted</i>	<i>30.01.2023</i>
<i>Одобрена после рецензирования</i>	<i>06.02.2023</i>	<i>Approved after reviewing</i>	<i>06.02.2023</i>
<i>Принята к публикации</i>	<i>17.02.2023</i>	<i>Accepted for publication</i>	<i>17.02.2023</i>

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

THEORETICAL SEARCH AND OFFERS

Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 206–221

Vestnik NSUEM. 2023. No. 1. P. 206–221

Научная статья

УДК 351

DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-206-221

ЦИФРОВАЯ ВОЙНА: ПОНЯТИЕ, ГЕНЕЗИС, ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВ

Ермаков Антон Сергеевич

ООО «Инсейлс Рус»

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

ermakov4work@gmail.com

Аннотация. Цифровая война является эволюционно новым этапом реализации военных интересов государства путем трансмиссии военных действий в цифровое пространство. На сегодняшний день в России сформирована и продолжает развиваться централизованная модель управления информационной безопасностью в цифровой экономике, что укладывается в уже отлаженную вертикально интегрированную модель государственного управления, однако важная черта ее эффективного функционирования – необходимость глубокого проникновения в информационное окружение каждого из граждан, бизнесов и некоммерческих организаций, а это приводит к паническим настроениям в обществе и еще сильнее усиливает нестабильность информационного периметра государства и повышает риски ослабления цифрового суверенитета.

Ключевые слова: цифровая война, информационная безопасность, организованные кибератаки, уязвимость, цифровой суверенитет, критическая инфраструктура

Для цитирования: Ермаков А.С. Цифровая война: понятие, генезис, проблемы защиты национальных интересов государств // Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 206–221. DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-206-221.

Original article

DIGITAL WARFARE: CONCEPT, GENESIS, PROBLEMS OF DEFENSE OF NATIONAL INTERESTS OF STATES

Ermakov Anton S.

Insales Rus LLC

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ermakov4work@gmail.com

Abstract. Digital warfare is an evolutionarily new stage in the realization of state military interests by transmitting military actions into the digital space. To date, Russia has formed and continues to develop a centralized model of information security management in the digital economy, which fits into an already well-established vertically integrated model of public administration, but an important feature of its effective functioning is the need for deep penetration into the information environment of each citizen, businesses and non-profit organizations, and this leads to panic moods in society and further increases the instability of information.

Keywords: digital warfare, information security, organized cyber-attacks, vulnerability, digital sovereignty, critical infrastructure

For citation: Ermakov A.S. Digital warfare: concept, genesis, problems of defense of national interests of states. *Vestnik NSUEM*. 2023; (1): 206–221. (In Russ.). DOI: 10.34020/2073-6495-2023-1-206-221.

Введение. «Темной стороной» цифровой экономики является ее бескомпромиссная политика стирания физических границ между индивидами, бизнесами и целыми государствами, миссией которой является создание единого информационного пространства планетарного масштаба. Однако, несмотря на весь научно-технический прогресс и эволюцию устройства социально-экономических отношений в пользу ответственного отношения к окружающей среде, толерантности и миролюбивости, соперничество и борьба являются неотъемлемыми компонентами жизненного цикла политической элиты любого государства, и по сути «...продолжением политики иными средствами» [5, с. 11]. Высшей формой проявления борьбы в государстве является война, с наступлением эпохи Индустрии 4.0 механизм осуществления и формат протекания которой перестал быть явным, перейдя в невидимую сторону цифрового, виртуального мира, но не став от этого менее опасным или разрушительным.

Вообще фундаментальные постулаты цифровой экономики оказались благодатной почвой для формирования новых форм и ценностных установок возникновения конфликтов, потенциально могущих стать полноценной войной: во-первых, цифровая экономика прямо декларирует стремление к информационной открытости и прозрачности всех акторов социально-экономических отношений, что вызывает не только опасения за конфиденциальность персональных данных, но и создает многочисленные угрозы для манипулирования интересами как отдельных лиц, так и общества в целом; во-вторых, двигателем развития цифровой экономики является бесшовная

интеграция акторов всех уровней не только в границах одного государства, но и мира в целом, что несет в себе уже риски стирания национального суверенитета и возможности защищать свои национальные интересы; в-третьих, цифровая экономика жестко обнажает существующие разрывы в уровне научно-технологического развития стран, приводя к их стратификации, а в будущем – возникновению кастовости, которая определяет будущее целых государств и их положение на международной арене. Все это подчеркивает *актуальность темы научного исследования* и ее *практическую значимость* для обеспечения устойчивого развития России и защиты ее национальных интересов в условиях эскалации санкций и попыток международной изоляции.

Целью научной статьи является аналитическая оценка киберинцидентов в цифровом пространстве Российской Федерации и оценка их влияния на цифровую экономику в целом.

Объектом научного исследования является цифровая война как новая разновидность высшей формы проявления конфликта интересов политических элит государства. *Предметом* научного исследования являются киберинциденты, происходящие в формирующейся цифровой экономике России.

Научная статья носит междисциплинарный характер и охватывает экономические (развитие цифровой экономики, инвестиции в кибербезопасность, уровень инновационной активности бизнеса), технологические (защищенность объектов критической инфраструктуры, количество киберугроз и кибератак) и политические (проблема защиты цифрового суверенитета и международного правового регулирования кибервойны) аспекты цифровой войны.

Подготовка научного исследования осуществлялась с использованием *общенаучных* (наблюдение, сравнение, измерение, анализ и синтез, метод логического рассуждения) и *специальных* (статистический анализ, экспертные оценки, графический метод) методов. Обоснованность и достоверность результатов научного исследования обеспечивается корректностью и строгостью построения логики и схемы исследования, а также использованием верифицированной статистической информации из публичных материалов Центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере Банка России¹, тематические отчеты «Кибербезопасность. Тренды и прогнозы» PT Security², консалтингового агентства PWC (Глобальное исследование Digital Trust Insights 2021³).

Научная новизна публикации заключается в формировании качественно-аналитического обзора киберинцидентов в формирующейся цифровой экономике России в 2017–2021 гг. и выявлении по его результатам ключевых киберуязвимостей и рекомендаций по их устранению для эффективной защиты цифрового суверенитета государства.

¹ ФинЦЕРТ: официальный сайт Банка России. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/information_security/fincert/.

² Positive Technologies: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/>.

³ Глобальное исследование Digital Trust Insights 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.com/kz/ru/services/global-digital-trust-insights.html>.

Обзор литературы и исследований. Исходной точкой научного исследования является формирование понятийного аппарата: определение термина «цифровая война» в отечественной и зарубежной академической литературе. Однако даже беглый критический обзор показал многообразность понятий, синонимизированных с объектом научного исследования: «кибертерроризм», «цифровой террор», «гибридная война», поэтому принимая во внимание междисциплинарный характер исследования, сложность и глубину регулятивно-правового блока идентификации конфликта именно как война в различных юрисдикциях, было решено сделать понятийно-разъяснительную вставку, позволяющую разграничить родственные по смыслу и целям понятия.

Итак, под терроризмом, по мнению А.К. Кронины (A.K. Cronin) [12], Дж.П. Гиббса (J.P. Gibbs) [14] и Г. Эванса (G. Evans) [13], понимается действие отдельного лица или группы лиц, направленное на привлечение внимания общественности и политической элиты, запугивание или принуждение гражданского населения, влияние на государственную политику через совершение противоправного деяния, несущего значительную общественную опасность и не подчиняющуюся установленным правилам и обычаям войны.

Исходя из приведенного выше определения понятия «терроризм», *кибертерроризм* можно трактовать как противоправное воздействие лица или группы лиц на информационную инфраструктуру с целью дестабилизации ее функционирования или получения возможности манипулятивного управления ее работой, несущей угрозы причинения вреда жизни, здоровью или имуществу неопределенного круга лиц [3, 4]. Таким образом, в отличие от цифровой войны это понятие характеризует частные деструктивные проявления лиц, имеющих крайние взгляды и не способные (не готовые) к ведению диалога с действующей архитектурой государственного управления, т.е. их проявление как правило пространственно ограничено конкретным государством, реже – группой стран.

Цифровой террор является более высоким по уровню организации и проявления понятием и связан с интересами политических элит и доступными им инструментами управления силовым блоком (армия, правоохранительные органы) и функционированием критической инфраструктуры (системы связи, транспортная и банковская инфраструктура). В понимании Ф. Убстера и Ф. Хайека, *цифровой террор* – это комплекс мер и инструментов, организованных политической элитой в единый механизм манипулятивного воздействия на общество с целью подчинения частных интересов и поведенческих паттернов национальным целям и задачам, а также формирования тотального контроля за гражданами [7, 8]. Цифровой террор *всегда является сознательным выбором политической элиты государства*, применяемый ею для достижения целей и (или) решения задач. В некоторых случаях, по мнению К. Хеджеса, такая форма может быть применена как защитная реакция на растущие внешние вызовы и угрозы, могущие привести к потере суверенитета или разрушению существующей архитектуры политического устройства [9, с. 149–150].

Лучшее, по мнению автора, определение понятия «*гибридная война*» содержится в военном справочнике Military Balance: «использование воен-

ных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, использующих дипломатические возможности; масштабные и стремительные информационные, электронные и кибероперации; прикрытие и сокрытие военных и разведывательных действий в сочетании с экономическим давлением» [6, с. 33].

Как следует из приведенной выше вставки, цифровая война является «ближайшим родственником» к гибридной войне, но отличается от нее более высоким уровнем самоорганизации и сущностно-функциональной автономностью, удаленностью от места протекания, так как может вестись самостоятельно без прибегания к использованию вооруженных сил. Исходя из выявленных особенностей, автором был подготовлен свод определений термина «цифровая война» в отечественной и зарубежной академической литературе (табл. 1).

Таблица 1

Определение термина «цифровая война» в отечественной и зарубежной академической литературе

Definition of the term “digital war” in domestic and foreign academic literature

Автор (-ы) / Источник	Содержание определения / особенности трактовки
1	2
I. Отечественная литература	
1. Н.А. Чернышенко [10, с. 37–38]	Масштабное удаленное вмешательство представителей одного государства в интересы другого путем использования информационно-компьютерных технологий для нарушения нормального протекания социально-экономических процессов в обществе и подрыва доверия граждан к государственным институтам управления <i>Особенности трактовки:</i> определение не раскрывает подробностей содержания кибервойны как высшей формы конфликта, а только указывает на использование в рамках ее ведения информационно-компьютерных технологий и удаленный характер одной из сторон-участников
2. М.Е. Бегларян, Я.Н. Войтова-Долгих, С.А. Одинцов [2, с. 13–14]	Санкционированное уполномоченными лицами государственного управления применение специальными силами одного государства информационно-компьютерных технологий и сети Internet для нанесения ущерба физическим объектам критической инфраструктуры в другом государстве без прямой физической интервенции на его территорию <i>Особенности трактовки:</i> в определении четко обозначен один из важнейших объектов кибервойны – физическая критическая инфраструктура, обеспечивающая нормальное и стабильное функционирование общества и государства, подчеркивается отсутствие «физического контакта» сторон
3. Н.А. Балаклеец [1, с. 140]	Совокупность мер и действий государства-агрессора, цель которых сформировать в атакуемом государстве перманентное чрезвычайное положение, что в свою очередь приводит к внутренним волнениям, хаосу и паническим настроениям общенности, и истощению внутренних ресурсов, связанных с неопределенностью дальнейшего развития событий

Окончание табл. 1

1	2
	<i>Особенности трактовки:</i> понятие рассматривается через призму долгосрочной программы действий участника-агрессора, направленного на «ресурсное и психологическое истощение» противника с использованием комплекса информационно-коммуникационных технологий
II. Зарубежная литература	
1. Т. Холт (T. Holt) [16, с. 214–215]	Некодифицированная в международном законодательстве форма конфликта, выражающаяся в деструктивных действиях некоторых лиц (сил) против цифрового суверенитета другого государства или его отдельных институтов <i>Особенности трактовки:</i> в данном определении делается важный акцент на некодифицированном характере формы кибервойны, указывающий на широкий характер ее влияния и множественность инструментов, которые могут использоваться
2. Экспертная группа по кибервойнам RAND Corporation	Конфликт правительств и международных организаций против других правительств, направленный на уничтожение информационной и компьютерной сети ⁴ <i>Особенности трактовки:</i> в определении подчеркивается ориентация кибервойны на разрушение информационной инфраструктуры в стране-противнике
3. Р.Ж. Харкнет, М. Смит (R.J. Harknett, M. Smeets) [15], Ф. Кристиано (F. Cristiano) [11]	Эволюционно новый этап реализации военных интересов государства путем перевода традиционных военных операций в цифровое (виртуальное) пространство с привлечением частных высокотехнологичных бизнесов и специалистов в области несанкционированного доступа в информационные системы (хакеров)

Источник: авторская разработка.

Согласно приведенному компаративному анализу суждений, для российских ученых характерна более узкая, ближе к кодифицированной, трактовка термина, что обусловлено рядом причин: 1) для РФ активная фаза цифровизации национальной экономики началась в 2017 г. с принятием Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»⁵, т.е. имеет место некоторое запоздание по сравнению с мировыми лидерами развития институтов цифровой экономики; 2) имеющая место узость трактовки термина существенно усложняет идентификацию происходящих кибератак, массовых хакерских вторжений и их категориальное отнесение, так как часть из них имеет доказательства участия недружественных государств⁶.

⁴ Cyber Warfare. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rand.org/topics/cyber-warfare.html>.

⁵ Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства № 1632-р от 28.07.2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>.

⁶ Белый дом подтвердил проведение «киберопераций» против России (02.06.2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/06/2022/6297d5699a7947622ed04206>.

В зарубежной практике, напротив, имеет место более широкое понимание термина и включение в его состав инструментов, которые официально никогда не будут санкционированы соответствующими институтами власти (например, хакерские атаки), что обусловлено закреплением в военной доктрине концепции ведения цифровой войны: например, руководством США в 2018 г. принята новая редакция документа «Национальная стратегия кибербезопасности»⁷, в котором закреплён механизм ведения кибервойны; в ЕС такой механизм описан в документах: «Таллинское руководство по применению международного права к кибероперациям»⁸ (2017 г.) и «Акт о кибербезопасности» (Cybersecurity Act)⁹ (2019 г.). *Во-первых*, в странах коллективного Запада имеет место более высокий уровень цифровой зрелости бизнеса и его сетевая связанность между собой, что многократно повышает киберугрозы для его нормального функционирования; *во-вторых*, в настоящее время в мире выделяют два мощных центра киберсил: группа компаний FAMGA (США) и BAT (Китай), которые не только обладают достаточным потенциалом для ведения полноценной кибервойны, но и находятся в перманентном противостоянии друг с другом и активно совершают провокационные и вредительские акты в информационном поле стран-противников¹⁰. *В-третьих*, страны СНГ в целом и РФ в частности являются технологически зависимыми от высокотехнологичных продуктов стран Запада (по данным за 2020 г. уровень технологической зависимости составил от 47,0 до 65,0 %¹¹).

Результаты. Следующим этапом научного исследования являются анализ ключевых индикаторов и метрик произошедших киберинцидентов в цифровом пространстве РФ в 2017–2021 гг. и оценка их влияния на цифровую экономику в целом. Принимая во внимание отсутствие в национальном законодательстве закреплённого термина «цифровая война», при сборе данных автором анализировался индикатор «организованные кибератаки», которые принимаются экспертами профильных компаний в сфере информационной безопасности для обозначения атак, ведущих к организованным структурам: национальные и международные хакерские группы, правительственные организации, частные военные корпорации в сфере информационных технологий, чье участие является доказанным для возбуждения уголовного дела и инициации расследования (табл. 2).

⁷ Новая стратегия кибербезопасности США: краткий анализ новой редакции (16.10.2018). [Электронный ресурс]. URL: <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/272/novaya-strategiya-kiberbezopasnosti-ssha-kratkij-analiz-novoj-redakczii-8665>.

⁸ Таллинское руководство 2.0 и захват киберпространства (06.02.2017). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/tallinskoe-rukodstvo-20-i-zahvat-kiberprostranstva> (дата обращения: 26.12.2022, доступ: свободный).

⁹ Акт ЕС о Кибербезопасности (Cybersecurity Act) (17.12.2019). [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/lawgeek-by-aurum/eu-cybersecurity-act-review-aurum-law-firm-d588db539e75>.

¹⁰ Кибервойна США и Китая продолжается: обнаружена элитная китайская группа со связями в спецслужбах (04.10.2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.securitylab.ru/news/534208.php>.

¹¹ Индикаторы инновационной деятельности: 2022: статистический сборник / Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022. С. 24–25; 52–53; 92–93; 109–114; 167–181; 200.

Таблица 2

Ключевые индикаторы и метрики киберинцидентов в цифровом пространстве РФ в 2017–2021 гг. и оценка их влияния на цифровую экономику в целом^{12–17}

Key indicators and metrics of cyber incidents in the digital space of the Russian Federation in 2017–2021 and assessment of their impact on the digital economy as a whole

Индикаторы / метрики	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
1. Общее количество идентифицированных организованных кибератак, всего, ед.	1179	1264	1508	2271	2418
2. Структура атакуемых институтов, % к итогу	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
2.1. Государственные учреждения	14,5	12,8	14,6	15,6	20,4
2.2. Промышленность	20,8	18,1	12,8	10,3	11,3
2.3. Ритейл	20,6	12,6	16,4	18,1	6,5
2.4. Критическая инфраструктура	20,4	22,8	23,5	20,8	27,2
2.5. Финансовые институты	23,7	33,7	32,7	35,2	34,6
3. Оценочные потери национальной экономики от кибератак, млрд руб.	> 116	600	2500	> 3500	> 7000
4. Уровень защищенности национальной экономики от кибератак, % к итогу (расчет по методологии пентестов PT Research в основных отраслях) ¹⁸	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
4.1. Критически низкий / низкий	45,9	40,6	37,3	32,5	27,7
4.2. Удовлетворительный	14,8	16	12,4	10,7	9,7
4.3. Достаточный	28,7	30,3	34,6	37,9	40,2
4.4. Высокий	10,6	13,1	15,7	18,9	22,4
5. Уровень организованности кибератак по типу участников, % к итогу	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
5.1. Индивидуальные	1,2	1,8	2,2	2,4	1,7
5.2. Национальные группы хакеров	25,7	20,9	27,2	24,4	9,4
5.3. Международные группы хакеров	56,2	49,6	40,2	37,4	42,6
5.4. Правительственные организации / частные военные корпорации	16,9	27,7	30,4	40	46,3

Источник: авторская разработка.

¹² Актуальные киберугрозы: итоги 2021 года. Аналитический отчет агентства информационной безопасности Positive Research (19.04.2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2021/>.

¹³ Актуальные киберугрозы: итоги 2020 года. Аналитический отчет агентства информационной безопасности Positive Research (28.04.2021). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2020/>.

¹⁴ Актуальные киберугрозы: итоги 2019 года. Аналитический отчет агентства информационной безопасности Positive Research (18.03.2020). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2019/>.

¹⁵ Актуальные киберугрозы – 2017: тренды и прогнозы. Аналитический отчет агентства информационной безопасности Positive Research (06.03.2018). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2017/>.

¹⁶ Сбербанк предсказал рост ущерба экономике России от кибератак на 40 % (21.01.2020). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/21/01/2020/5e26e6a79a7947798bc80db7>.

¹⁷ «Лаборатория Касперского» оценила потери российского бизнеса от кибератак (21.10.2021). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2021/10/12/890858-laboratoriya-kasperskogo-otsenila-poteri-rossiiskogo-biznesa-ot-kiberatak>.

¹⁸ Рассчитывается как количество успешных тестовых атак, % к общему количеству проведенных пентестов.

Как следует из приведенных в табл. 2 данных, Россия в анализируемом периоде столкнулась не только с растущим количеством организованных кибератак (+1239 ед. к 2017 г., или 205,0 %), но и их структурной концентрацией вокруг финансовых институтов (в среднем на них пришлось 32,0 %), объектов критической инфраструктуры (22,9 %) и государственных учреждений (15,6 %), причем в 2021 г. отмечен явный всплеск атак на критическую инфраструктуру (+6,4 п.п.) и государственные институты (+4,8 п.п.). Конечно, такие доводы являются косвенными аргументами, доказывающими реальность военного характера кибератак, но в них есть ряд различных особенностей от классических хакерских актов: *во-первых*, зафиксированные атаки отличаются очень высоким уровнем организации, жесткой программой действий и дисциплиной участников, характерных больше для силового блока, чем для хактивистов¹⁹; *во-вторых*, целями атак на госучреждения выступала полная компрометация ИТ-инфраструктуры; кража конфиденциальной информации (почтовых переписок, файлов общего и ограниченного доступа, инфраструктурных и логических схем и т.д.); *в-третьих*, использование в атаках недетектируемого ВПО, легитимных утилит и понимания внутренней логики работы применяемых в органах власти средств защиты информации²⁰.

Анализируя уровень защищенности отраслей национальной экономики РФ, следует отметить положительное снижение респондентов с критически низкой/низкой оценкой (27,7 % в 2021 г. против 45,9 % в 2020 г.) и одновременным ростом респондентов с оценкой «достаточный уровень защищенности» (40,2 % в 2021 г. против 28,7 % в 2017 г.), вместе с тем публичные данные тематических отчетов (PT Research; SecurityLab) не позволяют увидеть, кому принадлежат такие оценки, а значит, вопрос защищенности критической инфраструктуры и государственных институтов остается открытым.

Переходя к географической структуре совершенных кибератак на цифровое пространство РФ, сразу выделяется тренд увеличения доли международных хакерских группировок (42,6 % по состоянию на конец 2021 г.) и правительственных организаций и частных военных корпораций (46,3 против 16,9 % соответственно). По данным МИД РФ в 2022 г. в связи со специальной военной операцией в Украине в кибератаках против России задействованы 22 хакерские группировки, в том числе из США, Украины и Грузии²¹. Все это свидетельствует не только о росте агрессивности киберсреды, но и постепенном системном разворачивании против национальных интересов России серии военных киберопераций.

На следующем этапе рассмотрим структуру целей совершаемых кибератак против национальных интересов РФ в 2017–2021 гг. (рис. 1).

¹⁹ Кибертерроризм: виды атак, хакеров и их влияния на цели (28.11.2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.securitylab.ru/analytics/534885.php>.

²⁰ Отчет об исследовании серии кибератак на органы государственной власти Российской Федерации (2021). [Электронный ресурс]. URL: https://rt-solar.ru/upload/iblock/53e/Otchet-Solar-JSOC-ob-issledovanii-serii-kiberatak-na-organy-gosudarstvennoy-vlasti-RF-_web.pdf.

²¹ МИД РФ: более 20 хакерских группировок задействованы в операциях против России (09.06.2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5395981>.

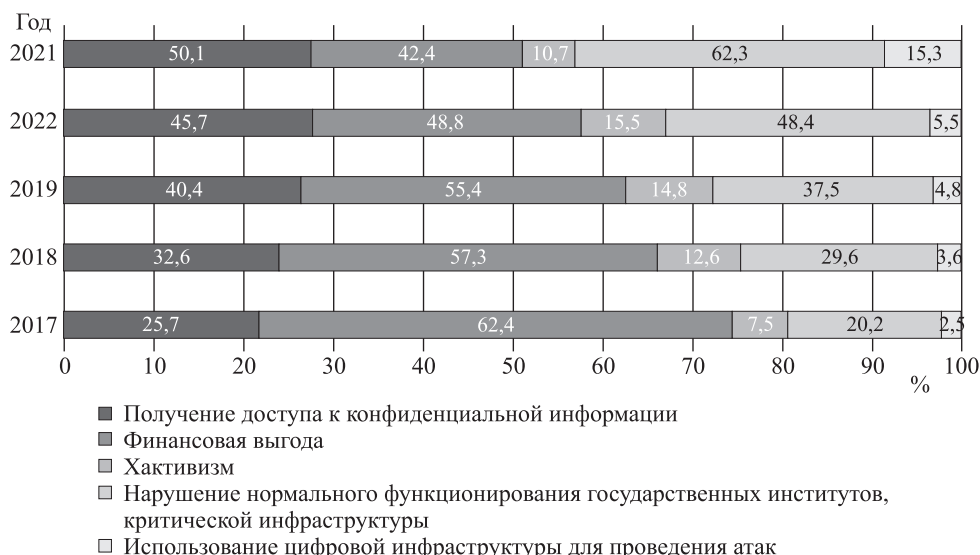

Рис. 1. Структура целей совершаемых кибератак против национальных интересов РФ в 2017–2021 гг., %^{12–15, 22}

Источник: авторская разработка

The structure of the goals of cyberattacks against the national interests of the Russian Federation in 2017–2022, %

На основании представленного графика к 2021 г. акцент в кибератаках сконцентрировался на получении доступа к конфиденциальной информации (среднее значение – 38,9 %), финансовой выгоды (53,3 %) и нарушению нормального функционирования государственных институтов, критической инфраструктуры (39,6%), т.е. виден рост заинтересованности в атаках нанесения существенного ущерба не только для неопределенно широкого круга лиц (это отличительная черта хаккинга), а именно для дискредитации и нарушения нормального функционирования объектов критической инфраструктуры: по данным «Ростелеком-Солар» за 2021 г. в России было выявлено 300 таргетированных атак²³ на объекты критической информационной инфраструктуры (ЦОДы, серверы портала Госуслуги, Министерства обороны).

В завершении научного исследования рассмотрим структуру расходов государственных регуляторов и уполномоченных институтов информационной безопасности на обеспечение кибербезопасности в 2017–2020 гг.

На рис. 2 показано, как государственные регуляторы в сфере кибербезопасности (Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам, Центр мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере) к 2021 г. сместили акцент на сдерживание угроз на внешнем периметре за счет лучшего технического оснащения

²² Кибербезопасность 2022–2023. Тренды и прогнозы (13.01.2023). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/ogo-kakaya-ib/>.

²³ Крупнейшие киберинциденты и утечки данных в 2021 г. (30.12.2021). [Электронный ресурс]. URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Threats_Analysis/Biggest-cyber-incidents-and-data-breaches-in-2021.

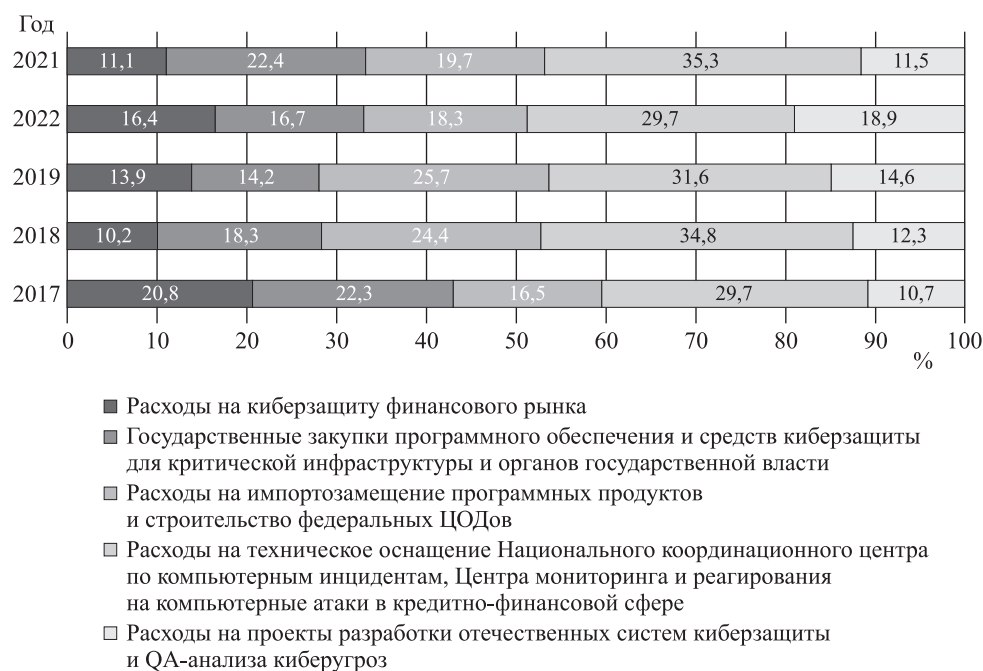

Рис. 2. Структура расходов государственных регуляторов и уполномоченных институтов информационной безопасности на обеспечение кибербезопасности в 2017–2020 гг., % к итогу^{24–28}

The structure of expenses of state regulators and authorized information security institutions for ensuring cybersecurity in 2017–2020, % of the total

ядра: так, удельный вес расходов на техническое оснащение Национального координационного центра по компьютерным инцидентам, Центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере вырос с 29,7 % в 2017 г. до 35,3 % в 2021 г. Для сравнения расходы на проекты разработки отечественных систем киберзащиты и QA-анализа киберугроз за этот же период времени выросли с 10,7 до 11,5 %. Значительный удельный вес остался за расходами на импортозамещение программных продуктов и строительство федеральных ЦОДов – среднее значение составило 20,9 %.

²⁴ Весь кибербез за один час. Итоги 2021 года и прогнозы на 2022 в области кибербезопасности по версии Positive Technologies (20.01.2022). [Электронный ресурс]. URL: https://www.ptsecurity.com/upload/corporate/ru-ru/analytics/Positive_Technologies_Whitepaper_ves-kiberbez-zachas_20_01_2022.pdf.
²⁵ Информационная безопасность на практике. Итоги 2018 г., перспективы 2019 г. (2021). [Электронный ресурс]. URL: https://www.securitycode.ru/upload/iblock/119/Info_Security_in_practice_2019.pdf.
²⁶ Компромисс бюджета и информационной безопасности (26.12.2018). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/regional-information-security-2018/> (дата обращения: 27.12.2022, доступ: свободный).
²⁷ Сколько стоит информационная безопасность (18.12.2017). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/is-cost-2017/>.
²⁸ Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций в 2021 г. (11.04.2022). [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey_2021/.

Обсуждение. Таким образом, в России сформирована и продолжает развиваться *централизованная модель управления информационной безопасностью в цифровой экономике*, что укладывается в уже отлаженную вертикально интегрированную модель государственного управления, однако важной чертой ее эффективного функционирования является необходимость глубокого проникновения в информационное окружение каждого из граждан, бизнесов и некоммерческих организаций. Только при таком условии обеспечивается возможность проактивного реагирования на внутренние и внешние киберугрозы и атаки, однако это в свою очередь порождает многочисленные опасения по поводу формирования в России так называемого «цифрового гетто», т.е. полного подчинения сферы ИКТ интересам политической элиты и существенного ограничения свобод граждан в целом, что является фейком в своей сути, но тем не менее приводит к паническим настроениям в обществе²⁹ и еще сильнее усиливает нестабильность информационного периметра государства и повышает риски ослабления цифрового суверенитета.

Простого решения данного вопроса нет, так как он требует перекармливания механизма управления социально-экономическими процессами в пользу повышения цифровой гигиены и культуры поведения граждан в информационном пространстве, включение в образовательные курсы, начиная со школы занятия в области кибербезопасности и разъяснения опасностей перерастания организованных кибератак в полноценную кибервойну.

Второй существенной проблемой является *нарастание разрыва в обеспечении киберзащиты в наиболее привлекательных для кибератак сферах и отраслях*: кредитно-финансовой, здравоохранении, государственном управлении, объектах энергетической и иной критической инфраструктуры. Так, например, в банковском секторе удельный вес ТОП-10 крупнейших банков в совокупных расходах финансово-кредитного сектора на кибербезопасность составляет по итогам III квартала 2022 г. по разным оценкам от 48,7 до 54,1 % (зависит от политики конфиденциальности предоставления данных)³⁰, т.е. имеем мощное защищенное ядро на финансовом рынке, в то время как более 36,0 % представителей топ-менеджмента банков более низкого уровня заявили об отсутствии в составе их оргструктуры самостоятельной команды специалистов в области информационной безопасности. Такое положение дел в перспективе будет приводить к массовому отзыву лицензий, перевод на основании плохого риск-профиля будет вытеснять такие банки на периферию рынка и потерю клиентской базы³¹.

Атаки на медучреждения связаны с развитием телемедицины и развития практики виртуального обмена информацией между пациентом и врачом, что является интересным объектом для атак прежде всего коммерческого характера (продажа, деанонимизация данных о болезнях). Согласно

²⁹ Большой брат: чего добивается движение за визуальную приватность (01.10.2020). [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5f75e6349a7947957f334e71>.

³⁰ Аналитический отчет Positive Technologies 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ptsecurity.com/upload/corporate/ru-ru/analytics/positive-research-2022-rus.pdf>.

³¹ ЦБ введет новое наказание для банков за плохую защиту от кибератак (12.09.2019). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/12/09/2019/5d7a444b9a79473704c454a2>.

данным отчета PT Research из зафиксированных 227 атак на сферу здравоохранения, 192 из них связаны с невозможностью своевременного обновления архитектуры программного обеспечения из-за введенных санкций на покупку лицензий для профильного оборудования³².

Ввиду доминирования государственного сектора в сфере здравоохранения автором высказано предположение о необходимости развития практики путем внесения поправок в Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» от 29.07.2017 N 242-ФЗ³³ через развитие платформы «Здоровье», представляющее создание сети региональных аналитических платформ для комплексной автоматизации бизнес-процессов оказания медицинской помощи, обеспеченное новейшими технологиями защиты, включая блокчейн.

Третьей сложной проблемой обеспечения эффективной защиты от организованных кибератак национальной экономики России является *массовая релокация опытных IT-специалистов и множественность введенных санкций против сектора информационно-компьютерных технологий*: по итогам трех кварталов 2022 г. число санкций превысило 500 ед., в том числе сокращение трансферта технологий и совместных R&D проектов – более 200, сокращение / запрет на инвестиции в российский сектор ИКТ (включая венчурные фонды) – более 187 ед. Количество специалистов-релокантов сектора ИКТ за этот же интервал времени составило более 100 000 чел., число компаний-релокантов – более 120 ед.^{34–36}

Для преодоления дефицита государственным регулятором принимается комплекс мер по введению финансовых стимулов и налоговых послаблений для IT-компаний для сохранения их деловой активности и присутствия на российском рынке: освобождение от налогообложения НДС операций по передаче исключительных прав на программы, базы данных, включенных в единый реестр российского ПО (п. 7 письма ФНС от 18.12.2020 № СД-4-3/20902³⁷): программные продукты для объектов критической инфраструктуры ИКТ-сферы, государственный заказ в рамках импортозамещения; ГК «РВК» и его партнеры: РФРИТ, фонд «Сколково» и ФРИИ³⁸

³² Атаки на здоровье: какие кибервызовы стоят перед современной медициной (2021). [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/637f2a909a794747ebe66926>.

³³ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» от 29.07.2017 N 242-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221184/.

³⁴ Дефицит ИТ-мозгов: как Россия решает проблему кадрового голода в отрасли (28/07/2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/07/2022/62e12c929a794747597da279>.

³⁵ Рынок труда в России (ИТ и телеком) (01/11/2022). [Электронный ресурс]. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Рынок_труда_в_России_\(ИТ_и_телеком\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Рынок_труда_в_России_(ИТ_и_телеком)).

³⁶ Период IT-распада: как спасти российскую отрасль кибербезопасности (27.12.2022). [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/economics/2022-11-02/100_215701112022.html.

³⁷ О налоговом маневре в IT-отрасли: Федеральная налоговая служба: Письмо № СД-4-3/20902 от 18.12.2020 (01.10.2021). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.klerk.ru/doc/519824/>.

³⁸ Льготы для IT-компаний в 2022 году: основные меры поддержки и как их получить (18.05.2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.it-world.ru/it-news/state/184625.html>.

предлагают широкий круг грантов в размере 20–500 млн руб. на разработку российских аналогов программных продуктов в сфере информационной безопасности для критической инфраструктуры и госучреждений; проведение национальной аккредитации ИКТ-компаний для более тщательного контроля за их деятельностью³⁹.

Заключение. Подводя итог научного исследования, следует отметить следующее: цифровая война является «ближайшим родственником» к гибридной войне, но отличается от нее более высоким уровнем самоорганизации и сущностно-функциональной автономностью, и удаленностью от места протекания, так как может вестись самостоятельно без прибегания к использованию вооруженных сил. В РФ в отличие от зарубежной практики в национальном законодательстве отсутствует закрепленный термин «цифровая война», что усложняет анализ произошедших кибератак на предмет участия в них правительств и военных институтов стран-противников. В границах хронологического периода анализа был установлен факт структурной концентрации организованных кибератак вокруг финансовых институтов, объектов критической инфраструктуры и государственных учреждений, причем в 2021 г. отмечен явный всплеск атак на критическую инфраструктуру и государственные институты.

На сегодняшний день в России сформирована и продолжает развиваться *централизованная модель управления информационной безопасностью в цифровой экономике*, что укладывается в уже отлаженную вертикально интегрированную модель государственного управления, однако важной чертой ее эффективного функционирования является необходимость глубокого проникновения в информационное окружение каждого из граждан, бизнесов и некоммерческих организаций, а это приводит к паническим настроениям в обществе и еще сильнее усиливает нестабильность информационного периметра государства и повышает риски ослабления цифрового суверенитета.

Список источников

1. Балаклея Н.А. Пространственный аспект современных войн: от традиционной войны к кибервойне // Социодинамика. 2021. № 4. С. 136–148. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.4.32652
2. Бегларян М.Е., Войтова-Долгих Я.Н., Одинцов С.А. Исторические аспекты понятий «киберпреступление» и «кибертерроризм» в законодательстве: проблемы трактования // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 4. С. 11–16.
3. Глазьев С.Ю. Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне? («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2015. 352 с.
4. Дугин А.Г. Русская война / под ред. В.М. Коровина. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015. С. 147.
5. Животова О.Н. Война как высшая форма проявления политического конфликта // Актуальные исследования. 2021. № 31 (58). С. 10–12.

³⁹ Прогноз развития рынка кибербезопасности в Российской Федерации на 2022–2026 годы (2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/13f/ufleu9rg5zc3ldu66sqrq3a89j0mrve5.pdf>.

6. Тиханычев О.В. Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? // Вопросы безопасности. 2020. № 1. С. 30–43. DOI: 10.25136/2409-7543.2020.1.30256
7. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект пресс, 2004. 400 с.
8. Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Изд-во АСТ, 2017. 320 с.
9. Хеджес К. Шелдон Волин и перевернутый тоталитаризм // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 147–153.
10. Чернышенко Н.А. Кибервойна: теория и практика // Научные работы. Политология. 2015. Т. 248. С. 37–42.
11. Cristiano F. From Simulations to Simulacra of War: Game Scenarios in Cyberwar Exercises // Journal of War and Culture Studies. 2018. Vol. 11, no. 1. P. 22–37. DOI: 10.1080/17526272.2017.1416761
12. Cronin A.K. Behind the Curve: Globalization and International Terrorism. Essential Readings in World Politics / Ed. by K.A. Mingst, J.L. Snyder. N. Y.: W. W. Norton & Company, 2004. P. 367–381.
13. Evans G., Newnham J. Dictionary of International Relations. L.: Penguin Reference, 1998. 597 p.
14. Gibbs J.P. Conceptualization of Terrorism // American Sociological Review. 1989. Vol. 54, no. 3. P. 329–340.
15. Harknett R.J., Smeets M. Cyber campaigns and strategic outcomes // Journal of Strategic Studies. 2020. Vol. 4. P. 36–42. DOI: 10.1080/01402390.2020.1732354
16. Holt T.J., Freilich J.D., Chermak S.M. Exploring the Subculture of Ideologically Motivated Cyber-Attackers // Journal of Contemporary Criminal Justice. 2017. Vol. 33, no. 3. P. 212–233. DOI: 10.1177/1043986217699100

References

1. Balakleec N.A. Prostranstvennyj aspekt sovremennyh vojn: ot tradicionnoj vojny k kibervojne [Spatial aspect of modern wars: from traditional war to cyber war], *Socio-dinamika* [Sociodynamics], 2021, no. 4, pp. 136–148. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.4.32652
2. Beglarjan M.E., Vojtova-Dolgih Ja.N., Odincov S.A. Istoricheskie aspekty ponjatij «kiberprestuplenie» i «kiberterrorizm» v zakonodatel'stve: problemy traktovaniya [Historical aspects of the concepts of “cybercrime” and “cyberterrorism” in legislation: problems of interpretation], *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 4, pp. 11–16.
3. Glaz'ev S.Ju. Ukrainskaja katastrofa: ot amerikanskoj agresсии k mirovoj vojne? [Ukrainian catastrophe: from American aggression to world war?] («Kollekcija Izborskogo kluba»). Moscow, Knizhnyj mir, 2015. 352 p.
4. Dugin A.G. Russkaja vojna [Russian war]. Pod red. V.M. Korovina. Moscow, OOO «TD Algoritm», 2015. P. 147.
5. Zhivotova O.N. Vojna kak vysshaja forma projavlenija politicheskogo konflikta [War as the highest form of manifestation of political conflict], *Aktual'nye issledovanija* [Actual research], 2021, no. 31 (58), pp. 10–12.
6. Tihanychev O.V. Gibridnye vojny: novoe slovo v voennom iskusstve ili horosho забытое старое? [Hybrid wars: a new word in military art or a well-forgotten old one?], *Voprosy bezopasnosti* [Security questions], 2020, no. 1, pp. 30–43. DOI: 10.25136/2409-7543.2020.1.30256
7. Ujebster F. Teorii informacionnogo obshhestva [Theories of the information society]. Moscow, Aspekt press, 2004. 400 p.
8. Hajek F. Doroga k rabstvu [Road to slavery]. Moscow, Izd-vo AST, 2017. 320 p.

9. Hedzhes K. Sheldon Volin i perevernutyj totalitarizm [Sheldon Wolin and inverted totalitarianism], *Sociologicheskie issledovanija* [*Sociological research*], 2021, no. 6, pp. 147–153.
10. Chernyshenko N.A. Kibervojna: teorija i praktika [Cyber warfare: theory and practice], *Nauchnye raboty. Politologija* [*Scientific works. Political science*], 2015, vol. 248, pp. 37–42.
11. Cristiano F. From Simulations to Simulacra of War: Game Scenarios in Cyberwar Exercises. *Journal of War and Culture Studies*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 22–37. DOI: 10.1080/17526272.2017.1416761
12. Cronin A.K. Behind the Curve: Globalization and International Terrorism. Essential Readings in World Politics / Ed. by K.A. Mingst, J.L. Snyder. N. Y.: W. W. Norton & Company, 2004. P. 367–381.
13. Evans G., Newnham J. Dictionary of International Relations. L.: Penguin Reference, 1998. 597 p.
14. Gibbs J.P. Conceptualization of Terrorism. *American Sociological Review*, 1989, vol. 54, no. 3, pp. 329–340.
15. Harknett R.J., Smeets M. Cyber campaigns and strategic outcomes. *Journal of Strategic Studies*, 2020, vol. 4, pp. 36–42. DOI: 10.1080/01402390.2020.1732354
16. Holt T.J., Freilich J.D., Chermak S.M. Exploring the Subculture of Ideologically Motivated Cyber-Attackers. *Journal of Contemporary Criminal Justice*, 2017, vol. 33, no. 3, pp. 212–233. DOI: 10.1177/1043986217699100

Сведения об авторе:

А.С. Ермаков – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ООО «Инсейлс Рус», Москва, Российская Федерация.

Information about the author:

A.S. Ermakov – Graduate student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Insales Rus LLC, Moscow, Russian Federation.

<i>Статья поступила в редакцию</i>	<i>11.01.2023</i>	<i>The article was submitted</i>	<i>11.01.2023</i>
<i>Одобрена после рецензирования</i>	<i>02.02.2023</i>	<i>Approved after reviewing</i>	<i>02.02.2023</i>
<i>Принята к публикации</i>	<i>16.02.2023</i>	<i>Accepted for publication</i>	<i>16.02.2023</i>

АВТОРЫ

Алексеев Михаил Анатольевич, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Устойчивого развития социально-экономических систем», профессор кафедры бизнес-аналитики и статистики, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: m.a.alekseev@nsuem.ru

Баликоев Владимир Заурбекович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансового рынка и финансовых институтов, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: Balikoev1941@yandex.ru

Бердичевская Виктория Олеговна, кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vberdichevskaia@gmail.com

Борисов Владимир Николаевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, Москва, Российская Федерация. E-mail: vnbor@yandex.ru

Бурматова Ольга Петровна, доктор экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: burmatova@ngs.ru

Восканян Роза Оганесовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент Департамента финансового и инвестиционного менеджмента, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: rovoskanian@fa.ru

Галушин Павел Викторович, кандидат технических наук, доцент кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники, Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Российская Федерация. E-mail: galushin@gmail.com

Галушина Елена Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры медицинской кибернетики и информатики, Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск, Российская Федерация. E-mail: e.n.galushina@gmail.com

Ермаков Антон Сергеевич, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ООО «Инсейлс Рус», Москва, Российская Федерация. E-mail: ermakov4work@gmail.com

Кириллова Анастасия Дмитриевна, магистрант, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Российская Федерация. E-mail: kirillowa.anastasiia@mail.ru

Меджидов Заур Уруджалиевич, кандидат экономических наук, кафедра «Информационные технологии и информационная безопасность», Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Российская Федерация. E-mail: Zaur-medzhidov@mail.ru

- Попов Андрей Васильевич**, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Российская Федерация. E-mail: ai.popov@yahoo.com
- Плотникова Дарья Александровна**, младший научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, Москва, Российская Федерация. E-mail: aleksandrovnadp@gmail.com
- Рубан Дмитрий Александрович**, кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры бизнеса в сфере гостеприимства, Высшая школа бизнеса, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация. E-mail: ruban-d@mail.ru
- Саченок Людмила Ивановна**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация. E-mail: Lyudmila.sachenok@mail.ru
- Свистунов Андрей Валерьевич**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Муромский институт (филиал), Муром, Российская Федерация. E-mail: svistunov-murom@yandex.ru
- Серга Людмила Константиновна**, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой бизнес-аналитики и статистики, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент кафедры статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: l.k.serga@nsuem.ru
- Смирнов Сергей Алевтинович**, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: smirnoff1955@yandex.ru
- Торчин Игорь Александрович**, ведущий специалист отдела финансового анализа и планирования, Производственное Объединение Муромский машиностроительный завод, Муром, Российская Федерация. E-mail: torchin_igor@mail.ru
- Фрейдина Елизавета Васильевна**, доктор технических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Устойчивого развития социально-экономических систем», Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: evfreydina@socio.pro

AUTHORS

- Alekseev Mikhail A.**, Doctor of Economics, Leading Researcher of the Research Laboratory "Sustainable Development of Socio-Economic Systems", Professor of the Department of Business Analytics and Statistics, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia Federation. E-mail: m.a.alekseev@nsuem.ru
- Balikoev Vladimir Z.**, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Financial Market and Financial Institutions, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: Balikoev1941@yandex.ru
- Berdichevskaya Victoria O.**, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation. E-mail: vberdichevskaya@gmail.com
- Borisov Vladimir N.**, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: vnbor@yandex.ru
- Burmatova Olga P.**, Doctor of Economics, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering of SB RAN, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: burmatova@ngs.ru
- Voskanian Roza O.**, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Financial and Investment Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: rovoskanian@fa.ru
- Galushin Pavel V.**, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Information and Legal Disciplines and Special Equipment, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Krasnoyarsk, Russian Federation. E-mail: galushin@gmail.com
- Galushina Elena N.**, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor of the Department of Medical Cybernetics and Informatics, Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk, Russian Federation. E-mail: e.n.galushina@gmail.com
- Ermakov Anton S.**, Graduate student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Insales Rus LLC, Moscow, Russian Federation. E-mail: ermakov4work@gmail.com
- Kirillova Anastasia D.**, Undergraduate, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russian Federation. E-mail: kirillowa.anastasiia@mail.ru
- Medzhidov Zaur U.**, Candidate of Economic Sciences, Department of Information Technology and Information Security, Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russian Federation. E-mail: Zaur-medzhidov@mail.ru
- Popov Andrey V.**, Senior Researcher, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russian Federation. E-mail: ai.popov@yahoo.com
- Plotnikova Darya A.**, Junior Researcher, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: aleksandrovnadp@gmail.com

- Ruban Dmitry A.**, Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Associate Professor of the Department of Hospitality Business, Graduate School of Business, South Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation. E-mail: ruban-d@mail.ru
- Sachenok Lyudmila I.**, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit, Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation. E-mail: Lyudmila.sachenok@mail.ru
- Svistunov Andrey V.**, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs, Murom Institute (branch), Murom, Russian Federation. E-mail: svistunov-murom@yandex.ru
- Serga Lyudmila K.**, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Business Analytics and Statistics, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Associate Professor of the Department of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia Federation. E-mail: l.k.serga@nsuem.ru
- Smirnov Sergey A.**, Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: smirnoff1955@yandex.ru
- Torchin Igor A.**, Leading Specialist of Financial Analysis and Planning Department, Production Association Murom Machine Building Plant, Murom, Russian Federation. E-mail: torchin_igor@mail.ru
- Freydina Elizaveta V.**, Doctor of Technical Sciences, Professor, Leading Researcher of the Research Laboratory “Sustainable Development of Socio-Economic Systems”, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: evfreydina@socio.pro

Научный журнал

«ВЕСТНИК НГУЭУ»

2023 • № 1

Цена свободная

Учредитель и издатель журнала –
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»

Адрес учредителя и издателя: 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56
Адрес редакции: 630099, г. Новосибирск, ул. Ядринцевская, д. 53, комн. 119
Отпечатано в Типографии НГУЭУ:
630099, г. Новосибирск, ул. Ядринцевская, д. 53, каб. 3-118

Выход в свет 31.03.2023. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Формат 70 × 108/16. Усл. п.л. 21,35. Тираж 500 экз.
Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре,
Свидетельство: серия ПИ № ФС77-84774 от 17.02.2023